

蒙古源流考

◎

蒙古源流考 卷之三 蒙古源流考卷之三

Воспоминания
о
Евнее Букетове

ББК 72.4(2)
В 77

Составители К.А. Букетов, В.П. Малышев

Пояснения написаны К.А. Букетовым.

608175

В 77 Воспоминания о Евнее Букетове / Сост. К.А. Букетов,
В.П. Малышев. – Караганда, 2004. – 284 с.

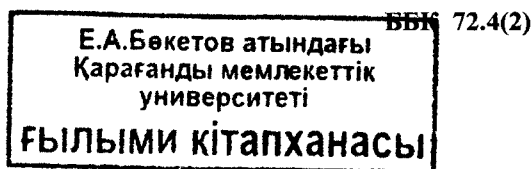
ISBN 9965-613-74-5

Сборник посвящен памяти выдающего ученого и писателя, крупного общественного деятеля и организатора науки, образования, просвещения в Казахстане, академика Академии наук республики, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР, члена Союза писателей СССР Евнея Арстановича БУКЕТОВА.

В сборник включены статьи видных государственных деятелей, ученых, преподавателей, журналистов, писателей, его родственников, товарищей и друзей, учеников, современников Е.А. Букетова. В сборнике отражены основные вехи жизни и деятельности, его огромный вклад в развитие науки, просвещения, культуры и образования республики.

Материалы для сборника собраны в течении десяти лет братом академика Камжабаем Арстановичем Букетовым, воспоминания которого открывают книгу. В свое время отдельные из них публиковались в периодической печати и были изданы отдельными брошюрами и были хорошо приняты массовым читателем.

В $\frac{1401000000}{00(05)-04}$

ISBN 9965-613-74-5

© К.А. Букетов, В.П. Малышев, 2004

Человек не появляется на божий свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Он постепенно начинает отличать хорошее от дурного, а если ему суждено немало пережить, то он, конечно и многое узнает...

АБАЙ

Я не знаю, что будет после меня, но если хоть одно зерно, посеянное мной даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком.

Е.А. БУКЕТОВ

От составителей

Необходимость подготовки полного мемуарного сборника, посвященного памяти ученого и писателя Евнея Арстановича Букетова, на наш взгляд, диктуется по крайней мере двумя обстоятельствами.

Первое - это то, что к настоящему времени практически завершен сбор материалов от его современников, начиная от школьных товарищей и учителей до коллег по научной и писательской профессии. Эти воспоминания опубликованы в период 1994 - 1997 годов в трех различных изданиях. Поэтому объединение их в одну книгу могло бы дать более полное, емкое и в основном завершенное представление о личности, несомненно принадлежащей истории Казахстана в ее "минуты роковые".

Второе - это то, что по мере удаления внушительной фигуры Евнея Букетова в историческое прошлое она становится все заметнее и привлекательнее для историков, филологов, ученых, и сейчас разработкой его научного и писательского наследия занимается с десятков университетских аспирантов. Так бывает только с истинными талантами, которым под силу самая строгая проверка - временем. Для облегчения работы с основополагающими научными публикациями ученого недавно выпущен сборник "Фундаментальные труды академика Е.А. Букетова". Наш сборник, будучи сугубо мемуарным, наполненный житейскими деталями во все периоды жизни Е.А. Букетова и во всем разнообразии его обширных контактов с современниками, призван оживить эту монументальную фигуру в воображении тех, кто прикасается к его творческому наследию.

Эту книгу можно читать и как документальную прозу, где главный документ - сама жизнь умного и сильного человека, с детства и до конца своих дней стремящегося идти по главной дороге, не отвлекаясь на пустяки и соблазны, с достоинством перенося удары судьбы и увлекая своей мужественной поступью тех, кто выбрал эту главную дорогу жизни.

**Виталий МАЛЫШЕВ,
Камзабай БУКЕТОВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Камзабай Арстанович Букетов - инженер электрик, ему недолго пришлось работать по своей приобретенной специальности. Его переводили из одной отрасли в другую на руководящие хозяйственные должности в г. Караганде и Карагандинской области.

В свое время был награжден несколькими правительственными наградами за хорошую работу. Он единственный, среди работников жилищно-коммунального хозяйства Карагандинской области, удостоившийся почетного звания "Заслуженный работник службы быта Казахской ССР". К.А. Букетов, очевидно, никогда не думал, что напишет книгу, и вот уже седой, к семидесяти годам от роду, взялся за перо, чтобы запечатлеть на бумаге воспоминания о старшем брате - в некотором роде своем воспитателе и учителе. Об одном из выдающихся ученых нашего времени в области химии и металлургии, писателе, поэте и переводчике, оставившем большое наследие в науке, культуре и искусстве, Евнее Арстановиче Букетове - академике Национальной академии республики, докторе технических наук, профессоре, лауреате Государственной премии СССР и члене Союза писателей СССР.

Первые очерки воспоминаний Камзабая Букетова об ученом появились в 1988 году на страницах газеты "Индустриальная Караганда", которые были написаны по просьбе друзей покойного.

Некоторое время имя Евнея Букетова замалчивалось, причину читатель узнает, прочитав эту книгу.

Ценность настоящих воспоминаний представляет то, что его написал родной брат академика, который вырос вместе с ним, и отдельные моменты его жизни и деятельности хорошо известны только ему, так как почти никого уже нет в живых из знавших детские и юношеские годы Евнея Арстановича.

Отрывки отдельными очерками, статьями в свое время публиковались на страницах журналов "Простор", "Акикат" и "Зерде", газет "Орталық Қазақстан", Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей.

Они были тепло встречены читателями.

По просьбе и предложению многих друзей и соратников академика автор систематизировал по мере возможности в хронологическом порядке и предлагает вашему вниманию свои воспоминания.

Я долгие годы был в дружеских отношениях с академиком Е.А. Букетовым и близко знаю автора этой книги, спасибо ему за этот небольшой, но ценный труд.

Талантливость и душевность, обаяние несравненного ума, одаренного от природы академика Е. Букетова заслуживают того, чтобы запечатлеть образ этого неповторимого человека.

Убежден - будет еще немало попыток воссоздать на бумаге, на сцене, на полотне и в камне выразительную фигуру академика Евнея Арстановича Букетова, во всех этих попытках воспоминания живого свидетеля будут незаменимым и достоверным документом.

Он никогда не должен уйти из нашей памяти. Как Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Сакен Сейфуллин, Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов и другие, которые живут вместе с новыми поколениями и служат примером в движении к будущему.

**Жаик Бектуров,
писатель, Почетный гражданин г. Караганды.**

СТАРШИЙ БРАТ

В ауле

Если бы при жизни старшего брата кто-нибудь мне сказал: "Напиши книгу", - я бы посмеялся и ответил: "Это может сделать только Евней, обращайтесь к нему".

А теперь, когда его не стало, вся наша жизнь разворачивается, как книга... И передо мной предстают воспоминания о нашем далеком детстве в живописных местах северного Казахстана...

Зимовье нашего аула находилось в пойме реки Ишим на правом берегу в среднем её течении. Оно состояло из трех небольших аулов и называлось Алыпкаш, по имени знаменитого предка, прославившего себя в борьбе с иноземными захватчиками - джунгарами.

Мы с Евнеем родились в ауле "У мечети", название которому дала старая деревянная мечеть в его центре. Через три двора от нее проходила проселочная дорога - Каражол. Дорога, вправо от нашей избы, вела в Большой аул - Улкен аул, который окаймляло старое русло реки. Эта дорога пересекала ручей, казавшийся мне целой рекой. Два аула находились на берегах двух стариц: Большой Черной и Малой Черной, из них аульчане пили воду и поили скот. Третий аул хорошо был виден из окна нашей избы, он находился на пригорке у истока ручейка, вытекавшего из-под земли у самого аула, поэтому его называли "Аул у родника".

Еще из нашего аула на противоположном берегу реки хорошо была видна русская деревня с белыми избами из самана, крытыми соломой. Деревня называлась Коноваловка или, как произносили наши предки, - Конобал. Оттуда летом через брод, зимой по льду к нам приходили, приезжали бородатые мужики, которых мы, дети, боялись, от которых прятались и убегали. А наш папа называл их тамырами (друзьями). Из деревни Двойники, находившейся на нашем берегу, приезжал особенно почитаемый тамыр Сары-Иван (сары - рыжий). Именно здесь, в живом общении и чутком внимании друг к другу закладывалась основа нашей дружбы с русскими. Этот Сары-Иван научил нашего отца заниматься земледелием. У наших родителей на свет появилось 14 детей, из них осталось в живых только пять.

Умершие были все старшие. Видимо сказывался кочевой образ жизни до 1923-1924 годов. Наши аулы постоянно кочевали, притом круглый год жили в юртах. В зимнюю стужу юрту обкладывали снегом, а внутри разводили очаги, тем и грелись. Можно себе хорошо представить какое это было жилище, поэтому, видимо, и умирали дети в младенчестве, а боговерные родители успокаивали себя тем что их младе-

нец оказался хорошим, поэтому "Бог дал – Бог взял", так как ему тоже нужны хорошие люди.

Хочу рассказать о двух старших братьях. Хорошо сохранили память добрые воспоминания: нашей любимой бабушки, наших родителей, да и многих аульчан.

Самого старшего брата при рождении нарекли Зейнелгабиден, а прозвали ласкательно Зейкен, это имя закрепилось за ним и осталось в памяти.

Вспоминая детские годы второго брата - будущего академика Республиканской академии, я обязательно вспоминаю Зейкена, видимо, вот почему. Они, эти два брата, чем-то отличались от всех остальных, ныне здравствующих четырех братьев. А отличались своим природным талантом.

Зейкен в возрасте пяти лет играл на распространенном национальном музыкальном инструменте - домбре, в семь лет свободно читал Коран, в это время начал сам сочинять музыку и исполнять импровизированные и народные песни. Такие увлечения старшего сына привлекли внимание отца, а он был мастер на все, как говорят в народе, руки, и смастерил специально домбру по его росту, на которой мальчику Зейкену стало удобно играть, чем он очень увлекся, виртуозно исполняя любые наигрыши и песни. Он хорошо играл на сыбызгы - свирели. Любые той, шылдақана и другие празднества не только в своем ауле, но и в других близлежащих, не проходили без участия сына Арстана - Зейкена. Его возили по аулам в сопровождении многочисленной взрослой молодежи - бозбалалар. Жизнь его была коротка. Не дожил он до девяти лет, скончался, проболев всего лишь три дня. До конца своей долгой жизни наша бабушка со слезами на глазах говорила, что его "сглазили". Никогда не сходило с ее уст имя Зейкена. Прежде, чем позвать кого-нибудь своим певучим голосом, она обязательно первым произносила имя Зейкена, потом только имя того, кого хотела окликнуть.

В памяти всех родственников и многих аульчан он остался очень одаренным, способным мальчиком. О нем, после его смерти, были сложены грустные песни, отдельные из них я слышал в исполнении своего дяди Маутай-ага и других родственников и аульчан в округе. При этом у слушателей навертывались на глаза слезы.

Видимо, окружение оказало влияние на музыкальное развитие Зейкена. Отец наш и дядя Маутай-ага были хорошими домбристами, играли на самодельной свирели (сыбызгы), не раз завоевывали призы на тоях. До преклонного возраста они не расставались с домброй. У них были мягкие, серебристые, приятные для слуха голоса. Поэтому следует предположить, что в нашем доме собирались люди под стать им. Сейчас все забылось, стерлось из памяти, особенно с уходом из жизни

старшего поколения, видевшего Зейкена, многие из них не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны.

За несколько месяцев до похорон брата Зейкена родился мальчик, будущий академик, нарекли его именем Евнгабиден, схожим с именем любимца семьи - старшего сына. Эта традиция у казахов сохранилась по сей день.

Имена эти арабского происхождения. Из имени Евнгабиден ласкательно получился Евней, и это имя закрепилось за ним. После смерти Зейкена Евней стал бабушкиным сыном, поэтому он пользовался особой привилегией, тем более до моего рождения он был единственным ребенком у нашего отца и двоих его младших братьев. Несмотря на такое привилегированное положение, он не был баловнем. С детских лет не позволял себе шалостей, вызывающих негодование у окружающих. Единственной его прихотью была езда верхом на лошади с кем-нибудь впереди на седле. Бабушка и родители рассказывали: проснувшись утром, озирался вокруг, протирая глаза, и если дома не было Маутай-аги, жившего вместе с нами, то соскакивал с постели, опротя выбегая на улицу, искал лошадь дяди. Если же ее не оказывалось, то бежал в соседний двор, где жил другой дядя. Увидев его Вороного, успокаивался, готовился к верховым поездкам. Привыкнув болтаться с дядями в седле, постоянно караулил их коней, чтобы не уехали без него. Вороной у Ибрай-аги был очень строптивым, не признавал никого, кроме хозяина. Однажды летним вечером, когда Вороной, спасаясь от комаров, подбежал к юрте и стал с подветренной стороны костра, трехлетний Евней спокойно подошел к коню, оказался под брюхом между передними ногами и обнял одну ногу. Бабушка застыла в испуге, а он продолжал обнимать то одну, то другую ногу. А дальше было еще хуже, от передних ног он перешел к задним и стал между ними. Но конь в это время спокойно, медленно и осторожно тронулся, а Евней хватался за заднюю ногу, за хвост коня, не желая отстать, и упал, подняв страшный рев. Конь ушел, а бабушка еле пришла в себя. Эта история стала одной из любимых тем бабушки во время бесед с подругами и гостями, а Карагер (Вороной) из постылого в нашей семье превратился в любимца, несмотря на то, что он оставался таким же злым животным, как и прежде. Эту историю я слышал от бабушки и в последние годы ее жизни, она повторяла ее в мельчайших подробностях. Бабушка наша прожила более 90 лет, овдовев совсем молодой, дед наш умер рано, оставив шестерых детей, из которых выжили четверо: три мальчика и девочка.

Евней был любимцем бабушки, родителей и всех родственников, он заслужил эту любовь своим умом и талантом, проявившимися очень рано. В детские годы мне казалось, что меня все они не любят, эта ревность доходила до того, что иногда мне приходила мысль, зачем я ро-

дился, может быть, я чужой. Только повзрослев, стал понимать, что я тоже любим всеми.

С детских лет Евней был смекалист, придумывал всевозможные игры со своими сверстниками, был как бы предводителем и организатором. Об этом при встречах вспоминают его аульские сверстники: друзья Уайс, Кабен, Кабдуссалам и другие, оставшиеся в живых.

Когда им шел 5-6 год, в аул приехал баксы-знахарь по имени Айкен, по приглашению кого-то из аульчан для лечения больного. В отдалении от аула поставили лучшую юрту, и баксы-Айкен со своим помощником завели больного в юрту и начали лечение. Я тоже крутился здесь же с кем-то из родителей и видел этот процесс. Когда по телевизору смотрю современные эстрадные концерты молодежи, то перед глазами возникает игра этого баксы. Он начинал, напевая неистово визжащим голосом, приговаривая, отгонять от больного злых духов, которые сидели в нем, причиняя ему ужасную боль. Наговаривания баксы были бесконечно длинными. В моей памяти остались отдельные отрывки и то, по-моему, не очень точные, где упоминаются разные змеи, хищные птицы и т.д. Видно, баксы определил, что злые духи вселились в тело больного в виде змей разных цветов, он и вызывал их выйти из тела и приползти к нему, а тот с ними расправится раскаленным в огне топором, который лизал языком. Костер горел здесь же в юрте. Современным детям, думаю, понятно, как это проделывается. Топор в руках баксы находился, примерно в таком же положении как микрофон у современного прыгающего на сцене эстрадного артиста.

Уловив все проделки баксы и его песни-наговоры, подсмотрев это в щель юрты, Евней после его отъезда собрал своих сверстников и начал повторять все это. Он до того увлекся этим занятием, что бабушка, у которой мы все были под пристальным оком, и родители напугались, не превратится ли Евней в баксы, и они кое-как отговорили его от этой опасной игры.

Прошли годы, и трудно сейчас поверить, что на некогда обжитом, оживленном, милом сердцу месте наших предков нет никаких селений: на месте Большого аула плещутся волны рукотворного моря - Сергеевского водохранилища, а через аул "У родника" прошла трасса подземного водовода в Кокчетавскую область. И только бугорки на месте аула. "У мечети" да родовое кладбище на возвышенности перед бывшим аулом, где похоронено несколько поколений наших предков, напоминают о том, что здесь когда-то жили люди...

НА УРАЛЕ

1930 год. Лето перевалило на вторую половину. Стоит знойная, тихая погода, небо голубое, чистое. В один из таких дней у нас дома засуетились, стали складывать какие-то ящики, в общем, идут сборы, куда-то уезжаем. К нам приходят группами и в одиночку аульчане, родственники почему-то тихо плачут, о чем-то говорят. На другой день утром все подготовленные домашние вещи сложили в одноконную бричку, сверху отец соорудил ровную площадку, которую огородил свернутыми одеялами, зимней верхней одеждой, усадил нас с Евнеем, установил казахскую национальную люльку с моим младшим братом Маратом, родившимся в том же году зимой, мама села так, чтобы удобно ей было и придерживать люльку, и кормить грудью, а также присматривать за нами, малышами. В тот год Евнею шел шестой, мне - третий годик, Марату было несколько месяцев.

Собралось много народу не только из родного аула, но из всех окрестностей, поднялся неистовый рев-плач, женщины что-то приговаривали, мужчины молча вытирали глаза носовыми платками, все обнимали наших родителей, а нас брали на руки, целовали, напутствовали. Не все, конечно, я понимал, но остались в памяти эти проводы, первые в жизни. Мы тронулись. В бричку запряжена была в оглобли наша смиренная саврасая кобылица с волнистыми гривой и хвостом, с левой стороны в пристяжку был впряжен именной молодой (четырёхлетка) конь Евнея темно-серой масти в яблочках по кличке Сардонен, а справа трусил саврасый жеребенок, похожий на мать. Далеко за аул нас провожало много мужчин и юношей верхом на лошадях, у них впереди сидели сверстники - друзья Евнея. Проехав некоторое расстояние, все остановились, попрощались, и мы тронулись, а они еще долго стояли и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

Ехали мы мимо высокой скалы, похожей на вертикальную стену, будто специально сложенной из разноцветных камней. Дорога шла правее соседнего села Коноваловки. Через какое-то время мы въехали в небольшой аул, там нас встретили угрюмо, мы не стали задерживаться, поехали дальше, из аула за нами следом выехало несколько всадников, сопровождали нас до брода через реку Ишим. Помогли переправиться и остались, провожая нас глазами. К вечеру мы добрались до аула, расположенного в лесу на бугорке. Справа был глубокий овраг, на дне которого протекал ручей, а слева - густой березняк. Это был ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли) - основа будущего колхоза "Баганаты", который в нашей биографии значит место рождения. Поселились в землянке одного хорошего знакомого отца, а через несколько дней поставили небольшую юрту. Мы познакомились с аульными ребятами. Евней быстро освоился и стал опять заводилой детских игр. Отец сапожничал, куда-то ездил, еще чем-то занимался, а у матери

были мы, и ей хватало забот. Ходили мы на речку, бегали по берегу, плескались в воде, в общем, нам стало неплохо. Но почему-то отец к зиме не готовился, раза два ездил верхом на Сардонене к родным мамы, привозил гостинцы: курт, иримчик, сладости, - рассказывал новости маме и нашей бабушке, которая перебралась к Евнею, так как не могла без него жить. Глубокой осенью, когда опали листья с деревьев, на телеге приехал дедушка по матери, Толемис, с сыном Тайжан, переночевали, а на утро опять погрузили всю домашнюю утварь на две телеги, расселись и - в путь. Аульчане, к которым успели привыкнуть, опять провожали со слезами. Мы приехали в аул на родину мамы, ее родные нас хорошо встретили, устроили в одной довольно просторной землянке с бабушкой, нашу бабушку увез ее младший сын - Маутай-ага.

Весной отец продал именную лошадь Евнея Сардонен. Он долго плакал - жаль было расставаться с любимой лошадей, плакали наша мама и любимая бабушка Меруерт. Исчез куда-то подросток саврасый жеребенок, может быть, зарезали и съели, или тоже продали, не помню, вместо него появился маленький, как игрушечный, гнедой жеребенок.

С наступлением лета 1931 года мы опять погрузились в ту же бричку, но уже было меньше вещей, видимо, брали только необходимое. Отец соорудил над бричкой шалаш с полукруглым верхом, покрыл каким-то брезентом, и опять тронулись в неизвестном направлении. В бричку была впряжена только саврасая кобыла, а слева вместо Сардонен был привязан гнедой жеребенок. Теперь уже не было ни коровы, ни теленка, с которыми приезжали в прошлом году. Куда они делись, известно только родителям. Мы, дети, постоянно находились в телеге, отец чаще шел пешком, рядом с телегой, иногда забирался к нам, давая отдохнуть ногам. С нами постоянно шел пешком дядя Исхак, двоюродный брат отца, средний сын бабушки Кошумбая. Не помню, сколько дней и ночей мы ехали, через какие села, куда и в каком направлении. Запомнились Преснау (Пресновка), Петекау (Петухово), Макошн (Макушино), Мокрасвай (Мокроусово). Добрались до деревни Малкзак - Малый Кизак, расположившейся в глухом, дремучем сосновом лесу. С чем связан выбор места, объяснений от отца не слышал. По пути, когда проезжали русские деревни, села, взрослые и дети выбегали, глаза, вероятно, было в диковинку видеть, как одна семья незнакомой национальности куда-то кочует, но все смотрели молча. Иногда в некоторых селах пожилые люди подходили к нам, о чем-то с отцом разговаривали, потом и женщины и мужчины бежали за нами кто с чем. Несли крынки молока, сметану, хлеб, картошку, незнакомые для нас какие-то красные, зеленые плоды. Мы не все ели, так как незнакомые продукты казались невкусными. Но зато наш дядя Исхак с аппетитом уплетал все, да приговаривал, как хороши, вкусны, а наша мама ворчала: какой

может быть вкус у невареной травы. Отец обыкновенно молчал. Где мы останавливались, не помню, только помню, что ехали очень долго, как мне тогда казалось.

Еще запомнилось: отец нас, сидящих на телеге, заставлял пристально смотреть вперед, не пробежит ли какой-нибудь зверек через дорогу, если пробежит, то запомнить точно, в каком направлении пробежал. Однажды, когда солнце клонилось к закату, Евней вскрикнул, показывая пальцем, что заяц (қоян) справа налево пересек дорогу. Отец сам внимательно посмотрел из-под ладони, в направлении, показанном Евнеем: действительно, какой-то зверь скакал, подпрыгивая. Удостоверившись, что это так, отец глубоко вздохнул и сказал: "Слава Богу, все будет благополучно - құдайға шүкір, жолымыз болады екен". Он был суеверным человеком, верил в приметы. Когда отправлялся куда-нибудь по важным делам, а наша кочевка, действительно, была очень важным событием в жизни семьи, то следил, как любой зверек, лучше не хищный, перебежит: если справа налево, т.е. внутрь подола одежды от застегнутых пуговиц, тогда поездка завершится благополучно, а если же наоборот, т.е. сколько по подолу одежды, то закончится плохо. Папа наш позже, когда благополучно вернулись на родину, нередко вспоминал этот эпизод как пророческий, и именно потому, что зайца, безобидного зверька, заметил старший сын Евней. Особенно он любил вспоминать, когда встречался со своими сверстниками, старыми друзьями.

Размышляя над темой о причинах отъезда нашей семьи из родного аула, прихожу к выводу, что отец наш был в какой-то степени ясновидец. Он по каким-то своим приметам почувствовал надвигающиеся невзгоды, голод, разруху 1931-1932 годов. Спасая семью от неминуемой смерти, заранее двинулся в приуралье. Он был убежден, что простой русский народ поддержит нас, в чем он не ошибся.

Вернемся к Малым Кизакам. Эта деревня сохранилась до сих пор в моей памяти. Школа стояла за речкой. В деревне не было мазаных побеленных строений. Все дома и другие строения были рубленые из добротных бревен, крыши тесовые. В этой деревне нас приютил русский мужик дядя Иван, здоровый, с черной густой бородой и вьющимися длинными волосами. У них было двое детей: мальчик и девочка. Казахи его звали кара Иван (черный Иван). Мне хорошо запомнилась хозяйка дома. Она была светловолосая, белолицая, одевалась всегда аккуратно в светлые тона. Она была доброго отношения к нам, детям, ласково смотрела на нас, угощала всевозможной снедью, разрешала играть с ее детьми и пользоваться игрушками, салазками и тележкой. Жили мы у них во дворе в каком-то помещении, то ли во времянке, то ли в сарае. Дом хозяина был из добротных сосновых бревен, высокий, под тесом, окна со ставнями, вход был с торца, крыльцо в несколько ступенек. Иногда, играя с детьми хозяина, удавалось попадать в дом,

где было несколько комнат, аккуратно убранных, запомнилось, что почти во всех комнатах по углам, а в одной комнате в простенке между окнами висели в позолоченном обрамлении портреты-иконы. На мой вопрос, что это такое, папа объяснил, что это русские боги. Когда на них молятся, то сбываются все желания только у русских, а мусульманам молиться нельзя. Этим, видимо, он оберегал нас от крещения. Несмотря на это, иногда с хозяйскими детьми крестился, а хозяева этому радовались.

К зиме нас переселили в дом, в одну из комнат поближе к выходу. Моя обязанность была качать люльку, т.е. нянчить братишку, иногда играл во дворе, обнесенном высоким досчатым забором, на улицу выглядывал через щели ворот и забора.

Евней ходил в школу, отец или мать его встречали, провожали, потом стал ходить один. Однажды зимой пришел заплаканный и весь в снегу. Оказывается, над ним издевались дети из старшего класса. А дело было так : в летнее время в школу ходили в обход через мостик, а зимой - прямо по льду, и надо было подниматься по довольно крутому берегу. Эти озорники, их было несколько, подкараулили Евнея, и как только он докарабкался до обочины, его толкали, и он катился кувырком назад. Он опять упорно лез наверх, а они вновь толкали его вниз. Так повторялось несколько раз. Наконец, озорников окликнул какой-то взрослый прохожий и пригрозил им, только тогда они разбежались. А Евней весь потный, изможденный пришел домой. В один из зимних дней эта история повторилась. Так шутили деревенские дети над нерусским чужаком, на его счастье в этот раз увидела озорников его любимая учительница, которая сама разогнала ребят, помогла подняться, взяла за руку и привела его домой. Потом она частенько приводила его, иногда заходила в нашу комнату, разговаривала со мной, но я ничего не понимал. Мама ее называла мұғалім - учитель. Она помогала Евнею готовить домашние задания. Евней позже не раз вспоминал все это. Очень хорошо отозвался о своей первой учительнице сам Евней в автобиографической повести "Шесть писем другу", и много добавил его близкий приятель, писатель Жаик Бектуров. Вот что он писал:

"...В 1981 году представилась возможность, и мы с Е.А.Букетовым побывали в Мокроусовском районе Курганской области. Не доезжая до районного центра с.Мокроусова, остановились на железнодорожной станции Макушино. Там до сих пор живет много казахов. Из разговоров с ними выяснилось, что в этой долине нет реки Малказак, а есть небольшие речки Кизак и Кайнак, одна из которых в свою очередь делится на два рукава, один называется Малый Кизак. Так открылась тайна Малказака.

...В Мокроусове Евней безошибочно нашел на окраине место, где была когда-то школа, в которой он учился. Здание, конечно, давно сне-

сено, на его месте росло деревце. А внизу протекала малюсенькая речушка, которая казалась когда-то Евнею глубокой".

А в моей памяти эта речка была бурной горной рекой. Здесь нужно небольшое уточнение: первая школа, о которой идет речь, была в деревеньке Малый Кизак, названной по названию протекавшей речушки, а деревня находилась на расстоянии нескольких километров от районного центра, и хаты стояли между толстыми сосновыми деревьями.

По возвращении из этой поездки Евней сам рассказывал, что на месте некогда большой деревни осталось несколько покосившихся домиков, где проживали люди преклонного возраста, которые не помнят о событиях тех далеких тридцатых годов, когда наводнили те края голодные, оборванные люди.

В той русской школе, где Евней начал учиться грамоте, у него была, как я упомянул выше, любимая учительница. Он ее часто вспоминал и называл то Августиной, то Августой Устиновой. Именно она помогала ему одолевать русскую грамоту. Одновременно помогала и его родителям.

Как-то наш отец покупал на станции Лебяжье картошку и попался на глаза милиционеру. Тот, заподозрив незнакомого казаха в спекуляции, забрал его лошадь, самого Арстана посадил в каталажку. Узнав об этом через Евнея, учительница прошла пешком сорок верст до станции и добилась не только освобождения невинного, но и возвращения ему лошади и покупок. Этот трогательный поступок учительницы глубоко запал в память маленького Евнея.

Ж. Бектуров продолжает:

"...По возвращении в райцентр мне удалось уговорить Е.А. Букетова посетить краеведческий музей. В светлых просторных залах музея экспонаты размещались по тематическому принципу. В одной из комнат мы увидели портрет обаятельной женщины. Евней Арстанович сразу же узнал в ней свою любимую учительницу. На экскурсовода обрушился поток вопросов.

Выяснилось, что настоящее имя и отчество этой женщины Августа Иустиновна, девичья фамилия - Каминская, она в 16 лет окончила женскую гимназию с большой золотой медалью. Выяснилось, что один из сыновей учительницы, Борис Федорович Тарасов, 1912 года рождения, участник Великой Отечественной войны, подполковник ветеринарной службы, живет в Башкирии в городе Белорецке. По возвращении в Караганду Букетов написал ему письмо и получил обстоятельный ответ. Жаль, что Е. Букетов и Б.Тарасов так и не успели встретиться, оба почти одновременно скончались.

Августа Иустиновна Каминская родилась в городе Ялуторовске бывшей Гобольской губернии. Ее отец Иустин Каминский, по национальности поляк, за активное участие в польских событиях 1863-1864

годов, после жестокого подавления восстания был сослан царским правительством в город Ялуторовск - обычное место ссылок революционеров.

Рядом с портретом А.И.Тарасовой (Августа Иустиновна вышла замуж за рабочего Федора Тарасова) в музее висел портрет ее старшего сына Германа Федоровича Тарасова, 1906 года рождения, генерал-майора, Героя Советского Союза, погибшего в сражениях против немецкого фашизма. Г.Ф.Тарасов в 1934 г. окончил Военную академию имени Фрунзе, перед войной работал начальником штаба Забайкальского военного округа".

"У А.И.Тарасовой было пятеро детей. Одна из дочерей, Агния Федоровна, и сегодня живет в г. Туринске Свердловской области. Сразу же после окончания гимназии Августа Иустиновна приехала в Мокроусово и до 1935 года, в течение 40 лет безвыездно здесь учительствовала. Она умерла в поселке Аргаяш Башкирской АССР в декабре 1936 года в возрасте 57 лет. Сыновья и дочери ее учились у своей матери в школе, где впоследствии учился и наш Евней Арстанович.

Жизнь Августы Иустиновны была богата многими яркими событиями. Главное из них - установление и укрепление Советской власти на Урале, чему она была свидетельницей. Понятно, почему русская учительница в далеком Мокроусове так сочувственно отнеслась к обездоленным казахским переселенцам, почему так близки были ей беды и горести простых людей.

Вряд ли надо кому-то доказывать, какую важную роль в становлении личности играют люди, даже случайно встреченные на жизненном пути. Русская учительница Августа Иустиновна Тарасова оставила глубокий след в сердце казахского мальчика..."

Когда Евней начал читать и писать по-русски, он мне показался очень большим и вызывал мое почтительное отношение к нему. Я стал называть его Бапа, что означало старший, хотя разница в годах у нас была лишь три года. Забегая вперед, скажу, что долго звал его так, пока в один из своих приездов он не наградил меня оплеухой за какие-то мои проделки. А почетное имя Бапа закрепилось за ним на всю жизнь, и все братья, сестры, их дети называли его до последних дней так.

Оказавшись единственной казахской семьей в глубине русских селений, предчувствуя предстоящий недород, голод раньше других почти на целый год, наша семья испытывала большие затруднения из-за невозможности свободно изъясняться (отец слабо владел русским языком, а мать вообще не знала ни слова). Но эта трудность уменьшилась, когда через несколько месяцев жизни в русском селе Евней "обрусел" и стал говорить на русском так же свободно, как на родном. Он стал семейным переводчиком.

Родные и земляки, оставшиеся на родине, узнав, что Арстану живется в далекой русской деревне неплохо, к лету 1932 года стали съез-

жаться в Малказак. Приезжавшие родные, знакомые отца привозили очень тревожные вести: очень многие люди умирают от голода. По дорогам плелись изможденные толпы. Многие родственники и знакомые аульчане умерли в пути и оставлены без погребения, укрытые чем попало. Не было сил похоронить умерших. Оставшиеся спешили в спасительные земли. Чудом добравшиеся в русскую глубинку в основном выжили, так как получали бескорыстную помощь и поддержку.

Ранней весной 1932 года еще по твердому снегу отец собрался на родину. Соорудил на саях специальные места, куда аккуратно уложил продукты: муку, мясо, пшено - и уехал. Мама боялась за него, русские знакомые тоже, но через несколько дней он вернулся и не один, а привез младшего своего брата Маутай-ага с семьей и любимую нашу бабушку. Нам с Евнеем стало веселей жить с бабушкой, к тому же у Маутай-аги был сын Самат, мой сверстник. Позже отец рассказывал, что ехал он без передышки, с ружьем наготове, особенно спешил, когда въехал на территорию Казахстана, где уже свирепствовал голод. К середине лета приехал второй наш дядя - Ибрай-ага с семьей, их спасли привезенные отцом продукты, которые они потребляли очень бережно и украдкой от посторонних глаз. К тому времени мы переехали в большой сарай, который отец отремонтировал с помощью русских соседей, настелили дощатый пол. Сарай был очень большой, часть отгородили, и семьи всех трех братьев жили вместе. Остальная часть сарая служила временным пристанищем для прибывших земляков, а их было очень много.

Приезжавшие, а чаще приходившие появлялись у нас толпами. Мама, да и бабушка со своими снохами готовили пищу и всех кормили, потом только расходились, разъезжались, в общем, исчезали. В то время, особенно осенью и зимой, не обходилось без каких-нибудь ЧП. Доходили слухи о кражах скота, продовольствия и другого имущества у местных жителей, несмотря на радушный прием, случались драки и даже убийства, но к лету 1933 года все стихло. Видимо, все, кто только мог, выбирались из Казахстана, многие уехали дальше, на север, добравшись до промышленных центров Урала. Несколько наших родственников в поисках средств существования оказались в Челябинске, Златоусте, Ирбите, Томске и других местах. Словом, разбрелись, некоторые из них остались там навсегда. Сейчас на тех землях живут их потомки. В этой суматохе исчез и дядя Исхак. У него не было семьи. Ходили разные слухи. Он и племянник отца пропали без вести.

Прожив в этом сарае до конца лета, к зиме мы вместе с семьей дяди Маутая стали квартировать у одной вдовы, жившей с дочерью в пятистеннике, неподалеку от дяди Ивана, а дядя Ибрай-ага квартировал на другом конце деревни, у него было двое детей: старший сын Жамбай, мой сверстник, и дочка, сверстница нашего Марага.

Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік
университеті
ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНАСЫ

Евней пошел во второй класс. Он единственный из всех детей-казачков, поселившихся в тех краях, ходил в школу, в том была большая заслуга отца, который делал все, чтобы Евней учился грамоте.

Прозимовали. Всю зиму продолжали приезжать люди, часто к отцу приходили группами, просили его совета, а иногда разбирали какие-то распри между собой. Часто слышались слова "украли", "обманули", но кто у кого, конечно, я не знаю и не помню.

В эту зиму случилось несчастье с моим младшим братом Маратом. Когда дома никого не было, мы втроем (с нами была дочь дяди Ныгметжана Бигайша, которая была на год старше меня) играли наперегонки. Марат споткнулся о чей-то сапог, валявшийся тут же, упал и лбом ударился о порог двери. Появился на лбу синяк, на это никто из взрослых не обратил внимания, так как Марат не плакал. После этого Марат начал болеть, синяк не сходил, а к весне он превратился в глубокую рану, из которой стал сочиться гной. А когда потеплело на улице и сошел снег, он умер, ему шел третий год. Похоронили его за деревней на опушке леса, рядом с какой-то одинокой мусульманской могилой на бугорке.

На лето все казахи, обитавшие в округе, собирались у нас и долго о чем-то говорили. Был здесь и дядя Кошан, близкий друг отца. Сын его Аманжол Кошанов, родившийся в тех краях, стал академиком АН Казахской ССР, доктором экономических наук, профессором. Все приехавшие поздравляли отца с успешным окончанием школы старшим сыном Евнеем, желали ему дальнейших успехов, здоровья и благополучия. Потом несколько человек вместе с отцом и дядей Кошаном куда-то уехали, возвратились и еще говорили, пили традиционный чай и разъехались. А разговоры сводились к тому, где летовать, т.е. организовать жайляу.

На второй или третий день отец запряг кобылу и вместе с мамой собрался куда-то ехать. Я с ревом прицепился к ним, они сжалились и взяли с собой. Ехали недолго, проехали лесок и оказались в очень красивой деревне, было много беленых хат с крашеными окнами и ставнями. Отец оставил нас с мамой у одних русских, видимо, у знакомых, а сам уехал и долго не возвращался. Я захотел есть. Привык в своей деревне к тому, что куда бы ни пришли, всегда чем-то угощали, а здесь этого не было. Мама начала меня успокаивать, объясняя, что в этой деревне дома ничего не держат, это Коммуна, все у них общее и питаются в столовой. Откуда мне знать, что такое столовая, Коммуна и т.д. В душу запало, что Коммуна, это такие деревни, где у людей ничего нет и живут голодные. Так я позже иногда объяснял своим сверстникам. Возвращались домой с мешками пшеницы и проса.

Отец с братьями ежедневно рано утром уезжали на работу и возвращались вечером. Нас с Евнеем мама, а чаще всего бабушка водили на могилу Марата. Они сами садились на траву, усаживали нас и начи-

нали читать молитву. По их знаку мы тоже раскрывали ладони, произносили "Аллакбар" и проводили по лицу ладонями. Летом соорудили ограду вокруг кладбища, где к этому времени было уже с десятков захоронений. Последний раз всей семьей посетили могилу, побывали у многих русских, ставших уже хорошими друзьями отца, заехали к Августе Иустиновне. Родители очень тепло с ними прощались. Крестьяне выносили много продуктов, одаривали ими и укладывали в телегу. В один из погожих дней погрузили домашние вещи в бричку и выехали из приютившей нас деревни, а через несколько километров подъехали к аулу, да к настоящему аулу из юрт, какие были у нас на родине. Оказалось, собравшись весной у нас, земляки договорились пролетовать на этом месте в шалашах, так как ни у кого юрт не было, не смогли их привезти сюда. К нашему приезду стояло несколько шалашей, похожих на обыкновенные казахские юрты. Одна из них была нашей. Отец соорудил ее заранее. Конструкция юрты была довольно простой: деревянная часть состояла из шести столбов, вкопанных в землю, составлявших шесть углов, обвязанных перекладинами, к которым были прислонены колья из тоненьких жердей: крыша была выведена полушаром из жердей. Это сооружение аккуратной укладкой до краев полушара было покрыто соломой, высота довольно большая, крыша покрыта дерном для того, чтобы ветром не сдуло и дождь не протекал. Все это сооружение было оборудовано так, чтобы можно было разводить очаг, служивший для приготовления пищи, а также для обогрева в ненастную погоду. Аул расположился полукругом. Подъезжали ежедневно по нескольку семей. Всем аулом помогали прибывающим соорудить шалаша, обустраиваться, а потом приглашали по старой традиции друг друга на "ерулік" - трапезу для вновь поселившихся соседей.

Воды в округе не было, и тогда в центре аула сообща выкопали колодец. Сначала воды было много, но постепенно она начала убывать, а к осени сошла на нет, хотя колодец и углубляли.

Недалеко от аула была дорога, соединяющая райцентр с Малыми Кизаками, а за дорогой простиралась пашня.

Так прожили лето, а к осени все вместе покинули эти места навсегда. Породнившись за время летовки, аульчане разбрелись кто куда в поисках лучшей доли. А несколько семей переехали в соседний Макушинский район и соединились в местечке Сахалин с другими соплеменниками, но ненадолго, так как не было школы, не хватало жилья и приближалась зима. Группами по несколько семей стали разъезжаться в русские деревни на зимовку. Наша семья переехала в более отдаленную деревню - Куприно, где была школа. На квартиру устроились у одной женщины, жившей без мужа с двумя детьми и пожилой женщиной, видимо, матерью. Евней пошел в школу в третий класс. Мы жили в светлой горнице с четырьмя окнами. До сих пор перед моими глазами картинка: на потолке гвоздь, вколоченный в перекладину, а на

нем висит моток тоненькой блестящей проволоки, один конец которой был закручен в спираль. Когда я поинтересовался у отца, что это такое, он объяснил: "Это петля для ловли зайцев". Но я никак не мог взять в толк, как все же такой проволокой ловят зайцев. Своим детским умом соображал, что заяц передней, более тонкой лапкой попадает в эту пружину. Но как она могла влезть туда? С этой мучительной думой засыпал, а проснувшись, думал над тем же вопросом. И продолжалось это до тех пор, пока Евней не продемонстрировал, как это получается, сделав петлю из другой такой же проволоки.

Однажды поздно ночью постучался в окно и вошел обросший мужчина. Он остался ночевать, а утром, когда мы проснулись, его уже не было. Иногда потом он стал появляться чаще. Оказалось, что это был хозяин дома, муж хозяйки. Позже узнали, что он скрывался, был связан с какой-то бандой. Когда узнали об этом наши родители, то начали поговаривать о смене квартиры, но не успели этого сделать. Однажды утром обнаружили, что нас обокрали. Из-за тесноты в комнате наши вещи были сложены в сени. И вот все, что было там ценное, украли. Воры сделали имитацию, будто вскрыли крышу и через дыру все вытащили, но отец определил, что все вынесено через двери, и это было дело рук хозяина дома.

После того случая папа нашел другую квартиру, менее удобную, и мы переехали. Прежняя квартира была рядом со школой, хорошо было Евнею, он успевал быстро прибегать домой, спасаясь от нападения русских мальчишек. А новое жилье было в отдалении, ближе к окраине села. Приходилось кому-то из взрослых провожать и встречать брата, хотя никто не трогал его. Вскоре он подружился с соседским мальчиком Васей, который приходил к нам, и они с Евнеем готовили уроки, читали, играли. Родители полюбили этого светлого голубоглазого мальчугана, он здорово заступался за Евнея и не давал его в обиду, защищал от мальчишек с другой улицы. К середине зимы нас опять обокрали, забрали последние более или менее ценные вещи, оставив почти без одежды. На этот раз подозревать в воровстве было некого, к тому же Евней пришел из школы заплаканный, чего не случилось с ним раньше, значит с кем-то подрался или же озорники поиздевались над ним.

И вот родители не выдержали и вернулись в Сахалин, к землякам. Пришлось потеснить одну семью и жить на двухъярусных нарах, было тесно. Евней прервал учебу. Отец сильно переживал, что целый год пропал у сына, но Евней успокаивал его, уверяя, что нагонит, постарается за год окончить два класса.

Весной началась посевная, все мужчины были в поле, а женщины протравливали семена. Дома мы были с бабушкой. Утром все оставшиеся жители барака проснулись от незнакомого гула-шума, выбежали на улицу. Весь народ небольшого поселка был на улице, кричали: "Аэ-

роплан, аэроплан!" - и смотрели на небо. В небе, неподалеку от села, над полями летала, как мне показалась, обыкновенная брочка, которая была у нас, она сделала два или три круга, пролетела над нами и села недалеко от места, где обрабатывали семена.

Все, кто только мог, бежали в том направлении, конечно, и мы с Евнеем тоже направились туда. Он меня тащил за руку, я еле успевал за ним. Когда подбежали, то увидели, что это вовсе не брочка, а что-то другое, совсем невиданное сооружение, хотя и на колесах. Это был обыкновенный двукрылый аэроплан, прототип нынешнего АН-2. Летчик был одет во все кожаное, блестящее, на лбу сверкали пилотские очки. Это сейчас я пишу, называя своими именами незнакомые понятия, а тогда было все в диковинку.

Летчик начал о чем-то говорить с собравшимися, многие боялись близко подойти, смотрели издали. Евней, оставив меня с бабушкой, смело подошел к летчику и разговорился с ним, о чем-то стал расспрашивать, указывая рукой на аэроплан, а в это время рабочие загружали какие-то мешки в аэроплан. Это были семена пшеницы, проводился опыт посева с воздуха. Закончив погрузку, летчик направился к самолету, Евней - за ним, на ходу о чем-то разговаривал. Летчик взял Евнея на руки и приготовился сажать в кабину, тут все соплеменники подняли крик и не дали Евнею летчику - неправоверному, испугались за его жизнь. Но все же Евней слетал на этом аэроплане. Позже он долго рассказывал и дома и среди своих сверстников о том, как выглядели с высоты земля и все строения.

Закончилась посевная. Все, кто жил в этом небольшом поселке, погрузились и поехали. Подъехали к берегу большого озера, остановились и табором расположились на ночь, а утром все одновременно начали сооружать уже ставшие традиционными соломенные шалаши. За несколько дней аул разросся. Место было хорошее, особенно для нас, ребят, раздолье - было где бегать, купаться и т.д. С наступлением лета, когда появились всходы, ребятня начала зарабатывать хлеб, на прополке. Утром нас собирали и выводили на "опытное поле", и мы рвали сорняки вручную, при этом каждому отводилась полоса в несколько рядов по ширине сеялки. В обед нас кормили, а к вечеру мы возвращались домой, гордые тем, что в руках у каждого были булки, а у некоторых по половине, в зависимости от того, как работали. Булки были круглые пышные. В первый день Евней заработал целую булку, а я половинку, наша бабушка бесконечно была рада этому. Окликнув своего старшего сына, нашего отца, своим тоненьким серебристым голосом: "Арстан, а Арстан, вот видишь, мои жеребеночки (құлыншақтарым) стали кормильцами", - она разрезала полбулки на равные части и разнесла по ближайшим шалашам, приглашая пожилых людей отведать первые заработки ее галчат и помолиться за их здоровье. Сюда, на берег большого озера, съехалось довольно много семей, не менее три-

дцати, все взрослые мужчины работали на "опытном поле". Это было отделение Макушинского зерносовхоза. В аул приезжал верхом, то на гнедом, то на темно-сером в яблочках под кожаным солдатским седлом, рослых, упитанных конях управляющий Пузанков (Позыкан). Он часто останавливался у нас и пил кумыс, видимо, полюбил этот ароматный напиток. Наша мама была искусницей в приготовлении вкусного национального напитка.

К этому времени у многих уже появился скот - дойные коровы, кобылицы. Овец, коз не держали, это было связано с кочевым образом жизни. В теплые летние вечера молодежь собиралась в середине аула, тогда-то я и увидел национальную игру "алты бақан", в которой и мы, пострелята, вели себя по-своему, бегали, кувыркались. Постепенно народ начал переходить от уныния к веселью. Появились акыны-импровизаторы, организовывали айтысы, казакша куресы, байга, хотя и не настоящие.

В это лето из Челябинска приехали родные братья и племянники нашей бабушки: дядя Шери с женой и трое холостых парней. Все статные, хорошо, не по-нашему, одетые. У них мы, дети - несмышлениши, увидели интересные вещи: на груди и с правой, и с левой стороны всевозможные значки. Евней, рассмотрев и прочитав надписи на каждом из них, собрал нас всех вокруг себя и объяснил, что означает каждый из них - «ТТО», «Мопр», «Ворошиловский стрелок» - последний нам особенно понравился. Впервые мы увидели, и это нас поразило, что брюки спереди и сзади были, как лезвие ножа: приехавшие, ходили в скрипучих сапогах и казались нам большими начальниками. Позже узнали, что все они были рабочими металлургического завода. Тогда же к другим аульчанам приехали их родственники из Златоуста, Ирбита, Свердловска. С ними из аула уехало несколько молодых людей. Многие из них остались там на постоянное жительство, их потомки и сейчас живут в тех местах.

Приближалось время идти в школу. Отец с Евнеем уехали искать родных по линии матери (нагашы). Вернулся отец один, Евнея оставил у дедушки, который жил со старшим сыном Касымом. Жили они в совхозе Чаглинском Северо-Казахстанской области. Дядя Касым работал, не знаю по-тогдашнему, а по-сегодняшнему - секретарем парткома совхоза. Дедушка с бабушкой в Евнее души не чаяли. Он начал ходить в третий класс. С наступлением зимы пришла весть, что они куда-то переезжают в связи с переводом Касыма по работе, поэтому Евнея надо где-то устроить. Поехал отец, перевез Евнея в Петропавловск, устроил на квартиру у одного знакомого земляка, проживавшего там, пообещав вскоре привезти провизию. По каким-то причинам он задержался, а когда приехал, то не узнал своего сына: Евней был похудевший, изможденный, грязный, больной. Оказалось, он был предос-

тавлен сам себе. К хозяевам наезжало много народу, так дом был постоянным двором какого-то совхоза, кроме того, хозяева были заняты на работе, много времени отнимали очереди. Отец посетил школу, поговорил с учительницей, которая похвалила Евнея, сказала, что он очень старательный, успевает по всем предметам, но в школу приходит неопрятный, в грязной одежде, иногда засыпает на уроке. Выяснилось, что он не мог ложиться спать, пока не улягутся все, дома были всегда какие-то приезжие, чаще всего он ложился у порога, а постелью и одеялом была собственная одежда, утром он полуголодный, полуумытый шел в школу в том же, в чем спал.

Увидев все это, отец решил забрать Евнея домой, так как других знакомых в городе не было. Евней настаивал на том, чтобы продолжать учебу, убеждал отца, что у него все хорошо и не хочет, чтобы у него пропал еще один год. Увидев настойчивость сына, отец задержался и начались поиски другого пристанища. Отец случайно узнал, что в городе живут Султангазы - родные мужа нашей тети - сестры отца Даялпраза (ее имя Евней дал своей младшей дочери) В этой семье устроил отец Евнея, где его жизнь сложилась очень удачно. Хозяева оказались хорошими людьми, у них не было детей, может быть, поэтому они ухаживали за Евнеем, как за своим ребенком, и он внес разнообразие в их жизнь.

В ту зиму мы зимовали на отгонном участке совхоза "Красноармейский", о чем я узнал позже, а в памяти осталось "Менгесер", по названию соленого озера, которое в период Великой Отечественной войны обеспечивало солью всю округу. Взрослые нашей семьи ухаживали за отарой овец. Кроме наших двух семей здесь были еще две семьи, хозяин одной по имени Укмет, что в переводе на русский означает "власть", был старшим бригадиром.

Глубокой осенью мы расстались с Ибрай-ага, он со своей семьей уехал на родину, а две семьи, наша и Маутай-ага, остались жить в одной землянке. Еды было вдоволь, мама наша готовила вкусные, разнообразные блюда. Отец кроме работы по уходу за отарой охотился на зайцев, и мы отведывали свежую зайчатину. Однажды папа с охоты пришел удрученный. Известно, что зайцы зимой протаптывают тропинки по глубокому снегу и все бегают по одной тропинке. Отец ставил свои нехитрые петли на таких тропинках через определенное расстояние. В этот раз на одной из тропинок в заячью петлю влез волк, оборвал по тропинке все петли и унес. А материала для изготовления петель всегда не хватало.

Нас, играющих на улице детишек, во всем зимовье было двое, я да мой сверстник по имени Жукен, с которым мы всю зиму шатались в отаре. В отаре были и козы, а среди них большой, с согнутыми в хомут

рогами черный козел, которого обучили верховой езде и на нем катались.

К Евнею никто не ездил, иногда от него получали хорошие письма, отвечал ему Маутай-ага, единственный более или менее грамотный в нашем зимовье. С наступлением лета Евней приехал в сопровождении Султангазы с женой. Они были, в том числе и мой брат, хорошо одеты. На Евнее был выглаженный темно-синий костюм, на брюках стрелка, как у тех родственников, которые прошлым летом приезжали из Челябинска. Фуражка под цвет костюма, белая сорочка завязана красным галстуком с блестящим зажимом. Все жители зимовья высыпали на улицу и бежали навстречу, я тоже бежал, но, увидев так одетого своего повзрослевшего брата, обомлел и растерялся. Вместо того, чтобы подбежать к нему и обнять, как все родные, я залез на металлическую бочку, валявшуюся здесь же, и глазел, как вместе с сопровождающими приезжими его обнимают. Только потом, когда сам Евней подбежал ко мне, стащил с бочки, начали обниматься, у нас потекли слезы: мы так соскучились за долгую разлуку.

В эту зиму он повзрослел, стал более степенным. Пересмотрев все его учебники, тетради, свидетельство об окончании третьего класса, дядя Маутай-ага рассказал всем о его успехах. Все присутствующие были довольны. Наша бабушка и отец одновременно воскликнули: "айналайн!".

Приехавшие новые родственники гостили у нас довольно долго. Они рассказывали о том, что Евней усердный, много читает, прочитанное пересказывает, третий класс закончил на "отлично".

После отъезда гостей Маутай-ага с одним из земляков откочевал на родину, бабушка уехала с ними, а там они присоединились к семье Ибрай-ага. Мы тоже снялись и уехали туда, где летовали прошлым летом, соединившись с земляками. Поселились на том же берегу озера. Многие наши прошлогодние шалаши сохранились и нуждались только в ремонте. Так почти повторилось прошлое лето. На зиму большинство обитателей этого места в ближайшем лесу соорудили землянки неподалеку от станции Макушино и стали зимовать. К этому времени у многих появились тягловые лошади, волы. Взрослые устроились работать, кое-кто нанимался со своими подводами. Детей школьного возраста отвели в совхозную школу. Я пошел в первый класс, а Евней - в четвертый. В школу надо было ходить вокруг озера, километра 3,5-4. До зимы всех детей, а нас было 7-8, возили на подводах по очереди родители, количество дней дежурства зависело от количества школьников, наш отец дежурил 2 дня подряд.

Я значился в списке, как это было принято у мусульман, - Арстанов, по имени отца, а Евней - Букетов, по имени деда. Учили нас две сестры: Анна Ивановна - учительница Евнея, Мария Ивановна - моя. Ан-

на Ивановна была светловолосая, высокая ростом, а у Марии Ивановны волосы были смолисто-черные, обе имели по моде того времени короткую стрижку.

У моей первой учительницы был мягкий, спокойный, тихий голос. Я не помню ее раздраженной, когда кто-нибудь из детей шалил, она своей плавной походкой подходила и успокаивала шалуна, если шалость повторялась, брала за руку, вводила и ставила в угол у доски. После таких нескольких случаев мы вообще сидели тихо. Ребята-казахи были тихонями, так как все для нас было непривычно.

Видимо, Евней рассказал Анне Ивановне, что в первом классе учится родной брат. Однажды Мария Ивановна перед началом уроков спросила мою фамилию.

- Арстанов.
- Брат у тебя в четвертом классе есть?
- Да.
- Как его фамилия?
- Букетов.
- Почему разные фамилии?

На этом наш диалог закончился, так как я в то время весьма слабо владел русским языком, и, естественно, ничего вразумительного сказать не мог. Она молча взяла мои тетради и исправила. Так я стал Букетовым.

В том же году по первому снегу приехал наш Ибрай-ага и увез Евнея к себе, и мы стали жить и учиться врозь, встречаться только во время летних и зимних каникул. Времена, проведенные вместе, оставили неизгладимые радостные впечатления.

С наступлением зимы, после отъезда Евнея в школу ходить по льду озера стало намного ближе, нас перестали возить. На опушке леса поселилось много семей, более тридцати. Жили дружно и весело. Часто справляли какие-то национальные праздники, приглашали друг друга в гости (қонаққа). Мы, дети, тоже занимались помимо учебы, своим детским делом.

С весны все обитатели этого райского уголка, как казалось тогда, засуетились, засобирались. Делегация из трех человек, в том числе наш отец, куда-то съездили и о чем-то договорились.

В один из погожих дней поздней весны все погрузились и тронулись большой вереницей подвод. На второй, может быть, на третий день оказались на берегу реки Ишим у города Петропавловска.

Получили большие серые брезентовые палатки, которые установили с подветренной стороны тальников-кустарников, растущих вдоль берега реки. В этих палатках разместились по несколько семей, а отдельные семьи, в том числе и мы, жили в своих балаганах. После приезда

на следующий день многие взрослые были уже на работе. Обустройством семей занимались после работы.

Работали на возведении дамбы. У кого было тягло, тем дали добротные брички, на которых возили землю на насыпь, у кого не было тягла, орудием труда служили их мускулы и штыковые лопаты, они нанимались землекопами. Наш папа тоже на своей кобылице возил землю, одновременно доили эту кобылу, поэтому жеребенок шлепая рядом, привязанный к оглобле.

На летние каникулы Ибрай-ага привез Евнея. Вскоре дядя уехал, оставив его. Он целое лето был дома, заменяя отца, работал на стройке. Работа заключалась в следующем: на бричке был сооружен разборный ящик из довольно крепких досок, подводу подкатывали к землекопам так, чтобы удобно было грузить землю, после погрузки грунт везли на насыпь, там разбирали ящик, и земля рассыпалась. Так Евней провел целое лето, работая 3-4 дня в неделю. Я, безусловно, старался быть рядом, хотя от меня никакой помощи не было, разве только сбегать домой за водой или кумысом. Однажды, плетясь за бричкой, я как-то подскользнулся, упал, одна нога попала под заднее колесо брички. Добро бричка шла порожняком, и я получил небольшой ушиб. После этого случая Евней не брал меня на работу.

Перед началом учебного года приехал второй дядя Маутай-ага и увез Евнея в школу, а мы еще работали. Глубокой осенью сдали весь государственный инвентарь, рассчитались, погрузились и опять тронулись в путь. Многие отправились на родину. Несколько семей: Мукановы, Агатаевы, Амреновы, в том числе и наша, - тронулись на запад, вдоль железной дороги и снова оказались в ставшим родным для нас Макушинском районе. Отец здесь разыскал своих дальних родственников, живущих в местечке ОРС (отдел рабочего снабжения). Другие поселились на центральной усадьбе Макушинского зерносовхоза. Из старшего поколения тех людей сейчас никого в живых нет, многие остались на полях сражений, а мои сверстники Кабден, Еламан Мукановы, дети Агатаевых и потомки еще нескольких семей обосновались на постоянное жительство и живут по сей день. О них упомянуто в выше приведенных воспоминаниях Ж.Бектурова.

Отец всю зиму сапожничал, подшивал валенки, к весне тачал сапоги, чинил ботинки, мама шила одежду и спецодежду для рабочих совхоза, а также жителям окрестных деревень. В местечке, где мы жили, не было школы, поэтому мне пришлось ходить во второй класс, живя у знакомых на центральной усадьбе совхоза.

По окончании учебного года приехали дядя Ибрай-ага с Евнеем. Вскоре Евнея он оставил дома, а меня забрал с собой на родину. Причиной тому, видимо, были воспитательные цели: мы не должны забывать родных, отчуждаться от них. К тому же у обоих дядей в семьях не было детей. После прибытия на родину у Ибрай-ага за одну зиму

умерли жена, двое детей, он остался один, у Маутай-аги умерли двое детей. Видимо, сказалась неустроенность быта.

В этот приезд Ибрай-ага, я хорошо запомнил, долго уговаривал моих родителей вернуться на родину, прощаясь, он сказал Евнею, чтобы он до начала учебного года уговорил родителей переехать на родину. В том году так и случилось. Целое лето я был на родине, познакомился со многими близкими родными, а ведь я всегда считал родными тех, с кем кочевали на чужбине.

В этот раз к началу учебного года домой к родителям сопровождал меня Маутай-ага. Он сумел за два дня уговорить наших родителей переехать на родину, которые сами об этом подумывали. Нас с Евнеем он забрал, чтобы мы не отстали от учебы. К этому времени у нас были еще двое братьев: Жартас и Шабден - будущие геологи.

Итак, мы приехали в Марьевку, где жили наши два дяди одной семьей. Евней пошел в свою школу, а меня определили в Марьевскую начальную школу до приезда родителей.

Во время пребывания на каникулах у родителей Евней, не покладая рук, помогал отцу в его хозяйственных делах: чистил двор, заготавливал дрова, сено. Семья наша переселилась в освободившуюся приличную землянку, которую тут же отремонтировали, мы неплохо подготовились к зиме - все это удерживало отца от переезда. Однако сработала хитрость дяди Маутая, который увез нас с Евнеем. Оставшись без нас, родители начали скучать и к октябрю приехали на родину.

Вскоре постоянным местом жительства отец выбрал село Двойники, расположившееся неподалеку от места зимовья наших далеких предков. Вступили в колхоз "Красная планета", внесли положенный пайвзнос члена колхоза - молодую кобылицу с полной упряжью. Она была от той самой кобылы, на которой мы уехали в глубь российских селений, и была мастью копия матери. В колхозе дали ей кличку "Волна". В будущем появился целый косяк лошадей, похожих друг на друга. Их так и звали - Арстанов косяк. Эти лошади составили костяк конепоголовья колхоза, немало из этого племени было мобилизовано на фронт.

Здесь я изложил то, что сохранила память о детских годах. Все это до сих пор перед моими глазами, видимо, у меня развита зрительная память. Я вспомнил нашу жизнь в восьмилетний промежуток, с лета 1930 года по осень 1938 года.

Не могу объяснить, почему наши родители постоянно переезжали с места на место: и зимой, и летом. Или же неустроенность быта, или же скудность жизни, или же просто привычка кочевому образу жизни. Живя в этих условиях, мы вообще не имели понятия, как сидеть за столом. Письменным столом для нас служил земляной пол, а стулом - собственный живот. Думаю, представляет читатель, какую позу занимали ученики, готовя домашнее задание. Евней, конечно, не был ис-

ключением. Отец мог бы смастерить стол. Но, во-первых отсутствовал материал, во-вторых, - и это главное, - возникли бы трудности в перевозке при переездах.

В КОЛХОЗЕ

Жизнь в этой деревне пошла размеренным темпом. Здесь жили и были членами колхоза стародавние друзья отца, которые приняли его как родного, и еще две семьи родственников. Зимой квартировали у русских, а весной купили на окраине села, у опушки леса, недалеко от колхозной базы второй бригады избу-пятистенник, аккуратно обмазанную и побеленную, с надворными постройками. Отец ночью охранял колхозную базу с рабочим скотом, между делом сапожничал, а мама по-прежнему занималась, кроме домашних хозяйских дел, шитьем.

Отец наш был высок ростом, на его красивом лице выделялся прямой с горбинкой нос, карие глаза смотрели всегда строго и немного грустно. Говорил всегда ровным, спокойным голосом. Впечатление немного портила искривленная правая нога. В детстве юный Арстан пытался объездить молодую лошадь, она скинула его, и он сломал ногу, которая потом неправильно срослась. Отец виртуозно играл на домбре, которую смастерил сам, пел высоким серебристым голосом казахские народные песни. Отдельные куплеты остались у меня в памяти. И только сейчас по опубликовании произведений многих в свое время репрессированных поэтов стал узнавать, что это были песни на стихи М.Жумабаева, С.Сейфуллина, М.Дулатова и других, а тогда они выдавались за народные, но почему-то всенародно не исполнялись, и чаще всего, когда куда-нибудь ехали на телеге. Отец был мастер на все руки. Хороший сапожник, он мог делать также разные предметы домашнего обихода из дерева, кожи, кости и металла. Мне запомнились три вещи: четки, сделанные из рога с вкраплениями серебра, трость, инкрустированная корой березы с удобным оголовником из рога, костяной футляр для зубочисток. Все они были украшены затейливыми узорами из цветного металла. К Евнею отец относился как к равному. Да и на меня поднял голос всего один раз. Это было однажды осенью, когда отец узнал от кого-то, что я помог соседскому парню украсть седло у одного из гостей, приезжавших к нам. А было это еще летом. Он пришел домой очень сердитым и два раза молча стеганул меня по спине и спросил высоким голосом: "Кто тебя научил воровать?" Этот случай запомнился мне на всю жизнь. С того дня я хорошо усвоил, что брать или даже помогать брать чужое нельзя. Я думаю, что именно от отца к Евнею перешла неспешность, умение выслушать собеседника, рассудительность.

Наша мама, в отличие от нашего отца, была невысокого роста, полноватая, круглолицая, светлая, с маленьким курносом носом и зеленоватыми глазами. Шутливым характером представляла противоположность отцу. Но она так же, как отец, была мастером на все руки: шила, вязала одежду и шапки, за что ни бралась, все у нее спорилось в руках. Они с отцом постоянно советовались полупешотом, какую вещь как нужно смастерить, что из чего можно сделать и т.д. Как память о родителях я храню швейную машинку фирмы "Зингер", которая долгое время была нашей кормилицей. Мама могла иногда накричать на нас, особенно на младших сыновей, но быстро отходила. Лишь Евнею ничего не угрожало, он, как я выше писал, был на правах деверя, а не сына, поэтому часто остроумно шутил с ней. Традиции казахов в отношениях с родственниками мужа мама строго соблюдала до конца своей жизни.

Евней продолжал жить у дяди, приезжая домой только на зимних и летних каникулах. С его приездом в нашем доме царило веселье, той. Его друзья русские, казахи, поляки, приезжали вместе с ним, собиралась деревенская молодежь, и шумною толпой не только веселились, но и находили работу каждый по душе: пилили дрова, вывозили навоз, скопившийся за зиму. Да мало ли дел можно найти на крестьянском подворье?

Вся трудовая деятельность Евнея во время каникул вызывала тихий протест бабушки, которая к его приезду обязательно перебиралась от своего младшего сына к нам. Евней был бабушкиным сыном и по казахскому обычаю называл нашу маму по имени. Бабушкина трепетная любовь к нему граничила с поклонением божеству. Ее верблюжонок, как она его называла, учился очень усердно, знал много, и она очень хотела, чтобы он хорошо отдохнул от утомительной учебы. Особенно счастлива была она, когда Евней в свободное от работы время или в ненастные дни собирал вокруг себя не только молодежь, но и аксакалов. Перед молодежью он декламировал стихи на русском и казахском языках или вместе с друзьями горячо обсуждал какую-нибудь прочитанную книгу. А зимние каникулы обычно посвящал пожилым людям, которые специально по вечерам собирались, чтобы послушать старшего сына Арстана. Евней читал им сказания о батырах и гордых красавицах из народного эпоса. Имена Козы-Корпеш, Баян-Сулу, Алпамыс, Кобланды-батыр, Кыз-Жибек звучали как красивая песня. Слушатели забывали обо всем, погружаясь в сказочный мир героев, и, сопереживая, могли и прослезиться, выразить свое негодование или удивление громкими возгласами. В такие вечера узкое морщинистое личико бабушки как будто разглаживалось и светлело, а ее светло-серые глаза, потускневшие от возраста, неожиданно прояснялись: как же, даже аксакалы с большим вниманием слушали ее "верблюжонка".

Во время летних каникул Евней два-три дня занимался домашними делами, а затем шел к бригадир колхоза Михаилу Козлову и просился на работу. Тот был рад помощи со стороны и приглашал на стан, находившийся в нескольких километрах от села. Евней пахал пары двухлемешным плугом, запряженным двумя парами волов. Погонщиками волов обычно были молодые девушки. Пока норма (1,2 гектара) не была выполнена, волов не распрягали. Итоги работы подводились ежедневно и на двух досках: фамилии перевыполнивших и выполнивших норму - на красной, а не выполнивших - на черной. Под ними обычно появлялись шуточные эпиграммы Евнея, где он восхвалял тружеников и бичевал лентяев. Конечно, это сопровождалось недовольством последних и появлением недругов у брата. Но его никто не трогал, потому что бригадир (в народе его называли Мишка-беспалый: у него не было указательного пальца) слишком уважал Евнея, несмотря на его молодость. После окончания пахоты паров начинался сенокос. Здесь старшие ребята, вроде Евнея, садились на сенокосилки, а младшие, примерно моего возраста, - на лошадь, за которой шли волы, впряженные в сенокосилку. На такой работе и я проработал около трех лет. Если бы сохранились документы колхоза "Красная планета", то, наверное, можно было бы узнать, сколько трудодней заработал Женя Букетов (так звали его в нашей деревне) за летние каникулы 1939-1940 годов.

Главной особенностью брата в те годы было то, что его постоянно можно было встретить с книгой. Об этом вспоминают его школьные товарищи. Так, И. Белетченко пишет: "Евней в школьные годы много читал. Круг его интересов был довольно широк: он зачитывался художественной литературой, не пропуская исторические романы и исследования, часто видели в его руках книги по естествознанию и технике. За чтением нередко забывал про домашние задания, выручала хорошая память. Быстрее других писал сочинения, решал задачи..."

А вот что вспоминает Е. Корпич: "Евней шел по школе на два класса ниже моего выпуска, но по своему умственному развитию был выше некоторых старшеклассников и любознателен. Помнятся его прямолинейные и смелые выступления на комсомольских собраниях. Тогда в районе была единственная русская средняя школа в Марьевке. Ребята из других сел, кончая семилетку, доучивались в Марьевской средней. Многие из них были переростки. Они жили на частных квартирах и считали себя взрослыми, проявляли леность в учебе. О таких ребятах и рассказал на одном из комсомольских собраний Евней. Тогда обидчики подкараулили его вечером и попытались запугать. Но на ближайшем собрании Евней поднялся и снова рассказал об этом инциденте. Четверо против одного. Пристыженные, они сидели молча и больше не пытались пугать его, который был меньше ростом и младше их годами".

Здесь уместно будет привести полностью воспоминания Екатерины Тагарниковой: "С Е.Букетовым мне довелось учиться в Марьевской средней школе в 1937 году в пятом классе. Сидели мы с ним за одной партой в течение года. Очень развитой, не по годам смысленный и в то же время обыкновенный с виду мальчишка - таким я его запомнила. Самым примечательным в Жене, как мы его все звали, были, конечно же, его исключительные, феноменальные способности. Кстати, это обстоятельство порой оборачивалось против самого вундеркинда. Вступить в спор с учителем и одержать победу для Жени ничего не стоило. Не каждому учителю такие дискуссионные выпады юного эрудита были по душе.

Сейчас уже не помню конкретных ситуаций, но знаю, что конфликты с педагогами привели даже к тому, что Женя был вынужден оставить школу и сдавать экзамены экстерном.

Хочу особо подчеркнуть, что каких-либо признаков зазнайства, кичливости в характере Жени абсолютно не было. Он охотно общался со сверстниками, брал под защиту девочек. Это его "рыцарство" в том возрасте, когда мальчишки, как правило, бывают не в меру ершисты и задиристы, особенно приятно вспоминать. На переменах он охотно играл с детьми в мяч, другие подвижные игры. Как сильного ученика его нередко закрепляли за слабоуспевающими. И не было случая, чтобы Женя отказался кому-нибудь помочь.

Отличительная черта его характера - человеческая доброта. Уже в шестидесятые годы, оказавшись по личным делам в г. Алма-Ате, я имела случай убедиться в этом. В ту пору имя Е.Букетова было уже широко известно в ученых кругах. Помню, взяв телефонный справочник, случайно наткнулась на фамилию Букетова. "Позвоню", - мелькнула по-детски озорная мысль. Почти не надеясь быть узнанной, спросила:

- Женя, здравствуй, ты меня узнаешь? Я Катя Бахтина, помнишь такую?

- А как же? Ведь мы с тобой целый год за одной партой сидели! Слушай, Катя, приезжай ко мне прямо сейчас, я хочу угостить тебя, вспомним детство...

И такая в его голосе неподдельная радость звучала, что у меня слезы на глаза навернулись.

Не смогла я воспользоваться радушием и гостеприимством своего одноклассника, прийти в гости не позволило в тот день здоровье, а позже я постеснялась отвлекать от дел столь занятого работой человека. Но теплые воспоминания о Евнее Букетове я храню и по сей день".

Однажды он приехал из Марьевки на зимние каникулы и привез кожаную сумку, наполненную бумагами. Точно не помню, в каком классе он тогда учился: в 7-м или 8-м. Оказывается, он перевел на русский

язык уже почти полкниги С.Муканова "Загадочное знамя" ("Жұмбақ жалау"), которая позже вышла под названием "Ботагоз". Деревенская молодежь интересовалась его переводами, он им прочитывал страниц десять и выпроваживал, умоляя не мешать ему. Этот его труд пропал бесследно. Однажды я спросил Евнея, где же этот перевод. Он засмеялся, сказав, что это был детский лепет. Но это был труд, и притом творческий.

Встречаясь в последние годы с оставшимися в живых учителями, школьными товарищами и одноклассниками брата, осмысляя их воспоминания о его школьных годах, я убеждался в том, что во время учебы в Марьевской школе шло становление его характера, накопление знаний, которые он черпал из книг и из уст учителей. Очень уважал знающих учителей, а при общении с незнающим терял интерес к нему как к человеку и обращался только к книгам. Он был лучшим учеником как в области гуманитарных, так и точных наук. Он постоянно анализировал педагогическое мастерство учителей, делая выводы для себя, так как он часто объяснял материал по каким-то предметам своим товарищам и мог применить какие-то свои приемы. Об этом и о многом другом рассказал при встрече первый директор Марьевской школы Иван Антонович Трофимов, о котором Евней очень тепло вспоминает в своей автобиографической повести "Шесть писем другу".

Как-то Евней рассказывал: однажды в седьмом классе за отличную учебу его наградили двумя метрами сатина. Он принес материал дяде Ибраю. А Ибрай-ага, гордый тем, что его племянник получил награду, не позволил сшить из него что-либо, а повесил в передний угол. И Евней удивлялся педагогической прозорливости дяди, так как этот кусок материала дисциплинировал его больше, чем какие-либо слова, и ему становилось совестно уже при мысли, что он не оправдывает надежд дяди.

Педагогические наблюдения Евнеягодились ему, когда в 1941 году, после окончания девятого класса, его в числе лучших учеников направили учителем в одну из сельских школ района. За год его перебрасывали несколько раз из одного села в другое, видимо, потому, что учителя уходили на фронт. В то время он работал и в райкоме комсомола.

В годы учебы в средней школе Евней принимал активное участие не только в комсомольской жизни, но и в художественной школьной самодеятельности, наизусть декламировал А.Пушкина, В.Маяковского, многих других поэтов и писателей. Его школьные товарищи свидетельствуют, что Евней ставил пьесы, являясь сам режиссером и актером. Так, в 7-8 классах поставил маленькую трагедию А.Пушкина "Каменный гость", одновременно исполнив главную роль Дона Гуана. Потом перевел пьесу на казахский язык и ставил сцены в родном ауле.

Эту традицию он не оставлял и с возрастом, будучи профессором, академиком. Но об этом позже.

В ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТИЕ

После смерти отца в декабре 1942 года забота о семье легла на плечи Евнея. Нас осталось пятеро братьев, самому младшему было менее двух лет. Настало время думать, как выжить и действовать. Вот как вспоминает об этом Евней в одном из последних писем самому младшему брату: "1943 год. Весна. Видимо, месяц март. Отец умер 9 декабря 1942 года. Все свои запасы без остатка израсходовали на поминки, обеднели до нищеты, ибо "покойник богатого разоряет, а бедного оголяет".

Покойная Бальтай (наша мама) без оглядки, все, что было вложила на поминки. Не смогла содержать красную корову - пала весной. То же случилось с серой кобылой. Я учительствовал в соседнем селе Ольгинке, в месяц получал паек около пуда зерна - вот все, что было на всю семью для существования, и по талонам давали кое-какую одежду. На один талон я для тебя купил маленькие ботинки и принес домой "Ой, мой вороненок, - сказала Бальтай, - зачем купил ботинки, лучше бы материал на рубашку... Все же решил испытать себя, тебе было 2,5 года, не ходил, ножки тоненькие (питание полуголодное), взял тебя на колени и на твои ноги обул ботинки. Не успел завязать шнурки, ты начал восклицать "Эй-эй-эй!" С радостью сполз с моих колен, встал на ноги и начал, покачиваясь, шагать. У покойной Бальтай потекли слезы, она начала плакать навзрыд, а вместе с ней и я заплакал. До сих пор помню, это были слезы радости за твою радость... Поэтому сразу прекратилось у нас сожаление, что не купил материал на рубашку. К тому ещё тетя Ждрук пришла к нам и начала ворчать: "Какой мальчик, живущий с здравствующим отцом, обул такие ботинки..."

Теперь лето того же года. Пятнадцатилетний Камзабай с раннего утра до заката плетется за колхозным стадом, к тому же полуголодный, на ногах признаки обуви. Встает до восхода - поплелся на базу. Я уже учительствовал в Двойниках. Встал и пошел в лес. На огороде без ограды пасется скот. Пока нарубил и отсучковал жердей, перевалил день за полдень. Еле передвигая ногами, добрался до дома. Покойная Бальтай приготовила для меня немного ірімшик (творог), укрыв тряпкой, показала мне и сказала: "Иди покушай", - а тебя, Шабдена и Жаркена домой не стала пускать. А вы, несмотря на все ее запреты, предчувствуя, что буду кушать, от дверей не отходили. Я не успел ложку в рот взять - все трое ворвались и подбежали ко мне. Короче, все, что было, скушали вчетвером. "Эй, эти кутята, когда ворвались?" - с этими сло-

вами Бальтай начала разгонять их. Итак, усталый, голодный, придя домой, притворившись сытым, свалился на кошму. А мама сама постоянно ходит и трудится дома полуголодная, а то вовсе голодная. На вас частенько ворчит: "Этих никогда не насытишь".

Студенческие годы. Покойная Бальтай вдвоем с Камзабаем иногда присылают посылки. Я масло не ем, несу на базар, на вырученные деньги покупаю чай, посылаю домой. В одной из таких посылок в масле завелись толстые черви, видимо, не посолили (помнится, это была осень 1947 года). Масло поставил на электроплитку, растопил, доведя до кипения, топленку продал на базаре. Опять купил чаю и отправил домой. Если так не делать, положение очень тяжелое. Месячный заработок Камзабая 300 рублей, и я получаю стипендию 300 рублей. Мать шьет одежду и чаще всего бесплатно, иногда кто-нибудь, если отблагодарит, то всегда довольна, что много заработала.

Знаю такую натуру матери, знаю домашнее положение, что не так уже хорошо, но Камзабай постоянно в своих письмах расписывает, что житье райское, все в достатке, этим он поддерживает меня. Во время летних каникул после второго курса накопили сена, сложили в поле в скирду и оставили. Зимой при перевозке у Камзабая отобрали все это сено (один родственник, он был активистом в колхозе). У Камзабая мук не меньше было, чем у меня, чтобы как-то прокормить вас. Какие бы трудности ни испытывал, ни разу не помянул: "прерви учебу". Короче, до середины пятидесятых годов наша жизнь была тяжелой...".

Как видно в приведенном из письма отрывке, мы немало хлебнули. Чем только ни приходилось заниматься! Кроме пастушества я сапожничал, плотничал, платили кто чем мог. Вот тогда пригодились те уроки ремесла, которые преподавал когда-то отец, пригодились, конечно, и его инструменты. Но мне надо было учиться, поэтому я стал жить у Ибрай-ага и продолжал учебу в той школе, где раньше учился Евней. Брат, приезжая в райцентр по служебным делам, обязательно заходил в школу, справлялся о моих успехах и советовал мне, какие книги читать. После зимних каникул в начале 1944 года его перевели в начальную школу села Двойники, куда сам напросился, чтобы быть вместе с семьей, т.е. с мамой и тремя малолетними братьями. Там проработал до конца учебного года, совмещая учительство с работой в первичной комсомольской организации колхоза. Весной вместе с коллегой-фронтвиком, у которого была лошадь, пахали колхозникам огороды однолемешным плугом, впрягая лошадь фронтвика-инвалида, а за плугом шел Евней, т.е. они вдвоем организовали маленький кооператив. Платили по возможности, без торгов. Вспахал и себе огород, посадил картофель, весной отремонтировал ограду, чтобы скот не пасся на огороде, летом накопил сена и сложил в приличную скирду возле дома, вычистил двор и привел в порядок надворные сооружения. В общем, хорошо подготовил к зиме наше маленькое крестьянское хозяйство. В

сентябре мне сообщили, чтобы я приехал домой на два-три дня. Я прошел пешком километров тридцать и появился дома. Евней сказал мне, что мы переезжаем в родной аул Баганаты, где жили наш младший дядя Маутай-ага и другие близкие родственники. К моему приходу Евней с мамой уже выкопали картошку, скирду сена поменяли на теленка, избу тоже на что-то поменяли. Евней съездил в Баганаты, попросил в колхозе подводу, пригнал домой. Стояли дни бабьего лета. Утром погрузили весь свой скarb: сначала картофель, потом домашнюю утварь, сверху соорудили площадку-сиденье для мамы и братишек. В телегу впрягли двух лошадей, сзади привязали корову с телятами и приготовились в путь. Полсела пришли провожать: близкие соседи Рассохины, Субботины, Дроботовы и много других односельчан. И они, и наша мама расстроились до слез, было жалко расставаться с такими хорошими людьми. Вся семья, кроме меня, разместилась на телеге, я пошел пешком, подгоняя корову с телятами. Когда выехали за деревню, Евней остановил подводу, сошел сам, посадил меня на свое место и сказал - "Трогай". Кони шли мерным шагом, а ехали по той самой дороге, по которой в довольно далеком тридцатом впервые тронулись с насиженных мест в поисках лучшей доли в жизни. Перед моими глазами ожили родные скалы, но они уже были ниже тех, что запомнились в малолетстве. Приехали в тот же аул.

Когда до Баганаты осталось 1,5-2 км, по воле Евнея мы снова поменялись местами. Въехали в аул. Он, как глава семьи, правил лошадьми, остальные все на подводе, только я пешком плелся, подгоняя корову с телятами. Вспоминая, я думаю, что причиной такого поведения послужила одна понравившаяся брату девушка, и он решил показать себя хозяином дома...

Аульчане радушно встретили нас. Сначала мы обосновались в довольно просторной землянке Маутай-ага, а к зиме, благодаря настойчивости Евнея, у нас был собственный угол: землянка с небольшим подворьем скота. Евней работал в русской семилетней школе в восьми километрах от Баганаты. Я как-то не задумывался, почему же наша семья, бросив обжитый дом, с хорошей подготовкой к зимовке, переехала в Баганаты. И только после смерти брата, размышляя над событиями тех лет, пришел к открытию, которое никогда не приходило мне в голову: война шла к победному концу, поэтому он решил ехать учиться. Вся затея с переездом, срочным сооружением жилья - все было подчинено одной мысли: не оставить нас далеко от родственников с надеждой, что не дадут голодать. И его надежды осуществились. В это время ему не было и двадцати лет.

Весной 1945 года он неожиданно появился у Ибрай-ага, где после окончания семилетки я жил и работал в одном из учреждений района. Приезд его оказался не случайным. Он привез целый мешок (именно

мешок) учебников, решив сдать экстерном экзамены за 10 класс, а затем ехать в Алма-Ату для поступления в институт. Заветная мечта его сбылась, аттестат он получил, какие оценки там стояли, я не помню. Этой школе недавно постановлением правительства республики присвоили его имя, и теперь это средняя общеобразовательная школа №2 имени академика Е. А. Букетова.

Все родственники, в том числе властный Ибрай-ага, ставший, после смерти отца нашим главным покровителем, и наша мама поддержали его. Мама приговаривала, потихоньку утирая слезы, чтобы обязательно ехал. Она выполняла завет отца - дать детям образование.

В ПОИСКАХ ЗНАНИЙ

В середине июля Евней с аттестатом в кармане уехал с одним из своих друзей в Алма-Ату. Перед отъездом, исполняя все обычаи предков, прощаясь, заходил в каждый дом, отведывал кусочек съестного (дәм тату), кланяясь перед старшими, дольше задерживаясь у аксакалов и т.д. Об этом подробно написано им самим. Одет был он в простенькую ситцевую сорочку синего цвета, сшитую мамой, старенькие солдатские брюки-галифе, растоптанные сапоги, сшитые мною. Вместо чемодана взял солдатский вещмешок, добро, в это время возвращались солдаты, в руки - фуфайку, сшитую мамой из разных кусков материи, и отправился в поисках знаний. Ничто не могло его остановить: ни отсутствие достаточных средств, ни то, что на проживание в Алма-Ате, но даже и на дорогу, не было средств, ни малолетние братья, - так велико было его желание учиться. Старшим в семье остался я, не достигший семнадцати лет, без специальности. Многие аульчане осуждали его: не думает о семье, совсем замечтался, учась в русских школах. Но жизнь показала обратное. Получая образование, Евней думал о будущем своих родных и близких. Следуя за ним, мы, младшие, все получили высшее образование.

После первого курса института он приехал летом на каникулы. На нем была военная гимнастерка из дорогого материала, подпоясанная широким офицерским ремнем, хорошие офицерские брюки-галифе, хромовые сапоги, в руках - чемодан, в общем, был во всем добротном по тому послевоенному времени. Оказывается, один из его довоенных друзей, фронтовик-офицер Каиржан Рыспаев, был проездом в Алма-Ате и, увидев, во что одет Евней - студент высшего учебного заведения, выделил все это из своих армейских запасов. Когда брат собрался обратно в Алма-Ату, оставил мне гимнастерку, брюки и ремень. Я долго носил их, и конечно, только по праздникам. А сам он в чем уехал? Не помню.

В те годы почему-то у нас не задерживались домашние животные, всегда с ними что-то случалось, и мы оставались без кормильцев. Вместо павшей коровы дядя Маутай-ага подарил телочку, которая опять стала нашей кормилицей. Мама сепарировала молоко, сбивала масло и собирала для посылки Евнею, а из обраты делала айран или иримчик, кормила нас. Посылки из Северного Казахстана в Алма-Ату шли тогда полтора - два месяца, поэтому мама собирала такие продукты, которые не портились. Иногда все же, несмотря на все наши старания, посылки он получал с подпорченными продуктами, но об этом никогда не писал и, бывая на каникулах дома, не рассказывал, чтобы не испортить наше настроение. Евней со своей стороны, получая посылки, думал о том, как бы нам чем-нибудь помочь, что-нибудь выслать, чаще всего чай. А мы этот чай обменивали на другие продукты, а иногда, случалось, наша мама раздавала его родным и знакомым, чтобы похвастаться: вот какой стал ее старший сын, присылает дефицитный товар.

Да, это было так, пока он не стал подрабатывать. Первым приличным его заработком был гонорар за перевод повести И.Василенко "Артемка". Перед нами уже не стояла проблема, как прокормиться. Приезжая на каникулы из института, брат старался помочь подготовиться к зиме, кроме того, ездил по деревням района, читал лекции, нередко читал и в клубе райцентра, куда старались попасть и мы. Часто появлялись его статьи и очерки в республиканских газетах. Он много переводил. Это были произведения русских и зарубежных классиков. Кроме того, он подрабатывал на поденщине - разгрузке и погрузке вагонов на железной дороге, перевозке вещей переезжающих с квартиры на квартиру или отъезжающих после войны эвакуированных, которых немало было в Алма-Ате. Чем только ни приходилось ему заниматься, чтобы прокормиться и нас поддержать!..." В годы учебы многие студенты испытывали большие недостатки по карточкам. Пищу мы сами готовили в общежитии, и это нам давало какую-то экономию. В первый год мы жили на улице Калинина над каким-то учреждением. В одной комнате жили по 30-40 студентов, кровати были двухъярусные, столов вообще не было, так как негде было ставить, ухитрились разбиться группами и по очереди готовить обеды, ужины и т.д. Евней был не приспособлен к такой жизни, т.е. не умел готовить, он всегда просил нас: дайте любое другое поручение, но не корпеть над электроплитой". Так вспоминает те студенческие годы один из его лучших друзей О. Нурекин. Преодолев все трудности, в 1950 году брат закончил Казахский горно-металлургический (ныне политехнический) институт. После окончания остался в этом же институте продолжить учебу дальше, как он написал нам в письме. Для нас и для родственников было непонятно, что это за бесконечная учеба. Без особого энтузиазма и радости оставшись в целевой аспирантуре, прокорпев в лаборатории более года и не добившись особых результатов в своих исследованиях, Евней почувствовал

какую-то усталость и даже отвращение к лабораторным опытам. Охватило равнодушие ко всему. Как он сам пишет, потянуло в родные края, к матери, к братьям, в свой аул. Он обратился к своему руководителю профессору Понамареву В.Д. и тот без упреков и лишних слов разрешил ему взять отпуск, посоветовав при этом отдыхать до тех пор, пока не потянет снова в лабораторию.

И вот родной аул. Приехал не тощий студент, а порядком раздобревший аспирант, и этим произвел на нас, родственников и знакомых, почтительное впечатление. К тому же он приехал не с пустым чемоданом, как раньше, а с подарками семье, близким. На наше любопытство, что такое аспирант, популярно объяснил, что теперь учится, чтобы учить таких студентов, каким сам был недавно, т.е. по окончании будет старшим учителем.

Евней ничуть не изменил своему традиционному поведению. Немного побыл дома, несколько дней поездил по аулам, где жили наши многочисленные родственники и его друзья (в этот приезд, я заметил, районные руководители с готовностью представляли ему транспорт - сытых лошадей, впряженных в легкий ходок с коробом, удобным для сиденья, сплетенным затейливыми узорами из лозы). Посетив и проведав почти всех, ибо он более двух лет не был на родине, брат вернулся домой.

На второй день вместе с дядей Ибрай-ага, как всегда, собрался на сенокос. Помнится мне, этот выезд был у них последним. Поехали они в телеге, доверху нагруженной жердями для шалаша, косами, лопатой, другой утварью, одеждой, постельными принадлежностями, инвентарем для возделывания кумыса - напитка, придающего силу, словом, всем тем, что необходимо для жизни на сенокосе. Место, где мы ежегодно косили, находилось в каких-нибудь шести-семи километрах, но дядя наш собирался обстоятельно, как будто выезжал за сто верст, ибо он считал, что во время сенокоса не к чему мотаться в аул и отрываться от дела. Приехав на ранее выбранное место на берегу старицы Узун-Карасу, поставили шалаш, обосновались надолго. На этом уголке нашей любимой старицы есть песчаный бережок. Там любила прохладиться в жаркие дни серая кобылица дяди, спустившись по некрутому откосу и войдя чуть ли не всем телом в воду. Место было пригожее и нам для купания, а плавать Евней очень любил. Об этом последнем сенокосе он часто и тепло вспоминал, особенно когда встречался со своими друзьями и с молодежью. Видимо, вот почему: "...подробности, - писал он впоследствии в своих автобиографических заметках, - воскресают перед моими глазами во всех деталях, может быть, потому, что они теперь никогда не повторятся не только для меня, но и для других поколений. Поехал я недавно в аул, моих лугов нет, но есть безбрежные поля, густо заросшие сеянными травами, по этим полям ползает большая машина, похожая на громадного паука, аккуратно

стрижет поле и выбрасывает кирпичики спрессованного сена. Кто же теперь после этого будет ходить с дедовской косой за плечами".

К концу третьей недели жизнь на сенокосе, приятно разнообразная, с выездом в соседние аулы, рыбалкой, купанием в старице, беседами с приглашенными к нему и к Ибрай-ага друзьями и товарищами, вдруг оказалась ему малозначительной по сравнению с тем, что оставил там, в институте, в лаборатории. Вот как вспоминал он в тех же заметках: "...Купался я однажды в старице, испытывая то особое внимание, которое, наверное, знакомо лишь человеку, всхрипнувшему часок-другой после напряженного трудового утра, спрятавшись от полуденной жары в прохладном шалаше, и затем тут же попавшему в бодрящие объятия мягкой старичной воды. Помню, как плавно, осторожно вынырнув из воды, я, следуя "мудрому" совету Кузьмы Пруткова, с улыбкой стал считать круги, расходящиеся от меня. И вдруг, именно в этот момент волняные круги отодвинулись от меня и обступили мои химические уравнения и формулы, и с этого мгновения они не покидали меня, возвращаясь все чаще и чаще... С этого дня потерял всякий интерес и к сссу, к жизни на сенокосе, которой с упоением наслаждался..."

Задержавшись немного, чтобы помочь заскирдовать скошенное сено и круглые скирды-чуцаки, он быстро собрался и уехал в Алма-Ату. Это был последний приезд до защиты кандидатской диссертации и последнее занятие крестьянским трудом. Хотя он ежегодно приезжал домой на родину, необходимость заниматься ему подобным трудом полностью отпала, так как подросли младшие братья.

Дней через десять после памятного купания он оказался в полуподвале лаборатории. Дела у него пошли лучше, и через полгода появились желанные результаты. Творческие работники знают, как неповторимы радости их труда. И так продолжалась аспирантская жизнь, работа над кандидатской диссертацией. К концу третьего года обучения его шеф, суммируя полученные им научные данные, нашел, что пора поставить точку и оформлять диссертационную работу.

Следующим этапом были доклады на научных конференциях, на кафедрах по профилю, одним из главных был доклад на кафедре Московского института стали и сплавов и на техническом Совете крупного химического комбината. Всюду он получал положительные отзывы о своей работе, хотя сам был ею недоволен, так как понимал, что многое недостаточно изучено, что на многие вопросы еще надо искать ответы. Несмотря на свои сомнения, получив поддержку и на производстве и в научных кругах, он подготовился к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Читателя, наверное, интересует, над чем он работал. Я этого точно не могу сказать, тема его диссертации была секретной, тогда называли "закрытой". Позднее я узнал, диссертация была по молибдену, он защитил ее летом 1954 года и получил ученую степень кандидата технических наук. После защиты

остался в институте и продолжал работать на родной кафедре под руководством своего любимого профессора Виктора Дмитриевича Понамарева ассистентом, доцентом, не оставляя при этом научно-исследовательские лабораторные работы по тем замечаниям, которые были высказаны учеными институтов, производственниками, а также в частных беседах при предзащите и защите диссертаций.

Чтобы ярче представить его в те довольно молодые годы, ненадолго перерву рассказ о его научной деятельности.

УВЛЕЧЕНИЕ

Мне нередко задают вопрос, как Евней выбрал профессию. Если я скажу, что он всю жизнь мечтал быть ученым-металлургом, то я скажу неправду. Я уже писал, что ему одинаково легко давались и естественные и гуманитарные дисциплины. Этот вопрос был ему задан на одной из встреч в Карагандинском университете. Тогда он ответил следующими словами: "...Когда я ехал в столицу Казахстана на учебу, мечтал о карьере учителя языка и литературы, но втайне от себя - о карьере писателя. Хотел поступить на филологический факультет. Но по подсказке друзей решил, что литературой можно заниматься везде и всегда, из-за материальных соображений (стипендия была в 2 раза выше) сдал документы в горно-металлургический институт, имея весьма смутное представление о специальности металлурга». В его повести «Шесть писем другу» главный герой схож своей судьбой с автором. Находясь в стенах института, Евней начинает вращаться в кругах работников литературы и искусства. Об этом свидетельствует эпизод из воспоминаний народного писателя Казахстана Абдильды Тажибаева в книге «Запомнившиеся»: «Если память не изменяет, было это в июне 1947 года. Мы, с десяток писателей, собирались с семьями и поселились высоко в горах в доме отдыха Совмина и заняли отдельные небольшие дачки. Начальный период прошел приглашениями в гости друг к другу, так как за зиму мы редко общались, а позднее стали собираться только по воскресеньям, каждый был занят своими делами. В один из таких воскресных дней: «Вот летовка старшего брата», - с такими словами услышал голос Шахмета Хусаинова. Вошли Евней Букетов и Шахмардан Есенов. Обменялись рукопожатием и приветствиями, я пододвинул им стулья. - «Вот два студента-великана, специально шли, разыскивая тебя. Один твой шурик, а второй брат, пиши расписку, что принял в целостности-сохранности сына Тажибая». - Шахмет удалился, не стал задерживаться, куда-то торопился... ...Я посмотрел на часы и встал:

- Пойдемте со мной, джигиты, вы меня сегодня выручите от одной обязанности.

- Драки нет ли? - спросив, встал с места Шахмардан.

- Я готов на все, - вторил ему Евней, тоже встав.

Мы втроем направились к двухэтажной даче Мухтара Ауэзова. У домика в холодке за четырехугольным красным столом сидели-прохлаждались Мухтар, Габит, Габиден (Ауэзов, Мусрепов, Мустафин) втроем...

...После приветствия и краткого знакомства Муха принес стулья и усадил двух молодых людей. Началась непринужденная беседа. Вспомнили шедшую на сцене Каздрамтеатра драму Мухтара Ауэзова.

... Наблюдаю, старшие братья очень довольны, что познакомились с такими симпатичными великанами. Смотрят на них и хотят узнать, еще на что способны будущие инженеры. Габит вымолвил, что видел одного русского инженера, который наизусть прочитал «Грозу».

- У русской интеллигенции это бывает. У меня был друг в Ленинграде, очень интересно наизусть читал «Дядю Ваню» Чехова,- поддержал Мухтар.

- Что вы втроем решили замучить моих младших братьев, что ли? - решительно я заступился за молодых. «Брат, не заступайтесь. Кажется, мы тоже не лыком шиты, не так ли, Шаха?» - сказал Евней, обращаясь к другу. Потом Шахмардан встал с места, стал похожим на Кебека на сцене и поклонился Евнею. А Евней, улыбаясь, вторя Шахмардану, начал декламировать, и они вдвоем исполнили известный диалог из драмы «Енлик-Кебек».

- Замечательно получилось, дети мои! - сказал Муха.

Беседа продолжалась на разные темы... На прощание и хозяева и гости выразили свою радость по поводу такого знакомства». В начале пятидесятых годов Евней увлекался литературно-критической деятельностью. Этому, видимо, послужили две причины. Первая - настойчиво пробивался наружу природный дар писать и вторая - материальная заинтересованность в гонораре, хотелось вырваться из полуголодного существования. Он пишет рецензии на произведения видных писателей республики, выступает с литературной критикой на страницах республиканских газет и журналов. Появились такие его статьи, как «О переводах на казахский язык произведений В.В.Маяковского» и «Грозное оружие» о В.В.Маяковском.

Являясь большим поклонником новаторского стиха В.В.Маяковского, брат с большой любовью характеризует его творчество и оценивает его так: «Прославляя передовое, растущее, Маяковский выступает не как

восторженный созерцатель, а как самоотверженный и активный боец, строитель новой жизни, как «народоводитель и одновременно народный слуга».

...Я часто смотрю на старую фотографию, где Евней на клубной сцене читает «Стихи о советском паспорте». Не только его жесты, но и высокая фигура, большеглазое лицо, могучая стойка напоминают Маяковского. Он мог часами декламировать его стихи и поэмы. И, конечно же, он не мог оставаться равнодушным к переводам стихов любимого поэта на родной казахский язык. В своей статье «Дума о переводах» Евней анализирует переводы, сделанные такими видными мастерами казахского слова, как С. Мауленов, К. Бекхожин, К. Аманжолов, М. Алимбаев и другие. Наиболее удачными он считал переводы Касыма Аманжолова, хотя отмечал, что в некоторых местах не сохраняется «лесенка» Маяковского.

В культурной жизни республики важное место занял в тот период роман Габита Мусрепова «Пробужденный край». Анализируя произведение, Евней пишет в статье «У истоков дружбы»: «Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы». Евней в своей статье положительно оценивает образы рабочих Андрея Быкова, Михаила Невולי, Старика Шило. Он показывает, как колоритно Г. Мусрепов рисует образ Быкова, становящегося вождем не только русских, но и казахских рабочих. Писатель отмечает как важное звено становления классового сознания тружеников-казахов их единение с русскими пролетариями. Такие бывшие бедняки, как Буланбай, Жабай, Шегиралы, становятся истинными представителями казахского рабочего класса. Но наряду с этими удавшимися образами Евней отмечает как неудавшийся образ Е.С.Быковой. В книге она очень привлекательна и представляется борющейся за правду и справедливость. Евней аргументирует свои выводы следующим суждением: «Марксизм тогда еще не получил распространения. Если вдуматься с этой точки зрения в то, что изображает Г. Мусрепов, то Елизавета Быкова становится нереальной фигурой. Автору «Пробужденного края» следовало бы уяснить, что противоречивость, заключенная в деятельности и духовном облике революционно настроенной русской интеллигенции того времени, не имевшей правильной ясной теории и ясной цели, должна была найти отражение и в образе Быковой». Так он, в то время молодой аспирант-металлург, критически анализирует роман маститого писателя Г.М. Мусрепова.

Эта рецензия была опубликована газетой «Казахстанская правда» и явилась сенсацией в писательских кругах республики.

Откровенная обоснованная критика не вызывала мелкого раздражения в таких людях, как наш Габит-ага. Более того, Г.Мусрепов после появления статьи в газете позвонил Евнею и сказал, что придет к нему.

В то время Евней с нашей женой Зубайрой Дюсеновной занимали одну комнату в коммунальной квартире. Наша жена прекрасно готовила, и мы, студенты, приходили часто полакомиться ее вкусными блюдами. У них я не раз встречал известных писателей, поэтов, драматургов, артистов, т.е. представителей творческой интеллигенции, в среду которых вошел Евней. Мне было очень интересно увидеть известного писателя, и я остался ждать прихода Габит-ага. В назначенное время пришел полноватый мужчина в очках, в летнем костюме, с портфелем. Поприветствовал, расспросил по национальному обычаю о здоровье, здоровье родных и близких. Спросил обо мне, кто я. Услышав от Евнея, что его младший брат, как-то успокоился и стал беседовать с Евнеем на разные незначительные темы. После традиционного чая, поданного хозяйкой, Габит-ага достал свою книгу «Пробужденный край» и газету «Казахстанская правда» с рецензией брата «У истоков дружбы».

Затем они стали скрупулезно разбирать каждое предложение очерка, образ героев и их действия. Беседа их шла спокойно, на красивом литературном языке, очень эмоционально, но как-то неспешно и очень уважительно. Я сидел, уткнувшись в книгу, но ничего в ней не видел, а внимательно слушал их беседу.

Через два-два с половиной часа, когда они закончили обсуждение книги и очерка, мы с братом пошли провожать Габит-ага. По дороге их беседа продолжалась, а я, который впервые имел встречу с живым писателем такого высокого ранга, шел счастливый, что присутствую при этом разговоре. Наверное, эта встреча в те, уже далекие, 50-е годы послужила началом хорошей дружбы Евнея с Габит-ага. До последних дней Евней с нетерпением ждал встреч с этим умным, высокообразованным человеком. Они часто вместе отдыхали в Каркаралинске. Наверное, символично, что после публикации моего первого очерка о брате в начале 1988 года Маргарита Самиева, работавшая летом 1983 года в пионерском лагере, прислала в редакцию областной газеты «Индустриальная Караганда» фотографию, запечатлевшую Евнея с Габит-ага, которая была снята во время последнего их отдыха в Каркаралинске. Габит-ага с супругой, Евней и другие сидят в высокой траве на фоне живописной каркаралинской природы.

Я не имею филологического образования, но для эрудиции читаю среди многих материалов и критические статьи в газетах «Қазақ әдебиеті» («Казахстанская литература») и «Литературной газете». Анализируя их, отмечаю некоторую самоцель очернить творчество даже таких известных классиков русской литературы, как М.Шолохов, В.Маяковский и другие. Здесь хочу привести слова из выступления известного писателя Ю.Бондарева на одном из пленумов СП СССР, обращенные именно к тем, кто хочет «...осадными орудиями критики постепенно и неуклонно расшатывать в народе нравственное и эстетическое состояние духа, а именно: делать зыбкими, большими, сомнительными главные ценности, на чем держится общество: правда, патриотизм, семья, любовь, честь, совесть, стыд, наконец («Литературная газета» - 9 марта 1988 года). Я очень положительно отношусь к мысли, что критика должна быть чистой, объективной и что нельзя, прав Ю.Бондарев, посягать никакой критике на святыни в литературе, искусстве, которые сложились в нашем мировоззрении.

Читая статью брата «Критика и библиография» на страницах журнала «Әдебиет және искусство» (ныне журнал «Жұлдыз»), опубликованную и в журнале «Коммунист Казахстана» (№9 за 1953 год), я пришел к выводу, что все, что было написано им 35 лет назад, актуально и сегодня. Главными задачами критики и библиографии Евней называет поддержку всего передового в литературе, борьбу против проявлений чуждой идеологии, воспитание чувства патриотизма, интернационализма, дружбы народов. А работу отдела критики и библиографии считает одним из важных участков идеологической работы. Он делает обзор двадцати критических статей, указывая на некоторые творческие неудачи отдельных переводчиков.

Критический анализ романа Г.Мустафина «Караганда», одного из крупных явлений казахской литературы тех лет, по словам брата, является вялым пересказом содержания романа. А следовало бы, пишет он, далее показать, «насколько психологически оправданы разнообразные вехи и повороты в сознании его героев, какова эволюция внутреннего мира их, каковы особенности изображения этой эволюции». Евней отмечает, что критика и библиография у нас значительно отстают от роста казахской литературы, а наши критики рассматривают отдельные произведения писателей вне связи со всем их творчеством, вне связи с развитием всей советской и русской литературы.

Как же воспринималось это критическое замечание? Хорошо сказал С.Баруздин на упомянутом пленуме СП СССР: «Вот мы уже десятка три, а может, больше лет декларируем тезис о взаимовлиянии и взаи-

мообогащении наших братских литератур. Но где, когда конкретно наша критика сказала что-то об этом? Она и не может ничего сказать, кроме разве русской критики, которая как бы тоже ограничена: ей нелегко критиковать произведения писателей иноязычных. Каждый критик из союзной или автономной республики ограничивает свой разговор о литературе своей республики в полном отрыве от литературы советской, многонациональной, в том числе и русской... А ведь разговор о своей литературе в связи с литературой общесоюзной - разве это не признак интернационализма?» В Союзе писателей Казахстана прошло совещание на тему «Время и художественная критика» под председательством С.Мауленова. Там говорилось о многих недостатках в развитии критической мысли, отдельные из которых отмечал в свое время Евней.

Другой стороной литературной деятельности брата в начале 50-х годов было пристрастие к рецензированию спектаклей, шедших на сценах казахского и русского республиканских драматических театров. Так появляется ряд очерков 1955-1957 г.г. о пьесах С. Муканова «Чокан Валиханов», А. Тажибаева «Майра», З. Шашкина и М. Гольבלата «Токаш Бокин», Ш. Хусаинова «Вчера и сегодня» и др.

В пьесе о Чокане Валиханове, в основу которой положена не только глубокая личная трагедия человека, переросшего свое время, Евней отмечает три линии. Первая - возникновение и крушение иллюзий Чокана, связанных с верой в способность царской администрации понять нужды казахского народа и удовлетворить их, с верой в реформаторскую деятельность царя. Вторая линия - крушения надежд, которые возлагались на Чокана людьми, давшими образование и способствовавшими его карьере с целью «приручить» выдающегося сына казахского народа. Евней отмечает, как шли они от меценатского благоволения к активному противодействию всем начинаниям Валиханова, связанными с заботами о родном народе. Третья линия в пьесе - тема великой плодотворной дружбы между русским и казахским народами. На протяжении всей жизни Чокан ощущал бескорыстную заботливую поддержку передовых представителей русского народа.

В марте 1955 года появляется статья «Легенда о любви» Назыма Хикмета на казахской сцене». Автор подробно анализирует спектакль и отмечает прекрасное декоративное оформление В.В. Голубовича, яркое выдержанное в сказочных тонах, полностью отвечающее режиссерскому замыслу. Евней пишет, что спектакль о Фархаде и Ширин в казахском театре драмы свидетельствует не только о зрелости творческого коллектива, но и о его больших возможностях.

В феврале 1956 года публикуется статья «Большая тема жизни» о спектакле по пьесе драматурга Ш.Хусаинова «Вчера и сегодня». Это была первая попытка драматурга показать на сцене культурный рост казахского народа, талантливую национальную интеллигенцию.

В статье «Пьеса о Токаше Бокине на русской сцене» Евней отмечает, что основное достоинство спектакля состоит в его идейной насыщенности. Верно показан героизм народа, духовное единение трудящихся, и прежде всего русских и казахов, в борьбе за победу власти Советов. Одним из главных недостатков Евней считает то, что, как ни странно, актеры русского театра драмы еще не имеют достаточного опыта в создании сценических образов казахов.

Позже брат все меньше обращается к критике. Почему? Как он сам оценивал свои первые работы, можно узнать из его же слов: «Как я отношусь к своим литературным работам? Хорошо отношусь. Это переводы и рецензии. Причин их написания было много, я не мог не писать, это была потребность. Переводить начал скорее потому, что хотел познакомить своих близких, не владеющих русским языком, с прекрасным в русской и зарубежной литературе. Мне нравился сам процесс перевода: это творческий процесс, который доставляет огромную радость, требуя соответственно огромного труда. А стимулом в студенческие и аспирантские годы и в начале научной деятельности было материальное поощрение, которое было просто необходимо. Но и впоследствии, когда мне показалось, что в критических статьях я повторяюсь, что в них мало свежих мыслей, я от их писания отказался».

За два-три года Евней написал и опубликовал более 15 статей и очерков, живо откликаясь на многие явления в культурной жизни Казахстана. Я сейчас не помню точно, в каком году -1955 или 1956-м - Евней пригласили в ЦК Компартии Казахстана и предложили должность собственного корреспондента «Литературной газеты» по республике, но он тактично отказался, аргументируя тем, что, выбирая профессию, он предпочел естественные науки, а сочинения являются просто развлечением.

Но он продолжает сочетать научную деятельность с литературой. Первой большой работой был перевод повести И. Василенко «Артемка», затем последовал перевод рассказов и статей Э. Золя и романа болгарского классика И. Вазова «Под иггом», пьесы в стихах В. Маяковского «Клоп» - все это было издано в 1955-1959 годы. Потом почти на десять лет литературная деятельность Евнея прерывается. Он объясняет это так: «Большое счастье иметь возможность отказаться от желания того, в чем ты начал сомневаться, дать себе отдых и подумать

над тем, что ты делаешь. Я имел возможность отказаться от писания. Вернулся к писательскому труду тогда, когда понял, что мне есть что писать, есть мысли, знания. Насколько удачно воплотил это на бумаге - судить вам, мои читатели».

ДОВЕРИЕ

В набранном ритме Евней в эти годы, как видно из приведенных высказываний, работает в двух направлениях - в науке и литературе. Может быть, так и продолжалось бы неизвестно сколько лет и зим. Но однажды, когда решался вопрос о должности проректора его родного института вместо долго проработавшего на этой должности товарища, перешедшего по личной просьбе на более спокойную и менее ответственную работу на кафедре, выбор пал на кандидатуру моего брата, молодого доцента. В середине 1958 года его назначили на эту должность. В период работы проректором он вынужден был отложить свои любимые занятия - сочинение и перевод художественных произведений, лабораторные исследования в науке, - и целиком и полностью переключиться на административную работу. Правда, ненадолго. В начале 1960 года тогдашний президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сагпаев предложил ему возглавить вновь созданный Химико-металлургический институт. Брат дал согласие, и в феврале 1960 года переехал в Караганду.

Приняв высокий пост директора научно-исследовательского института в возрасте 35 лет и не имея особого опыта руководящей и организаторской работы, Евней столкнулся с большими трудностями. Спустя некоторое время погрузстнел; видно было: очень переживает. Из-за чего - мы узнали много позже. Все его попытки сплотить, хотя небольшой, но разношерстный коллектив ученых, съехавшихся со всех концов страны, были безрезультатны. Сотрудники разбились на две враждующие группы, одни были на стороне заместителя директора по науке академика АН республики В.В. Михайлова, другие - на стороне секретаря парторганизации, заведующего одной из лабораторий Ж.Т. Тюленева. Ни одна из группировок не поддерживала молодого директора. Кроме того, дефицит помещений, приборов для укомплектования лабораторий, недостаток квалифицированных кадров не могли не отразиться на результатах работы и настроении директора.

В этих условиях брат приходил к выводу, что не может - сплотить работоспособный научный коллектив, и пишет заявление на имя президента АН Казахской ССР с просьбой об освобождении от занимае-

мой должности. Президент в обстоятельной беседе предостерегает Евнея от скоропалительных необдуманных решений и решительно отклонил его просьбу. Брат с новой энергией и энтузиазмом взялся за дело и проработал на этом посту 12 лет. Начала укрепляться материальная база, лучше стали оснащаться необходимыми приборами лаборатории. Надо полагать, не без содействия президента Академии наук республики. Отдельные разработки, хотя и незначительные, начали внедрять в производство. Появились первые кандидаты наук, вышедшие из стен института. Это были уже зримые плоды труда, первые победы.

Коллектив сплотился. Одним из первых защитил кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством Евнея, его первый ученик Марк Залманович Угорец, ныне доктор химических наук, профессор Карагандинского университета. В дальнейшем подготовка научных кадров пошла быстро, многие сотрудники направлялись в центральные научно-исследовательские институты страны, в целевую аспирантуру, откуда возвращались подготовленными к защите диссертантами. Евней помогал доработать диссертации и организовывал их защиту.

Вспоминаются два эпизода из его рассказов того периода. Однажды они с одним из аспирантов были в Москве в командировке и раздобыли дефицитный прибор, который нужно было везти очень осторожно, чтобы не повредить. Купили четыре билета в купейный вагон, чтобы полностью занять купе и водрузить туда громоздкий ящик. Бухгалтерия института наотрез отказалась оплатить стоимость двух «лишних» билетов. Что же, наука требует жертв - успокоили себя ученые. Впоследствии на этом приборе было проведено немало ценных опытов, так что моральное удовлетворение сполна окупило материальные затраты.

Второй случай был на одном из уральских заводов. Наблюдая за процессом производства, Евней пришел к выводу, что процесс этот можно упростить и удешевить. Своими соображениями поделился с техническими руководителями завода, которые заинтересовались новшеством и поддержали его. В институте процесс разработали в деталях, но перед внедрением необходимо было провести полупромышленные испытания, для чего потребовалась небольшая производственная площадь. Вот это стало загвоздкой: бесконечная переписка и поездки не дали желаемых результатов.

Однажды Евней вызвал своего аспиранта В.П. Малышева (впоследствии доктор технических наук, профессор, директор химико-металлургического института) и попросил его подготовить проект письма к союзному министру - хозяину этого завода. На другой день

Виталий Павлович принес отпечатанный проект письма. В нем подчеркивалось, что речь ведется о площади не большей, чем та, которую заняли бы, сойдясь вместе для решения вопроса, три солидных директора: завода, проектного института, который проектирует реконструкцию завода и научно-исследовательского института. А решение вопроса тянется уже более трех лет. Евней расхохотался над этой неофициальной фразой, но она была очень уместной и потому осталась в тексте. Все, кому довелось читать это письмо, смеялись. Письмо отправили, а спустя немного времени, всех трех директоров пригласили в Москву, в Министерство. Когда они зашли в кабинет, заместитель министра не мог удержаться от смеха, ибо все трое были очень солидной комплекции. Присутствовавшие не понимали, в чем причина смеха, и тогда хозяин кабинета прочитал письмо. Все вместе тоже засмеялись. Вопрос был решен без обсуждения. Дело пошло на лад, провели полупромышленные испытания, новый процесс внедрили в производство. Завод имел немалую экономию, повысилась качество продукции. Многие родственные заводы переняли опыт.

Стабилизировав текущие дела в институте, направив деятельность коллектива в нужное русло, брат начал добиваться выделения ассигнований для проектирования и строительства комплекса зданий института. Ведь институт размещался в общежитии Горного техникума, а остальные лаборатории размещались в других приспособленных помещениях - бараках. Обойдя все компетентные инстанции в области и республике и заручившись их поддержкой, Евней выехал в Москву, добился приема у М.В. Келдыша - президента АН СССР и В.А. Кириллина - заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Комитета по науке и технике СССР.

Он так рассказывал нам об этих встречах. Сначала был на приеме у президента Академии. Обговорив все необходимые вопросы, предварительно получив заверение о выделении средств на проектирование и строительство комплекса зданий института, поблагодарив М.В.Келдыша, стал прощаться; в это время в кабинет вошел красивый, подтянутый, строго одетый молодежавый мужчина. Хозяин кабинета вышел из-за стола и уважительно поздоровался с ним, Евней, едва кивнув, повернулся спиной к вошедшему и продолжал говорить о своих делах с хозяином кабинета. Президент отрекомендовал брата как молодого способного директора научно-исследовательского института и представил вошедшего. Им оказался академик Кириллин, встреча с которым была ближайшей целью Евнея. Президент сам советовал зайти к нему и заручиться его поддержкой. Вот тут-то Евней понял, какую

допустил оплошность. Брат рассказывал о подобных случаях и казусах в своей жизни с юмором, вызывая улыбку у собеседника.

Итак, добившись разрешения на строительство базы научно-исследовательского института, определив проектировщиков и генерального подрядчика по строительству, поручив дело ответственным работникам института во главе с заместителем директора по общим вопросам М.Мамраевым - Героем Советского Союза, не упуская повседневного контроля за ходом дел, Евней обратился к другим делам.

В НАУКЕ

К этому времени брат почувствовал, что начал отставать в науке, и сосредоточил все свое внимание на этом, хотя практически никогда не забывал нет-нет да выбрать время и посидеть за лабораторным столом, понаблюдать за реакцией химических элементов.

Теперь пришлось вернуться к истокам своих научных работ. О том периоде рассказывает в своих воспоминаниях И.Ф.Худяков - доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, проректор по науке Уральского политехнического института: «В Казахский горно-металлургический институт, где он (Букетов Е.А.) работал в должности доцента кафедры металлургии легких и редких металлов, я приехал вместе с профессором В.И.Смирновым, который был в то время членом-корреспондентом вновь созданной АН Казахской ССР, в последующем он был академиком АН Казахской ССР. После традиционного приветствия Василий Иванович познакомил меня с Евнеем Арстановичем. Началась беседа об исследованиях, которыми он в то время занимался. Ему было важно знать мнение профессора В.И.Смирнова о его работах, целесообразность их проведения. Научные интересы Евнея Арстановича были сосредоточены на металлургии редких металлов и в какой-то степени являлись продолжением его кандидатской диссертации. Из беседы, которая продолжалась больше часа, нетрудно было сделать вывод об интересном научном направлении выполняемых работ и возможности их практической реализации, прежде всего на предприятиях цветной металлургии Казахстана, в частности, на гиганте медной промышленности - Балхашском горно-металлургическом комбинате».

Работу в этом направлении Евней никогда не оставлял, внедрение его теоретических разработок позволило улучшить качество выплавляемой меди, поднять его выше мирового стандарта.

Подытожив результаты своей научной деятельности за более чем десятилетний период, Евней пришел к выводу, что можно приступить к оформлению докторской диссертации.

1966 год, 10 октября. Москва. Зал заседания ордена Трудового Красного Знамени института стали и сплавов. Свободных мест нет. Многие из сидящих в зале - убеленные сединой, лысоватые, маститые ученые, имена которых известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Идет заседание Объединенного ученого совета по присуждению ученых степеней. Когда члены совета заняли свои места и в зале воцарилась тишина, председатель - доктор технических наук, профессор С.Ф.Кузькин - объявил, что рассматривается диссертационная работа Е.А.Букетова на соискание ученой степени доктора технических наук на тему «Извлечение селена и теллура из остатков медных электролитов». Официальными оппонентами были назначены доктора технических наук, профессора Н.Н. Севрюков, М.Д. Ивановский, Н.А. Суворовская.

После краткого доклада было задано множество вопросов, на которые диссертант дал исчерпывающие ответы. При обсуждении выступили четверо ученых, докторов наук и член-корреспондент АН СССР И.Н.Плаксин. Все были единого мнения: выполненная работа вполне заслуживает присвоения ученой степени доктора технических наук. Диссертанту Е.А.Букетову можно было бы присвоить эту степень без защиты за совокупность научно-исследовательских трудов. Но диссертант провел специальные научные исследования, разработал и внедрил в производство новые процессы, чем принес стране немалую пользу.

При тайном голосовании все двенадцать членов проголосовали «за», против - ни одного. Поблагодарив оппонентов, членов ученого совета и всех участников заседания, он вышел из зала. И тут почувствовал щемящую боль в области сердца, лицо покрылось каплями пота. Сказались перегрузки и, конечно, волнение.

Вскоре после защиты решение Объединенного ученого совета Московского института стали и сплавов о присуждении Букетову ученой степени было рассмотрено и утверждено Высшей аттестационной комиссией страны. Так сын маленького аула, мой брат Евней, стал настоящим ученым, доктором технических наук. В том же 1967 году ему было присвоено ученое звание профессора. Таким результатом увенчался его многолетний труд. В дальнейшем он много сил вложил в подготовку научных кадров института, параллельно включившись в общественную жизнь города и области. Чаще стал выступать по телевидению, на страницах областных и республиканских газет и журналов как на лите-

ратурно-художественные темы, так и на темы своих научных разработок. Был автором-ведущим документального телевизионного киноочерка «Южнее города Омска» о становлении Карагандинского и Экибастузского угольных бассейнов и развитии металлургической промышленности.

К семидесятым годам у него уже было за тридцать изобретений, сделанных им в соавторстве со своими учениками. Главным из них была разработка и внедрение новых прогрессивных технологических процессов по резкому увеличению выплавки меди с применением кислорода и комплексному использованию сырья с получением ренийевой продукции и серной кислоты из отходящих газов конверторов. Это изобретение со столь сложным названием было внедрено на Балхашском горно-металлургическом комбинате, за что группе специалистов, и в том числе моему брату, была присуждена Государственная премия СССР за 1969 год.

Этот технологический процесс стали называть «Балхашским эффектом», он получил огромный резонанс на заводах цветной металлургии страны. Производственники выплавливали на тех же печах дополнительно десятки тысяч тонн меди «с четырьмя девятками», что означает чистоту получаемого металла - почти идеальную.

Одновременно был разработан метод извлечения из ядовитого дыма заводских труб редких металлов, в том числе рения. Дым научились превращать в металлы, более драгоценные, чем золото. В эти же годы группа ученых Химико-металлургического института работает над способами переработки и обработки пирита, содержащего полиметаллическое сырье. Эти разработки увенчались успехом, были признаны изобретением. Евней и его коллеги получили пять авторских свидетельств. Указанные изобретения в 1983-1984 годах запатентовали в Канаде, США и Австралии, в 1985-1986 годах - в Швеции, Франции, ФРГ, а в 1987 - году в Японии и Италии.

В 1970 году Евней был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. В эти годы он работает особенно активно, ежегодно получает от трех до восьми свидетельств об изобретениях, много времени уделяется подготовке кандидатов, докторов наук. Вся его деятельность была направлена на то, чтобы в институте работало больше сотрудников с учеными степенями.

Вот как вспоминают его аспиранты тех лет, ныне ведущие специалисты, организаторы науки в регионе, преподаватели химического факультета университета: «Мы всегда восхищались тем, что Евней Арстанович умел находить время для беседы с молодыми научными сотрудниками; даже

будучи ректором университета, он каждую среду - свой творческий день, посвящал нам, приходил в новый корпус Химико-металлургического института, выслушивал нас, указывал на ошибки, поощрял успехи. Если все же нам не удавалось по какой-либо причине встретиться с ним на работе, мы в любой день, в любое время, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Там нас встречала доброй улыбкой его жена, уважаемая Зубайра Дюсеновна, которая хорошо знала всех учеников Евнея Арстановича.

Наши рукописи статей никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки, делал ценные замечания. Для беседы по научной работе мог вызвать нас домой и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье...».

В УНИВЕРСИТЕТЕ

В один из дней ранней весны 1972 года Евней позвонил мне и попросил зайти к ним (тогда мы жили в одном доме по проспекту Ленина, 56). После традиционных приветствий брат заявил, что ему предлагают должность ректора будущего Карагандинского государственного университета. В то время мы знали, что Карагандинский педагогический институт преобразовывается в государственный университет, в конце 1971 года пресса сообщила о Постановлении правительства. Я ему не советовал переходить на другую должность, учитывая состояние здоровья, а также мотивируя тем, что в Химико-металлургическом институте АН Казахской ССР, где он директорствовал, все отлажено, создан сплоченный коллектив, многие сотрудники начали успешно защищать кандидатские и докторские диссертации, а еще больше соискателей готовилось подняться на эту ступень науки. Завершался многолетний кропотливый труд, готовился к вводу в эксплуатацию комплекс зданий института из стекла и бетона. В общем дальнейшее сулило спокойную ритмичную жизнь, хотя мы хорошо знали: спокойствия он никогда не знал и не будет знать, таким родился и воспитал себя. Оказывается, наша женеше, его жена, тоже возражала против перехода в университет.

Несмотря на все наши настойчивые возражения, он вынужден был перейти в университет, ибо местные партийные и советские органы другой подходящей кандидатуры не искали, и настояли на его переходе.

В середине марта того года брат мой стал первым ректором второго в республике государственного университета.

Перед университетом стояло много сложных задач: он должен был продолжать готовить педагогические кадры, в частности, учителей для сельских и аульных школ. Ведь базой университета стал Карагандинский педагогический институт, который и передал университету все свои проблемы. А проблем было ой как много! Намечалось большое увеличение приема студентов, не хватало помещений для учебного процесса и т.п. Для решения всех этих вопросов была создана комиссия обкома партии и облисполкома во главе с тогдашним заместителем председателя облисполкома тов. Язевым В.И. Быстрыми темпами шло строительство временного главного корпуса на улице Гоголя, где в настоящее время разместился математический факультет университета.

Вначале коллектив бывшего педагогического института хорошо принял Евнея. Но когда начались подбор и расстановка кадров и наметились передвижение и перемещение некоторых сотрудников, стали появляться обиженные, недруги. Надо сказать, что к этому времени Евней был более подготовленным, опытным руководителем как в области организаторской, так и педагогической деятельности, не то, что 12 лет назад, когда стал директором Химико-металлургического института. Обиженными оказались люди, занимавшие определенные руководящие посты в прежнем педагогическом институте. Они долго не забывали обиду, а некоторые вредили как могли. В том году был такой случай. Один молодой человек, наш земляк, окончивший медицинский институт, и дочь одного из бывших руководителей пединститута решили пожениться. Этот земляк попросил меня и еще нескольких близких людей пойти к ее родителям и совершить помолвку. Когда мы появились, хозяева квартиры нас радушно приняли, помогли раздеться, провели в зал. Разговорились, стали знакомиться, и когда очередь дошла до меня и выяснилось, что я брат ректора университета, родители девушки, я заметил, изменились в лицах. Дальше разговор плохо клеился. Угостив традиционным чаем, хозяева проводили нас, пообещав, что свое решение о свадьбе объявят позже. Потом они категорически воспротивились, и этим молодым людям не суждено было соединить свои судьбы. Причиной всему было одно: жених оказался земляком неуважаемого человека. Может быть, не так сложились бы их судьбы, не появившись его брат, то есть я. Бывают же в жизни такие парадоксы! Впоследствии многие поняли, что, переставляя кадры и приглашая со стороны более квалифицированных специалистов, Евней поступал правильно, многие с ним согласились, ибо университет не пединсти-

тут. У него другие, более ответственные и сложные задачи: подготовка и воспитание творческих, научных работников.

День официального открытия университета был приурочен к началу учебного года. Оно состоялось 1 сентября 1972 года. В Караганду съехалось много гостей со всех регионов республики, из университетов других союзных республик. Небольшой конференц-зал нового здания, который был построен благодаря настойчивости Евнея за несколько месяцев, не вмещал собравшихся на торжество. Многие стояли в проходах. За столом президиума были руководители области, делегация Академии наук Казахской ССР, местные ученые, представители рабочего класса и интеллигенция, а на открытии выступили тогдашние первый секретарь обкома партии В.К.Акулинцев, вице-президент Академии наук республики А.М.Кунаев, ректор Казахского госуниверситета профессор У.А.Джолдасбеков, впоследствии академик, Президент инженерной академии республики, а также республиканские академики М.Каратаев, О.А.Жаутыков и писатель-академик Сабит Муканов. Это был последний его приезд в Караганду.

Итак, приняв статус университета, новый вуз вошел в законную силу и начал действовать. В обиход многих карагандинцев и жителей северных областей республики вошло выражение: «Мой сын (или моя дочь) поступил (поступила) в Карагандинский государственный университет», чаще - «в КарГУ». Состоялся набор первокурсников, шло комплектование профессорско-преподавательского состава. Если абитуриенты съезжались в основном со всех концов республики, то новые кадры - из всех регионов страны. Как шел этот процесс, можно увидеть на примере физического факультета. По приглашению приезжали преимущественно молодые люди, кандидаты наук, только что начавшие путь. А.И.Турмухамбетов и К.З.Альжанов - из Алма-Аты, из Казахского университета, Б.И.Минаев приехал из Томского университета, К.Т.Ермагамбетов до Караганды работал в Сибирском отделении Академии наук Союза ССР, Г.А.Кецле - в Московском университете, Ж.С.Акылбаев - в КазГУ, Л.А.Краус - в Карагандинском, а Л.Ф.Ильина - в Казахском политехническом институтах.

Из Алма-Аты приехала семья Перевертун, Алексей Иванович и Мария Александровна - оба кандидаты физико-математических наук. Глава семьи - физик, а Мария Александровна - математик, стали работать по своим специальностям заведующими кафедрами, Мария Александровна впоследствии продолжительное время, до ухода на заслуженный отдых, работала деканом математического факультета.

О том, как осуществлялись подобные приглашения, вспоминает Лидия Федоровна Ильина, долгие годы проработавшая заведующей кафедрой общей физики а позже - деканом физического факультета: «Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования Каз.ССР Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей физики или теоретической (я ведь закончила кафедру теоретической физики). Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди новая очень ответственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила, Евней Арстанович рассмеялся - громко, раскатисто, от души, как мог смеяться только он, и начал рассказывать. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что им нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо, и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем - мой муж и я, всецело покоренные всепобеждающим обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно. В июне я была уже в Караганде. Евней Арстанович позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом зеленом уголке Караганды»...

Я привел один маленький пример, один штрих той многогранной, большой работы, какую пришлось проводить моему Евнею по привлечению нужных кадров. В университете сразу же было открыто пять новых факультетов из восьми, их надо было обеспечить новыми кадрами, 1 сентября начать занятия. Все эти заботы легли на плечи брата. Он отчетливо понимал, что каким бы трудным ни был путь развития коллектива университета, он должен иметь свое лицо.

В эти годы широко и во многих направлениях раскрываются его организаторские способности. Он закладывает фундамент подготовки кадров высокой квалификации, кандидатов и докторов наук. В настоящее время в университете трудятся более 35 докторов наук, не считая разъехавшихся по различным житейским причинам.

В музее университета висит макет генерального плана университетского городка, который был разработан и начал претворяться в жизнь под непосредственным руководством Е.А.Букетова. Вот что сказано в книге «Карагандинскому государственному университету 20 лет», изданной в 1992 году:

«Освещая историю становления и развития университета, особо следует отметить создание его материальной базы. Решением исполкома Карагандинского городского Совета депутатов трудящихся для уни-

верситетского комплекса был отведен земельный участок площадью 65 га, расположенный за городом, в районе Юго-Восточного жилого массива.

Генеральный план вузовского комплекса на современном этапе характеризуется, прежде всего, четким зонированием территории, позволяющим обеспечить развитие каждой зоны в отдельности и всей композиции в целом, а также короткими коммуникационными связями между зонами. Другая проблема современного вуза - единство его территории и комплексность решения вопросов жизнедеятельности вуза (учеба, наука, спорт, отдых, жилье для студентов, культурно-бытовое обслуживание, хозяйство вуза). Полное решение этой проблемы может обеспечить функционирование и развитие вуза на длительное время. Все эти теоретические предпосылки нашли свое отражение в проекте Карагандинского государственного университета.

Основа архитектурно-планировочной идеи университетского городка - четкое функциональное разделение на зоны: учебно-производственную, НИИ, жилую, спортивную, хозяйственную, парковую. В состав комплекса входят учебные корпуса гуманитарных и естественных факультетов, здания научно-исследовательского назначения, фундаментальная библиотека, Дворец культуры студентов, 14-этажное здание главного корпуса, спортивный комплекс, сооружения хозяйственного назначения. Закладка фундамента первого здания университетского комплекса состоялась 15 мая 1974 года. На митинге, посвященном этому событию, прочитал свои стихи известный казахский поэт Абдильда Тажибаев. За период с 1975 по 1987 г.г. сданы в эксплуатацию следующие объекты: корпус гуманитарных факультетов с шестью поточными аудиториями, Дворец культуры студентов, спортивный зал, 2 столовые на 330 и 530 мест, 4 студенческих общежития на 2148 мест, 54-квартирный (1975г.), 75-квартирный (1978г.), 72-квартирный (1979г.) жилые дома, учебно-лабораторный корпус физического факультета с лекционными залами (1987г.), санаторий-профилакторий на 100 мест (1979г.). Все эти объекты обошлись государству в 17,6 млн. рублей. Как видно, ежегодно на строительстве осваивалось более 1 млн. рублей капиталовложений (по ценам того времени). В 1992 году закончено строительство учебного корпуса биологического факультета. Словом, на Юго-Востоке Караганды возник и формируется ансамбль университетского городка.

В этом большая заслуга его первого ректора академика Е.А.Букетова. В годы ректорства раскрылся его талант организатора большого масштаба. Он решал сложные проблемы создания материальной базы уни-

верситета в условиях застоя, тоталитаризма, партийно-государственной бюрократии, жесткой централизации материальных и финансовых ресурсов. При помощи первых руководителей Совета Министров Казахской ССР, Госплана, Минфина, Минвуза республики, Карагандинского обкома и горкома партии, облисполкома и горисполкома решал вопросы финансирования, материально-технического снабжения и строительства жилых домов, студенческих общежитий, учебных корпусов. В сравнительно короткий срок была создана прочная материальная база для плодотворной работы университетского коллектива».

Я бы лучше не сказал. Одновременно Евней Арстанович не менее активно занимался своей любимой работой, которой посвятил всю свою жизнь, - наукой. Вот как сказано об этом в упомянутой книге:

«Значительно возрос научный потенциал естественных факультетов. Укрепление материальной базы, усовершенствование оборудования, качественный рост научно-педагогических кадров позволили ряду кафедр физического, химического и биологического факультетов подняться на уровень современных фундаментальных задач естественных наук, сформировать и развить собственные направления, а по ряду научных направлений войти в группу лидеров.

Академик Е.А. Букетов был основателем общепризнанной Казахской школы исследований в области химии и технологии халькогенов. Значительное место здесь занимают исследования в области химии соединений меди, а также ее естественных природных спутников - серы, селена, телура, мышьяка и сурьмы, или, как их еще называют, халькогенов.

Интерес к этому кругу объектов был вызван не только тем, что Центральный Казахстан является одним из кладовых такого рода сырья, но и тем, что интенсивная их переработка привела к существенному уменьшению доли содержащихся в них ценных компонентов. В связи с этим назрела задача вовлечь в сферу производства так называемые окисленные и высококремнистые руды, осуществляя комплексную и экономичную их переработку. На решение этих проблем были направлены исследования Е.А. Букетова...».

Он не теряет связи с родным Химико-металлургическим институтом, ибо его просил об этом тогдашний Президент АН Казахской ССР Ш.Есенов. Вот его письмо:

«Министру высшего и среднего специального образования Казахской ССР тов. Айманову К.А.

В связи с назначением члена корр. АН Каз.ССР Е.А.Букетова ректором Карагандинского университета создаются трудности по продолжению исследовательских работ в отделе неорганической химии и цветной металлургии Химико-металлургического института АН Казахской ССР.

Президиум Академии наук Каз.ССР просит Вас разрешить чл.-корр. АН Каз.ССР Е.А.Букетову сотрудничать в ХМИ АН Каз.ССР в качестве старшего научного сотрудника по совместительству для консультаций и руководства названными исследованиями». Соответствующее разрешение было получено, это позволило не терять связи с родным коллективом, самое главное - вести научно-исследовательскую работу, без чего не мог жить мой брат.

В годы, когда возросла его популярность во всех сферах творчества, наступил юбилей: 50-летие со дня рождения. Эта дата вообще в нашем государстве торжественно, широко отмечалась с правительственными наградами для соответствующих лиц, с богатейшими застольями.

Мы, родственники, друзья также готовились отметить юбилей Евнея, ибо были уверены, что он заслужил это.

Ученый совет университета разослал приглашения принять участие в торжественном собрании, посвященном юбилею Е.А.Букетова. Желающих оказалось больше, чем достаточно. Приехали видные ученые, писатели, общественные деятели республики и других регионов страны. Большой зал университета по ул.Гоголя не вмещал участников, многие стояли в проходах, немало оказалось и в коридоре.

Торжественное собрание прошло почти нормально, без казусов. Большие сложности начались при проведении второго этапа подобных торжеств - угощении участников. Нам категорически было запрещено арендовать любое общественное заведение, ресторан или самую незначительную столовую в городе. Поэтому все пришлось организовать, т.е. накрыть традиционный национальный дастархан, в наших двух квартирах в несколько этапов. Добро что мы жили в одном доме, но все же натерпелись неудобств. Однако все провели, как положено. Руководство республики наградило его Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР - высшей наградой республики. Было преподнесено более 100 приветственных адресов различными коллективами, получено неисчислимо количество поздравительных телеграмм: из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Казани, Ташкента, Самарканда, Улан-Уде и почти из всех городов Казахстана от ученых многих отраслей, писателей, поэтов и т.д. Считаю уместным привести текст некоторых телеграмм:

«Дорогой Евней Арстанович от всего сердца поздравляем Вас со славным пятидесятилетием, возраст с вершины которого можете оглядываться на пройденный этап жизни и размышлять. Позвольте пожелать вам и вашей семье хорошего здоровья, много лет красивой жизни и пафоса творческих взлетов. Академик Алкей Маргулан, Алма-Ата».

Из Ленинграда: «Дорогой Евней Арстанович! Сотрудники кафедры металлургии легких и редких металлов и проблемной лаборатории ЛГИ горячо поздравляют Вас со славным пятидесятилетием. Мы знаем Вас как блестящего ученого и организатора науки, создавшего школу плодотворно работающую в различных областях химии и металлургии. Многие работы Вашей школы доведены до успешного промышленного внедрения и заслужили всеобщего признания. Ваша деятельность исключительно многогранна. Мы гордимся Вами - представителем металлургов в Союзе писателей СССР. Желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов, профессор Грейвер Т.Н., Остробород М.Я., Косовер В.М., Зайцева И.Г., Беленький А.М.»

Эта телеграмма была передана по фототелеграфу, фотокопия ее хранится в музее.

Из Москвы: «Уважаемый Евней Арстанович! Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по казахской литературе поздравляют Вас с полувековым юбилеем. Мы, ваши коллеги по перу, знаем Вас не только как вдумчивого литературного критика и переводчика, страстного пропагандиста творений Владимира Маяковского и Сергея Есенина, но и как крупного ученого, внесшего большой вклад в развитие химико-металлургической науки Казахстана. Ваши деяния на этом поприще заслуженно отмечены государственной премией СССР. Ваши художественные очерки «Человек, родившийся на верблюде», «В орбите кочевую», эссе о людях казахского театрального искусства сразу полюбили широкому кругу читателей. Дорогой Евней Арстанович, Вы, как лучший представитель технической интеллигенции, счастливо сочетающий в себе литературный талант с плодотворной научной деятельностью, безусловно создадите еще много произведений о людях отечественной науки. Дорогой друг, от всей души желаем Вам доброго здоровья, новых свершений во имя расцвета науки и культуры нашей социалистической родины.

Секретариат правления Союза писателей СССР».

В приведенных трех телеграммах вкратце отражен весь путь, пройденный Евнеем к своему юбилею. В докладе и выступлениях на торжественном собрании тоже говорили об этом. Продолжения были за столом торжественного ужина, текст зависел от подготовленности и красноречия оратора.

Учитывая, что два коллектива, химики университета и Химико-металлургического института АН Каз.ССР, объединенные под научным руководством академика Е.А.Букетова, далеко шагнули вперед в области исследований химии и технологии халькогенов и халькогенидов, Академия наук СССР приняла решение проводить Всесоюзные совещания на эту тему в Караганде под руководством академика Е.А.Букетова.

Первое такое совещание с участием всемирно известных ученых, академиков союзной академии, Героев Социалистического Труда В.И.Спицына, А.В.Новоселовой состоялась в 1978 году, второе - в сентябре 1982 года.

За большую работу по проведению 1-го Всесоюзного совещания Президиума АН СССР, Распоряжением от 1 декабря 1978 года объявил благодарность 4-м членам оргкомитета, в том числе моему брату Евнею.

В эти же годы у него зародилась идея получения из низкосортных, высокозольных углей Казахстана моторного топлива. После освобождения от должности ректора университета он посвятил себя этой идее, но не успел довести дело до победного конца. Об этом позднее.

Так же активно в эти годы брат занимается писательской деятельностью. Выступает во многих союзных, республиканских, областных газетах и журналах, по радио и телевидению. За это время он написал и опубликовал, не считая чисто научных работ, более 40 больших и малых статей, очерков, посвященных людям науки и студенчеству, в том числе такие, как «Человек, родившийся на верблюде, и его современники» - об ученых Казахстана («Знамя», 1972г. №8), ставшая основой книги под этим названием, «Великая цель и святое дело Чокана» - о Чокане Валиханове, «Первый академик» - о К.И.Сатпаеве, «Пушкин и Маяковский» - этот очерк был опубликован в журнале «Жалын» в 1974 г. №3. Когда он предложил очерк редакции журнала «Простор», произошел казус. Остановлюсь на этом подробнее. Евней получил из редакции лаконичный ответ (я решил привести переписку полностью, ибо она подчеркивает характер Евнея, его отношение к задуманному): «Уважаемый товарищ Букетов! Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература. Ваша работа «Пушкин и Маяковский» не сообщает ничего нового, в литературном смысле она вторична. Публиковать ее не представляется целесообразным.

Зав. отделом критики журнала Н.Ровенский.»

Получив этот ответ, Евней пишет ему письмо, между ними завязывается интенсивная переписка. Поэтому ответ Евнея также привожу без сокращений:

Журнал «Простор», товарищу Ровенскому.

Уважаемый товарищ Ровенский!

К сожалению, я не могу с Вами согласиться, что «Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература». Это - истина того же порядка, что и ... «Волга впадает в Каспий». Я знаю эту истину (нужно ли этим гордиться?) и в своей статье пишу вовсе не об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина, хотя, я думаю, что и эта тема пока не исчерпана. В данной работе, приводя самые известные места из поэзии Пушкина и Маяковского, я старался показать, что Маяковский являлся продолжением Пушкина, что их нельзя противопоставить и что главный герой поэзии молодого Маяковского есть продолжение Онегина, продолжение плеяды лишних людей, характерных для дореволюционной русской общественной жизни и русской литературы. Мне показалось, что эта мысль нова, она мною была давно лелеема, и я имел смелость представить ее на Ваш суд. Я полагал также, что эта связь, а также мысль, что даже Пушкин и Маяковский (а в нашей поэзии, скажем, Абай и Сейфуллин) - ветви одного и того же могучего дерева национальной поэзии, в назидание тем молодым, которым думается, что они выросли отдельно вне этого общего дерева и возвышаются над кажущимся им океаном серости, как Нептун над водным океаном.

Я не спору, что эта мысль, да и сама статья, может оказаться несостоятельной. Но ведь необходимы доказательства, а не утверждения. Я - профессор, а Вы - известный литературовед и литературный критик, и мы хорошо знаем, как интерпретация одних и тех же фактов позволяет иногда находить связи, которые не улавливались до определенного времени. Это же зависит от диалектики мышления и от угла зрения, который выбирает исследователь. Иной, если он не глубок в диалектике мышления, выбирает такой угол зрения, что дальше собственного носа не видит, а другой выбирает такой угол зрения, что, «основываясь на одних и тех же фактах, видит связь явлений дальше и глубже. Если Ваше утверждение, что «работа... в литературоведческом смысле вторична» относится к фактам, то, согласитесь, что подобное суждение опрометчиво. Тут я вспоминаю случай из 12 года (может быть, не очень к месту, но для разрядки, рассказанный тем же Пушкиным). Прискакал к Багратиону Денис Давыдов и второпях выдохнул: «Ваше сиятельство, неприятель на носу!» «На чем носу? Если на Вашем, то

неприятель действительно близок, если же на моем, то успеем еще отбежать».

Уважаемый товарищ Ровенский! Скажу прямо, мне не понравился тон Вашего письма. Если бы я не знал Вас лично (я видел Вас лет двадцать тому назад и сохранил воспоминание об эрудированном, остроумном и обаятельном молодом человеке, который, судя по дальнейшим непрерывным публикациям, рос и стал популярным литератором), я бы мог подумать, что это - письмо молодого человека, случайно перескочившего потолок своей компетентности. Известно, что такой человек изрекает свои суждения с апломбом, не терпящим возражений, и что ему кажется, что только он в себе содержит истину последней инстанции. Я хорошо знаю, что Вы по занимаемому положению и по уровню Ваших возможностей еще далеки от своего потолка компетентности и полагаю, что непозволительный тон Вашего письма есть не что иное, как... пленной мысли раздражение..., ибо наша жизнь настолько стремительно урбанизируется и настолько полна стрессовых состояний, что любой из нас может оказаться временно в плену нежелательных эмоций. И почему-то думаю (может быть, нескромно? - но как нам, творческим работникам, жить без веры в собственное дело), что статья «Пушкин и Маяковский» достойна более объективного обсуждения.

Уважаемый товарищ Ровенский! Я хорошо знаю Вас (грешно было бы не знать одного из ведущих наших писателей), знаю Ваше имя и отчество, но я нарочно выдерживаю заданный Вами тон, чтобы показать, насколько нежелательны черствость и казенность в наших взаимоотношениях. Мир тесен, особенно когда люди работают в одной и той же республике, на одной и той же ниве науки и культуры, пути господни неисповедимы, неожиданно и часто перекрещиваются наши дороги и, ей богу, необходимо твердо сохранять доброжелательность всем нам друг к другу в нашем социалистическом общежитии. С неизменным уважением к Вам Букетов». (Дата не проставлена).

Евней получил ответ на свое довольно резкое послание. Видимо, читателю небезынтересно прочитать, что же дальше, как отреагировал такой маститый литературовед, литературный критик, как Н.С.Ровенский, занимающий соответствующий солидный пост на этом поприще:

«Уважаемый Евней Арстанович! Рад был получить Ваше умное, веселое и язвительное письмо. С удовольствием обращаюсь к Вам по имени-отчеству, которое узнал только из «Правды». Мои коллеги (стыдно сказать) ничего определенного сообщить по этому вопросу не могли.

Боюсь, спор о Вашей статье в эпистолярной форме ни к чему не приведет, для установления истины необходима аудитория, которая могла бы определить степень убедительности аргументов полемизирующих сторон. А как ее соберешь, такую аудиторию?

Дорогой Евней Арстанович!

Мы несколько раньше автора очерка в «Правде» знаем Вас как тонкого и точного критика, человека, любящего и понимающего литературу и искусство, их сложные и неисповедимые пути развития. Вы всегда хорошо чувствовали время в книгах, фильмах и спектаклях (не могу понять, что толкнуло Вас повернуть на скучные тропы академического литературоведения?!) Не согласитесь ли Вы отодвинуть наш бесплодный спор на неопределенное время с тем, чтобы обратиться к вопросам более живым и актуальным, сейчас у всех на устах - НТР. Не потому, что мода, а потому, что поджигает. Если Вы внимательно следите за выступлениями «Литературной газеты», «Литературного обозрения» (посмотрите №9 за этот год), Вам нетрудно вспомнить статьи, посвященные отражению НТР в литературе. Казахскую литературу Вы знаете не хуже иных профессионалов. Но Вы еще и большой ученый. Не смогли бы Вы написать статью, заметки, соображения о том, какое место занимает НТР в современной казахской литературе, и занимает ли, есть ли в ней правдивые образы ученых, инженеров, рабочих, есть ли в ней изображение современных, промышленных предприятий, индустриальных коллективов. Такая статья насущно необходима. При Вашем умении писать остро, аргументировано, при Вашем научном авторитете статья могла бы оказать серьезное влияние на литературный процесс, освежить и динамизировать его. Что Вы на это скажете? Не отбирайте хлеб у литературоведов, поскольку Вы имеете возможность предложить здоровую пищу писателям, родной литературе.

Искренне недоумеваю, что показалось Вам в моем ответе неприемлемым, нежелательным, казенным и черствым. Ответ написан с учетом подготовленности адресата. Делить нам нечего и ссориться абсолютно не из-за чего. А мир, действительно, тесен.

Доброго Вам здоровья и успешной работы над поименованной статьей (в последнем пожелании я, пожалуй, излишне самоуверен?) Ждем Вашего ответа. Ровенский Н. 20.X.74г.»

Ответ Евнея: «Глубокоуважаемый Николай Степанович!

Вы в своем письме затрагиваете действительно насущный вопрос нашей жизни и литературы. НТР - ныне - это то, что определяет самые коренные особенности нашей жизни, если (кто-либо думает изобразить нашего современника, проходя, мимо влияния НТР на его психи-

ку, на динамику его переживаний, тот всегда окажется далеким от правды. Я в последнее время, к стыду и к великому сожалению, очень мало читаю, просто не хватает времени, и боюсь, что отстаю от жизни (было бы еще хуже, если бы это было отголоском того, о чем писал 70-летний Ч.Дарвин: «Потерял интерес к художественной литературе, боюсь, что душевно деградирую», но, кажется, пока у меня этого нет). И все же не ошибусь, если скажу, что в нашей казахской литературе с этим делом очень плохо. С легкой руки высокоуважаемого и высокочтимого Илеке (я действительно люблю) большинство дельных, умных и высоко талантливых писателей переключились на прошлое, даже далекое прошлое. Это, наверное, хорошо. Это, наверное, означает, что благодаря условиям, созданным Октябрем и Партией Ленина, пробудилось в нашем народе национальное самосознание и гордость за прошлое. Потребовалось, например, изумительному чародею казахского слова, умно всматривающемуся в современность, Габиту Мусрепову изобразить умную, по-настоящему женственную женщину - казашку, он ее отнес к середине XIX века («Улпан», «Жулдуз» этого года). Вот Вы хорошо написали о Большом Алимжанове недавно в «Литературной газете». А ведь как он вдохновенно любит и своим прошлым (Махамбет), и прошлым хинди (Акбар), и фарси (Рудаки), отнюдь не поступаясь истиной. Вы это не хуже меня знаете. Ведь мы интеллектуально обогащаемся, в основном за счет доброжелательного и делового общения. Как, например, приятно и полезно было бы для меня услышать ваши суждения и замечания в смысле художественной подлинности образа. Все это я к тому говорю, что Ануар, талант которого был воспитан на самом современном материале, на ниве журналистики, что Ануар, высокоинтеллектуальный человек, более остро, более тонко, чем кто-либо, чувствует пульс современности и уже, отодвигаясь от послевоенного Жомарта все больше назад, дошел до Махамбета, и еще дальше: до «Гонца». Все это тоже, наверное, архинужно для нашей литературы, но из этого же и вытекает то, что пока НТР у наших серьезных писателей не в большой чести. Кажется на подступах, на серьезных подступах к этой теме находится З.Кабдолов («Пламя») НТР - широкое внедрение науки в жизнь. Скоро не будет семьи (по крайней мере, городской), где не будет научного работника. Следовательно, тема НТР требует изображения сложнейшей духовной сути современного ученого. Недавно в разговоре скульптор Наурызбаев Хакимжан сказал, что ему легко делать скульптурные портреты чабана, рабочего, но с большим трудом удаются портреты ученых, писателей, ибо их духовное содержание настолько динамически отражается на облике, что

трудно уловить момент сосредоточения всей сути на лице. Я думаю, что многие избегают НТР, потому, что она, как ни говорите, страшно сложна для изображения, да к тому же «большое видится на расстоянии». Словом, дело это трудное, но мимо нее мы не можем проходить. И, кажется, судя по «Литгазете» и по «Музобозрению», наша советская литература в общем-то не проходит мимо нее. Из этого я не хочу сделать заключения, что Вы, Николай Степанович, ставите передо мной трудную задачу, но все же в порядке критики заделов и в порядке постановки вопроса можно что-то на эту тему написать, однако нужно время. Вы могли бы, наверное, планировать страниц 20-30 где-то на вторую половину следующего года, ибо разговор должен быть не ребяческим, а серьезным, и требуется, как говорится, помозговать. Думаю, согласитесь на это.

Но, к сожалению, Вы статью мою не читали и в раздражении (и этот со своим грубым химико-техническим рылом лезет в наш изящно-тонкий литературоведческий ряд!) ограничились казенной канцелярской отпиской.

Пишущей братии много. В «Простор», наверное, много различного рода «произведений» поступает, их все читать, наверняка, Вам некогда (хотя Горький, например, прочитывал все, что к нему приходило), но тогда надо было хоть помощников попросить. В общем, это, как говорится, на Вашей совести, но все же меня не покидает уверенность, что Вы найдете возможность отнестись к моей работе более серьезно. Я понимаю Вашу шутку о литературоведческом хлебе, но что поделаешь - ведь охота пуше неволи: в этом-то, может быть, и заключается самое интересное в жизни, что мы имеем возможность заниматься тем, что может нас по-настоящему вдохновить и что может дать человеческое удовлетворение.

Благодарю за хорошее письмо, за письмо, в котором сказывается тот Николай Степанович, который есть на самом деле. Желаю в эти Октябрьские дни Вам успехов, здоровья, счастья! Весь Ваш Букетов.»

На это Н.С.Ровенский отреагировал коротким ответом от 12 ноября 1974 года:

«Уважаемый Евней Арстанович!

Большое спасибо за твердое намерение сделать статью. Эту тему мы включили в план 1975 года с указанием автора. Это происходило при таких свидетелях, как член-корр. АН Каз.ССР М.Каратаев и многих других, знающих Вас и уважающих литераторов. Так что назад у Вас

ходу нет. Объем не ограничиваем, число произведений тоже. Тема очень важная, и скороговорка в решении ее ни к чему. Думаю, что у нас будет возможность при личной встрече поговорить о статье «Пушкин и Маяковский», которую я читал самым внимательным образом. Ведь не так часто ученые-химики пишут статьи такого рода. Разумеется, я искал какой-то новый, своеобразный угол зрения. Но об этом потом.

Доброго Вам здоровья, неиссякаемой научной и литературной дерзости.

Н. Ровенский.»

На этом переписка, сохранившаяся в архивах, обрывается. Она заинтересовала нас той настойчивостью, с какой Евней Арстанович отстаивал свою точку зрения не только в области своей специальности, но и в литературе. Несмотря на эти обстоятельства, как видно из переписки, работники совершенно разных направлений так быстро поняли друг друга, нашли общий язык и в дальнейшем подружились. Кульминацию их отношений могут показать только дальнейшие поиски продолжения их переписки.

Особо плодотворными для литературной работы были 1977-1978 г.г. Евней пишет и публикует на казахском и русском языках публицистические статьи, очерки, издает книгу «Грани творчества». Многочисленные положительные отклики получил очерк «Второй в республике» - о родном университете, опубликованный в восьмом номере журнала «Простор» за 1977 год. Вот как откликнулся на него один из многочисленных читателей - В.Шестюков из Талды-Курганской области:

«В редакцию журнала «Простор». В восьмом номере Вашего журнала напечатана статья ректора Карагандинского государственного университета Евнея Арстановича Букетова под скромным названием «Второй в республике». Меня лично, читателя, выступление ученого сильно увлекло, заинтересовало. Я прочитал его с большим удовольствием. Вчера в троллейбусе я услышал, как несколько пассажиров ссылались на статью, прочитанную мною, мнение совпало... Журнал, на мой взгляд, может гордиться этой статьей...» Таких откликов я слышал и читал немало...

Евней готовился писать большой труд о жизни и деятельности первого Президента АН Казахской ССР, первого академика Союзной академии Каныша Имантаевича Сатпаева. Вел долгие поиски и накопил богатейший материал, который в настоящее время хранится в его личном архиве. Приступил к осуществлению давней мечты, начал писать и публиковать отрывки отдельными главами. Так, 21 марта 1975 года в Казахской литературной газете «Қазақ әдебиеті» появилась вступи-

тельная глава. В дальнейшем эта тема стала одной из основных в его литературной деятельности.

Когда читаешь его наброски, то нетрудно догадаться, что работа была задумана как многоплановая - трилогия-эпопея, но не суждено было сбыться его мечте. Не успел. Написал около 300 машинописных страниц и дошел лишь до 15-16-летнего возраста главного героя книги.

Объединив эти главы с эссе о Чокане Валиханове, в 1989 году я предложил этот материал издательству «Казахстан» под названием «Слово о двух мыслителях». Продержав какое-то время рукопись на своих полках, издательство ее вернуло, объясняя невозможностью публикации отсутствием финансирования и бумаги. Не теряю надежды, что придет время и этот бесценный труд брата будет все же издан.

В 1977 году он написал рецензию на казахском и русском языках на книгу новых стихов и поэм поэта Жубана Молдыгалиева «Дойду до горизонта», после этого - документальную повесть «Время светлой судьбы» (записки научного работника), которую опубликовал в журнале «Простор» (1978г., N8-9). Эта публикация сыграла роковую судьбу в его жизни. Позже остановлюсь на этом подробнее.

Не забывает Евней и о переводах произведений любимых поэтов. Переводит на родной язык поэму «Хорошо!» В.Маяковского, стихи С.Есенина «Русь советская», «Письмо женщине», «Собаке Кочалова». Объединив их с ранее переведенной поэмой «Анна Снегина», издает отдельным тиражом в издательстве «Жалын». Перечисление всех его литературных трудов заняло бы много места и времени читателя, поэтому ограничусь приведенным. К тому же издается много научных работ по химии и металлургии. Под его руководством были изданы монографии, кроме того, он редактировал научные труды своих учеников и других сотрудников ХМИ. Читал лекции на химическом и филологическом факультетах. Руководил дипломными работами студентов этих факультетов, многие из них до сих пор вспоминают Евнея Арстановича добрым словом и благодарны ему.

Раньше я уже говорил, что в это время у Евнея зародилась идея заняться проблемой сжигания угля для получения моторного топлива. Он нашел активного сторонника в лице академика Союзной академии, доктора химических наук, директора Института физической химии АН СССР, Героя Социалистического Труда Виктора Ивановича Спицына. Между ними завязалась интенсивная переписка. На отдельных ее моментах я посчитал целесообразным остановиться.

Разбирая архивы брата, однажды наткнулся на письмо, напечатанное на фирменном бланке ордена Трудового Красного Знамени Института

физической Академии Наук СССР, от 26 мая 1981 года. Для наглядности считаю уместным привести текст полностью:

«Глубокоуважаемый, дорогой Еке!

Я получил Ваше письмо с некоторым запозданием, так как был в командировке на совещании в Риге. Основная Ваша идея - применять для гидрогенизации угля связанный водород - мне нравится. Я советую Вам сосредоточить сейчас свое внимание на процессе гидрогенизации угля и характеристике получаемых жидких продуктов. Вероятно, нужно добиваться максимальной гидрогенизации угля.

В определении состава получаемых жидких углеводородов мы можем помочь. Наш масс-спектрометр определяет состав летучих жидкостей по массам - за 5 минут. Накопите 10 проб и пришлите нам. Советую выбрать один из восстановителей, например - ферросилиций, и с ним уточнить условия гидрогенизации. Есть еще одна возможность: применить в качестве восстановителя металлические окатыши железа. Они содержат 90-95% железа и получают при прямом восстановлении руд Курской Магнитной аномалии. Если у Вас нет такого материала, могу Вам выслать.

В своем описании Вы не пишете, сколько вводите воды в шихту. Или она имеется в виде влажности угля? В случае ферросилиция сырьем для получения водорода должны являться оба компонента.

Напишите, какой у Вас автоклав? Мы имеем также опыт работы с автоклавами (при изучении коррозии).

Пишите о результатах. Я буду в Москве до 15-20 июля, потом поеду в санаторий.

Всего Вам доброго и желаю успехов! Привет и наилучшие пожелания Зубайре Дюсеновне!

Екатерина Алексеевна также шлет Вам свой привет. Ваш Вике».

Размышляя над этим письмом, я понял, что оно адресовано моему брату, т.е. Еке это Евней, а кто такой Вике? Из содержания письма легко догадаться, что написано оно очень компетентным ученым в области химии и высоко эрудированным человеком, кроме того имеющим возможность решать определенный круг административных вопросов. Перебирая в уме круг знакомых коллег Евнея, работающих в Москве в институте физической химии, не припомнил никого из казахов. Пришлось обратиться к одному из учеников брата, Малышеву В.П. - доктору технических наук, профессору, который, увидев письмо, воскликнул, что его написал Виктор Иванович Спицын - доктор химических наук, профессор, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда,

директор Института физической химии АН СССР. Таким образом, мои предположения подтвердились.

Виталий Павлович, коротко рассказав, что ему было известно об авторе письма, достал из сейфа серую папку и подал мне. Это была переписка Евнея с Виктором Ивановичем.

Она касалась многих тем научно-исследовательской работы, в основном в области химии.

В последний период, начиная с 1978-1979 годов, шла интенсивная переписка на тему ожигения угля, т.е. по проблеме получения искусственной нефти из каменного угля. В письмах нередко можно встретить и многие другие темы, в том числе житейские. Между учеными завязалась дружба. Если в начальный период переписка шла по строго официально-канцелярской форме, то позже, как видно из последних строк приведенного письма, она обрела уважительно-дружеский тон. В одном из своих писем Евней делится со своим Вике (так обращался он к В.И.Спицину) сокровенными планами на ближайшее будущее как в науке, так и в литературе. Прочитирую отдельные места из некоторых писем:

«Глубокоуважаемый, дорогой Вике! Мне было радостно слышать Ваш голос, и я постоянно нахожусь под впечатлением Вашего умения не забывать работу и дела даже в воскресные дни, когда бездельники ждут этого воскресенья, будто они всю неделю горы ворочали, камни вверх таскали и, уж в крайнем случае, сено косили...»

Далее в этом письме брат с огорчением сообщает, что дела по углехимии - ожигению угля - складываются не так, как хотелось. Приводит причины и выражает сожаление, что нет Сатпаева, который в свое время много говорил об углехимических исследованиях и ставил целью открыть академический институт по проблемам химического использования углей. Признается, что тогда, по молодости и неразумию, не обращал внимания на эту пророческую озабоченность нашего первого и пока последнего национального академика...

«Без Вас, даже точнее говоря, без Вашей опеки мне здесь не обойтись. Если такая опека с Вашей стороны будет иметь место, то дело наверняка плодотворно развернется, если же не будет, то есть опасность, что захиреет или в лучшем случае будет только тлеть, а сама идея будет растаскана по частям, как это в жизни бывает.

У таких больших людей, как Вы, дорогой Вике, есть свойство втравливать приблизившихся в дело и заражать беспокойством. Вы меня втравили и заразили, так теперь спасайте, имея в виду мое теперешнее положение, когда я могу распорядиться разве лишь собственными кни-

гами... Я совершенно уверен, что игра стоит свеч. Буду ждать Ваших соображений и решений...».

Отвечая на это письмо, восьмидесятилетний академик В.И.Спицын подробнейшим образом излагает свои соображения и рекомендации по проведению исследовательских работ. Вот как он выразил свою поддержку и помощь: «...Караганда стоит на угле, и Вам самой природой положено включиться в проблему оживления угля... Конечно, дела по оживлению угля развернутся не сразу, но времени терять нельзя. Я буду информировать Вас о всех предстоящих совещаниях, конференциях и т.п. Придется Вам на них приезжать. С Вашей стороны было бы желательно подобрать двух-трех молодых способных химиков из Химико-металлургического института АН Казахской ССР или Карагандинского университета, которых можно было бы направить в Москву для стажировки в Институт горючих ископаемых Министерства угольной промышленности СССР... Я постараюсь устроить прикомандирование на 1 год или не менее 6 месяцев...».

Мы всегда будем рады сотрудничать с Вами по этой проблеме. Академик В.Спицын».

Это письмо датировано концом 1979 года. Как видно, тон строгий, но теплый.

Отвечая на озабоченность Виктора Ивановича по поводу углехимических проблем, Евней сообщает свою готовность сотрудничать. По всему видно, что молодой химик был подобран и направлен на стажировку, но он не оправдал надежды, ибо Евней в одном из писем сообщает: «Немного по-другому складываются дела по углехимии. К сожалению, скоро сказка сказывается, да нескоро (и не споро!) дело делается... Тот товарищ, который у Вас стажировался, по некоторым обстоятельствам отошел от этих дел, получилось не очень хорошо, но иногда обстоятельства бывают сильнее нас». Далее он с доверием пишет, что теперь за это дело принялся умный, толковый и очень инициативный кандидат химических наук Ермагамбетов Болат. Он находит целесообразным искать свои пути оживления углей...

Б.Ермагамбетов по сей день руководит лабораторией, созданной Евнеем, которая занимается тем же вопросом получения искусственных нефтепродуктов из угля.

Докладывая глубокоуважаемому Виктору Ивановичу об этом направлении работ, Евней пишет: «Словом мы хотим идти, пусть не оригинальным, но своим путем, ибо вести оживление угля тем путем, который разрабатывается в Московском институте горючих ископаемых, - тяжкое дело: например, расход молибденового концентрата, регенера-

ция которого чересчур проблематична...», приводит множество отрицательных сторон этого метода и сообщает: «...Для чего, конечно, нам в дальнейшем нужны будут и автоклавы и многое другое. Об этом тоже скажем.

Очень просил бы Вас, если это возможно, поручить сделать перевод с японской статьи, которую прилагаю».

Переписка касается многих других проблем. Брат мой, докладывая о полученных результатах по той или другой теме, проводимой в лабораториях института, часто спрашивает совета. Спицын, в свою очередь, дает очень обстоятельные советы и рекомендации.

В письмах Евней можно встретить рассуждения о методах обогащения колчеданных руд и полупродуктов цветных металлов, из отходов которых есть возможность извлекать пирит и кремнезем, и описание методов извлечения, использования получаемого осадка для производства высококачественного цемента. В этом письме автор, сообщая о своих делах, затрагивает еще несколько тем. «Но главной темой остается углехимия, т.е. ожигение угля: «Я очень благодарен Вам,-пишет Евней,- что нацеливаете меня на занятие углехимией. Я кое-что прочитал в этой области и почувствовал, что не боги горшки обжигают. Переговорил на месте. Интерес имеется...» Следует полагать, что в это время он уже получил искусственную нефть ожигением угля, что подтверждает: «...Со временем, если найдете возможным выслушать, я доложу Вам данные этой работы для совета и помощи. Есть и мелкие темы, которые вызывают интерес и которые, если ими заниматься, могут перерасти во что-то большее... Но, к сожалению, на все человека, по-видимому, никогда не хватит, приходится «смирять себя, становясь на горло собственной песне».

Вчитываясь в переписку, можно понять, откуда пришла идея ожигения угля. Все началось с того, что Евней вычитал в работах, когда уголь сжижали в лаборатории с целью изучения его структуры. Разбирая теоретически весь этот процесс, Евней приходит к мысли, что весь процесс можно упростить и удешевить. В письме своему Вике о достижениях в этом деле лабораторным способом сообщает, что, пожалуй, неорганическую часть проблемы они могут в основном сделать до выхода из лабораторных и укрупненно-лабораторных условий на месте.

Изучение органической части представляет большие трудности, главным образом, из-за отсутствия оборудования и людей. Он убежден, что к этому делу надо приступать деловито и с размахом.

Волей и настойчивостью этих двух сподвижников науки действительно лабораторные исследования развернулись с размахом. Евней

сумел убедить в перспективности затеянного бюро Карагандинского обкома партии, тогдашнего первого секретаря Коркина А.Г., который оказал существенную помощь. Вопрос был рассмотрен на бюро обкома партии, было принято специальное постановление о строительстве лабораторного корпуса. Работа пошла на лад.

На январь 1984 года было запланировано на заседании ученого совета института физической химии АН СССР рассмотреть предварительные результаты исследований с целью подготовки вопроса на заседании президиума АН СССР для того, чтобы принять практические меры по ускорению ведения работ. С докладом должен был выступить Е.А.Букетов, но этому не суждено было осуществиться в связи со скоропостижной кончиной Евнея.

Когда о случившемся сообщили Виктору Ивановичу по телефону, тот, видимо, растерялся и произнес: «Он же должен был сделать доклад на ученом совете института по ожигению угля 27 января предстоящего года». Эти слова еще раз подтверждают преданность без остатка любимому делу академика В.И.Спицына. То же определение можно дать и Евнею, который за день до кончины писал записку начальнику «Карагандаглавснаба» с просьбой для нужд лаборатории выделить насосы высокого давления.

Работа эта продолжается учениками брата, но, видимо, не такими темпами, какими была начата двумя академиками, которых уже нет в живых.

Осуществилась их мечта, задуманная еще К.И.Сатпаевым. Организован в г.Караганде академический институт по органическому синтезу и углехимии, в состав которого входит и указанная лаборатория. В том же году было организовано Центрально-Казахстанское отделение АН Каз.ССР, Евней вошел в состав бюро. Мы уверены, что дело будет доведено до победного конца, искусственная нефть получена и приоритет будет принадлежать карагандинцам и в конечном документе будут названы имена людей, стоявших у истоков.

Как я упоминал ранее, Евней нередко информировал своего Вике и о делах не химических, о чем свидетельствуют цитаты из его писем: «...К сочинительству у меня интерес, по-видимому, в крови. Нет-нет, да и хочется о чем-то написать. Последние десять лет я урывками занимаюсь биографией академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Почему я занимаюсь именно им? Потому что он наш первый академик, первый признанный всеми, в особенности выдающимися деятелями русской советской науки, ученый-казак. До него был крупнейшей фигурой Чокан Валиханов, но он умер тридцати лет промелькнувшим метеором,

как выразился академик Веселовский. Сатпаев - первый президент нашей Национальной академии. Последнее, конечно, ничего не значит, ибо граф Кирилл Разумовский тоже был президентом императорской академии... Речь идет о Сатпаеве - труженике науки, о Сатпаеве - человеке такого кругозора, который не оставлял его равнодушным ко всему, что делалось в республике, Сатпаеве - эрудите, обладавшем громадной интуицией и тонким чувством нового, умением вникать во все прогрессивное и давать необходимые импульсы. Я проработал под его началом где-то года три-четыре, причем отношение его ко мне к концу его жизни (1964г.) было скорее отрицательным, поскольку, не имея достаточного жизненного опыта, я не умел нейтрализовать всякого рода околонучных людей, наущивших изрядно большому Президенту, особенно напирала на неуважение к старшим. В том я, по видимому, был сам виноват, потому что, как щенок из-за набегавшего чувства самостоятельности, далеко отбегающий от хозяина, вел себя слишком самостоятельно, что было на руку зашпателям. И тем не менее, чем дальше отходит то время, когда работал Сатпаев, тем явственней чувствуется громадность его фигуры. Поистине, большое видится на расстоянии. Это фигура, через которую при умении можно показать всю нашу жизнь, весь наш рост при советском строе, подобно тому, как весь дореволюционный быт нашего народа М.Ауэзов сумел показать через личность Абая. Мало того, Сатпаев - личность, на деяниях которого можно наилучшим образом воспитывать нашу научную молодежь. Высшая культура - это равнодушие, выразился недавно один писатель. Сатпаев был в высшей степени равнодушным и беспокойным человеком. При Ваших внезапных звонках я всегда вспоминаю Сатпаева. Президент Сатпаев, если он находился в Алма-Ате, звонил, интересуясь ходом тех или иных исследований, а если находился в Москве, звонил или вызывал для решения многих вопросов, которые он сам же инсценировал...»

Естественно, такие обстоятельства заставили Евнея не забывать К.Сатпаева, и ему хотелось написать о человеке, который сам горел работой и тормозил всех окружающих, призывая, попукая, поощряя во имя дела.

Работая над задуманной эпопеей, брат написал небольшой очерк (37м.п.стр.) о Сатпаеве - журнальный вариант и опубликовал его. Сам он позже писал дорогому Вике: «...Именно этот журнал осколок вызвал гнев начальствующих, главным образом, потому, что «...не должно быть...». Видимо, его работа над образом Сатпаева - национальной гордостью казахского народа была еще одним поводом попасть в не-

милость тогдашних руководителей республики в дополнение к его «вине» в том, что вовремя не снял свою кандидатуру на пост Президента Академии наук республики.

Но задуманное также не удалось завершить. Из переписки видно, что замыслов, идей, как у В.И.Спицына, так и у Евнея Арстановича Букетова - доктора технических наук, академика республиканской академии, лауреата Государственной премии, члена Союза писателей СССР - было очень много, и эти замыслы были разносторонние, но им не суждено было осуществиться при их жизни.

У казахов исстари заведено при обращении к старшим или к довольно молодым, но почитаемым людям вообще не произносить полного имени. В знак уважения из полного имени преобразовывали ласкательно-краткое, удобное для произношения, вежливое имя, например: Абдрахман - Абеке, Зейнолла - Зеке и т.д. Эту уважительно-вежливую форму обращения казахов принял русский, коренной москвич академик Виктор Иванович Спицын при обращении к моему брату, называя его Еке - сына степей, коренного азиата, довольно молодого казаха; разница в возрасте между ними более 22 лет. Казалось, что между ними общего? Здесь усматривается подлинный интернационализм, преданность общему делу, большое человеческое уважение не только друг другу, но и к нации.

Мне доподлинно неизвестно, когда и где встретились и познакомились эти два сподвижника науки, но помню, что дорогой Вике дважды был в Караганде - в 1978 и 1982 годах, когда проводились Всесоюзные совещания по халькогену и халькогенидам, организованные и проведенные по инициативе и под руководством Евнея.

Дружеские и подлинно интернациональные взаимоотношения, определившиеся в двух словах - Вике и Еке, сохранили они до конца своих жизней.

Приступая к конкретным исследовательским работам по этой теме, Евней подбирает, как упомянуто выше, несколько специалистов-химиков и направляет их в Москву на специализацию, они вскоре оставили эту работу. Из них остался один кандидат химических наук, ныне доктор наук Болат Ермагамбетов, который эту тему сделал делом всей жизни, издал монографию, защитил докторскую диссертацию. В настоящее время вплотную занимается строительством завода по превращению угля в жидкое топливо, дай Бог ему удачи. Если только практически осуществится этот замысел Евнея Арстановича, то будет ему вечной памятью.

Считаю, нет особой необходимости перечислять все то, что написал за свою непродолжительную жизнь Евней. Часть из написанного издана отдельными книгами, а большая часть подготовлена к изданию. Это - пять книг, художественных произведений, надеюсь они будут изданы, найдут своих читателей и станут достоянием своего народа.

ПОПУЛЯРНОСТЬ И ПАСКВИЛЬ

Из изложенного видно, что очень много писал сам Евней на различные темы в науке, литературе, искусстве и других направлениях, не меньше писали о нем и публиковали в периодической печати при его жизни.

Ему посвящали стихи известные поэты. В 1967 году стихотворение «Химик-Лирик» написал М.Алимбаев. Много статей и очерков писали журналисты, прозаики, поэты, ученые, и все они были похвальные. Евней становится популярным в народе, особенно после защиты докторской диссертации и получения Государственной премии СССР. Газета «Правда» 30августа 1971 года публикует статью своего специального корреспондента Г.Петрова - «Академический цех Караганды» о работе химико-металлургического института, возглавляемого Евнеем Арстановичем. Республиканский журнал «Білім және еңбек» помещает большой очерк журналиста Б.Ибраева «О Букетове». Позднее эти два автора выпустили в издательстве «Жалын» книгу под названием «Большая вахта», в которой одна из глав «Норма конфликтности» также посвящена исследовательской работе ХМИ на Балхашском горно-металлургическом комбинате, результатом которой явилось присуждение группе работников Государственной премии СССР, в том числе Евнею.

Итак, периодически появлялись подобные статьи и очерки, особенно перед и в дни юбилея 50-летия со дня рождения в 1975 году. Известные поэты Какимбек Салыков, Абдильда Тажибаев посвятили Евнею свои стихи, писатель-ученый Зейнолла Кабдолов опубликовал статью «Селен мен өлең»; писатель Сергей Никитин опубликовал в газете «Правда» очерк «Простор»; журналист, корреспондент АПН И.Моляр, в Вестнике агентства печати новости поместил статью «Сплав ученого и поэта». Несколько раз выступил со статьями и очерками писатель Жаик Бектуров. Нередко организаторами бывали редакции газет и журналов. Не отставали радио и телевидение, приглашая выступить и самого Евнея. Так продолжалось до середины 1979 года, пока в рес-

публиканской молодежной газете «Ленинская смена» 19 мая 1979 года не появился пасквиль под заглавием «В соавторстве... с Хлестаковым» Ю.Рощина - кандидата исторических наук.

Пришло время более подробнее остановиться на этой теме. Эта была единственная гласная публикация отрицательного характера за всю мою жизнь, не исключая и устные и письменные, анонимные, говорят, бывали, но при проверках не подтверждались. Появление этого фельетона было сенсационным для интеллигенции, особенно ученых и писателей. Многие начинали искать автора и быстро нашли. Настоящее его имя Владислав Владимиров - помощник первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А.Кунаева. Автор, боясь ответственности перед общественностью республики, да и страны, подписался анонимно.

Проведенное мною поверхностное расследование подтвердило это. Первоначально пасквиль был предложен редакции газеты «Казахстанская правда», но тогдашний главный редактор Ф.Михайлов проявил гражданское мужество, отказав в публикации, несмотря на занимаемый пост автора, ведь он курировал всю прессу республики. Главный редактор молодежной газеты Ф.Ф.Игнатов не выдержал напора столь высокопоставленного чиновника руководящего партийного аппарата, кроме того, как выразился сам Федор Федорович, лично не знал героя фельетона и не встречался с ним, а когда встретился и побеседовал, то глубоко сожалел об опрометчивом поступке, но было поздно. Настоящего автора он тоже подтвердил. Последнюю точку в этом вопросе поставила газета «Кооперативные новости», опубликовав в 1992 году на своих страницах небольшую заметку «Это не «Записка». Это донос».

«... Нам кажется, деликатность в таких принципиальных вопросах излишня. Ведь автор этого доноса сделал все, чтобы талантливая поэтесса Тамара Мадзигон молодой ушла из жизни. Молодым умер Голя Тарасов. После гнусного фельетона всем хорошо известного анонима погиб академик Е.Букетов...»

Приводя множество подобных фактов, газета называет имя этого доносчика - Владислав Владимиров.

В конце статьи от редакции: «Как бы хотелось, чтобы В.Владимиров подал на «КН» в суд за клевету. Мы готовы отчислить любую сумму за экспертизу авторства доноса. Мы готовы выслушать показания множества свидетелей.

Замечательный должен бы получиться процесс. Процесс над теми, кто пока ушел от заслуженного ответа».

Но доносчик в суд не подал. Замолчал. Перефразируя известную русскую поговорку, получается: «Молчание знак признания». Пасквиль безусловно был написан по злему умыслу, но по инициативе автора или же по поручению сверху партийным руководством - остается загадкой. Все же я склонен ко второму.

Подтверждением тому является интервью академика Ш. Есенова, опубликованное в журнале «Зерде» (1989 г. №1).

Появление этого незаслуженного пасквиля казахстанцы поняли как расправу и поняли, что Букетову осталось недолго работать на посту ректора второго в республике университета.

Незамедлительно были организованы всевозможные проверки, ревизии учебного процесса, финансово-хозяйственной деятельности и т.д. К концу того же года его вынудили написать заявление об уходе по состоянию здоровья, так как проверяющие не нашли серьезных просчетов в его деятельности и снять его не могли, хотя для этого документы готовились. Причиной всего этого было то, что Кунаевы и многочисленное окружение в лице Букетова увидели серьезного претендента на пост Президента республиканской академии наук, на который он никогда не претендовал. Люди, устроившие гонения, пользовались слухами, когда встал вопрос о кандидатуре на пост Президента. Ведь каждый высказывает свои соображения. Тогда одной из вероятных кандидатур был мой брат, к тому же, наверное, наущничали и доносчики. Помню моменты, когда Евнея поздравляли, звонили из разных регионов республики. Это надо понимать, были подхалимы, заранее готовившие себе почву. А Евней по простоте своей души мог и поверить, хотя нам ничего об этом не говорил.

ТЕРНИИ

Когда стало известно об уходе Букетова из университета, нашлись люди во главе с руководителями отделов университета и химико-металлургического института, которые сочинили письмо-обращение к первому секретарю обкома партии т. Коркину А.Г. Они просили защитить, отстоять ректора от несправедливого гонения, но их сам Евней остановил: «Туда ходить нечего, команда поступила из Алма-Аты от первого, все ваши затеи бесполезны».

Попрощавшись с сотрудниками университета, попросив их не забывать, Евней добавил: «Может быть, все к лучшему? Наконец, я смогу сесть за лабораторный стол и вести исследования по более экономичному превращению низкосортного казахстанского угля в моторное топливо и извлекать из него нужное сырье для народного хозяйства. Смогу сесть за книги, чтобы окончить их».

Имя его долгие годы было в забвении. О происходящем Евней нас не уведомлял, чтобы не расстраивать.

В один из первых дней 1980 года он позвонил и попросил меня зайти к нему. Встретил улыбающимся и сказал: «Можешь поздравить безработного академика». Я опешил. Выяснилось то, о чем я написал выше. Просьба его была с радостью и незамедлительно удовлетворена. Считаю, что он поступил в этот момент мужественно, так как в тот период круговой поруки все равно ему не дали бы нормально работать.

Евней вернулся в родной химико-металлургический институт и был зачислен на скромную должность старшего научного сотрудника, ибо другую должность не смогли предложить: был строгий запрет сверху. Но он особенно не унывал, окунулся в работу. В научном плане главной его темой стала проблема получения жидкого топлива и химического сырья из углей бассейна. Для этого требовалась довольно мощно оснащенная лаборатория. А где ее разместить, тем более, что лучше всего было бы отдельно стоящее здание. Чтобы не быть голословным, он в имеющейся лаборатории примитивным способом получает из угля нефть, которую превращает в горючее, и, разлив ее в пробирки-флакончики, демонстрирует соответствующим компетентным людям, которые могли бы оказать содействие в осуществлении задуманного - строительстве лабораторного корпуса.

Едет в Алма-Ату, докладывает на заседании Совета отделения химических наук, получает одобрение. Позже на заседании бюро Карагандинского обкома партии тоже получил одобрение и большую поддержку. Решено было срочно начать строительство лабораторного

корпуса. В течение нескольких месяцев он был построен, смонтировали и оборудовали все экстренно, не доставало только насосов высокого давления и кое-чего по мелочи. По-детски радовался Евней этому событию. Однажды повел меня в будущую лабораторию и объяснил популярно, что к чему. Мне показалось, что это здание стоимостью в 40 тыс. рублей, в исчислении того времени, будет для него самым теплым, просторным и уютным по сравнению со всеми предыдущими, где приходилось работать. Мечтательно добавлял: «В дальнейшем будет построен второй этаж и будет создана настоящая крупная углехимическая лаборатория». Но этим мечтам не суждено было сбыться. А маленькая лаборатория все же работает.

Наступил тяжелейший период в его жизни. Многие, если не все его окружавшие, отвернулись, создался вакуум. Он оказался почти один в отведенном ему маленьком кабинете, за маленьким столом, со своими бумагами, формулами, расчетами. Лишь немногие, имевшие гражданское мужество, сохранили уважение и любовь к нему. Среди них был Олжас Сулейменов, который, несмотря ни на какие обстоятельства, посетил его, тем самым морально поддержал. Но ученики его не оставляли. Безусловно, тяжело было ему работать в такой обстановке, ему, человеку, привыкшему работать масштабно, с размахом. Спасением для него были три его верных спутника: терпение, труд и упорство. Дома принимал редких посетителей, занимался своими детьми, на работе консультировал своих аспирантов и многочисленных научных сотрудников. Так протекало его время. Он особо не переживал. Но трудным для него было то, что ни одно периодическое издание не публиковало его сочинения, а издательства вернули книги, подготовленные в производство. Это было тяжелейшим ударом для него. Его лишили общения с массовым читателем как литературных, так и научных трудов. Но он не унывал. Иногда мы за ним замечали задумчивость, а однажды Евней произнес: «Не век же жить Аблайхану, придет время, и над ним прояснится небо». Однажды в минуту таких раздумий он высказал вслух: «Можно было бы поехать в ЦК на прием к Кунаеву, объясниться. Но ведь я абсолютно ничего плохого не сделал ни одному из Кунаевых, о чем же буду говорить?». Такая обстановка продолжалась, а он с присущей ему энергией упорно работал и в науке, и в литературе.

В первую очередь он пересмотрел и переработал автобиографическую повесть, назвав ее «Шесть писем другу». Повесть дополнена рассказами об учителях и учениках, ставших его коллегами в решении множества научных проблем, воспоминаниями о становлении научно-

го коллектива ХМИ, основного центра академической науки в Центральном Казахстане, на базе которого организовано Центрально-Казахстанское отделение НАН РК Казахстана. Повесть написана на казахском и русском языках. На русском языке издана отдельным тиражом в 1989 году издательством «Жалын». В ней правдиво изображены картины жизни ученого. Она имеет оригинальную композицию, а своеобразный жанр располагает читателя к душевному разговору. Глубина мыслей заставляет читателя не просто следить за фабулой, а сопереживать, вдумываться в прочитанное. Сложная структура предложений, облеченная в образный и живой язык, как бы дает возможность разогнаться. Действия, разворачивающиеся, на первый взгляд, медленно, постепенно захватывают читателя своей динамикой. Таково движение жизни: детство, когда каждый год тянется неумолимо долго, юность, годы которой незабываемы и проносятся все более стремительно, и взросление - жизнь на полной скорости. Повесть заставляет читателя задуматься: все ли свои умственные и физические возможности я использовал, чем могу быть еще полезен людям? Положительно откликнулись читатели. Было опубликовано несколько откликов, рецензий, в т.ч. Т.Савченко - кандидата филологических наук, доцента, зав.кафедрой русской и зарубежной литературы Карагандинского государственного университета, К.Муканова - зам. начальника Северо-Казахстанского облуправления народного образования и др.

Давно Евнеем было задумано изложить свои мысли о двух великих сынах казахского народа - Чокане Валиханове и Каныше Сатпаеве. Ранее небольшие по объему части увидели свет на страницах журнала «Простор»; это были материалы к 150-летию Ч. Валиханова и к 80-летию К. Сатпаева.

Переработав небольшой очерк о Ч. Валиханове, Евней превращает его в довольно большое эссе, предлагает редакции Московского ежегодного альманаха «Пути в незнаемое», который с удовольствием принял его к публикации. Эссе было опубликовано в 18-ом номере сборника в 1985 году. Самому Евнею предложили стать членом редакционной коллегии этого сборника: безусловно, предложение он принял и стал его членом.

Второе большое повествование о первом Президенте АН Казахской ССР К.И.Сатпаеве тоже начал перерабатывать и дополнять. Однако работа осталась незаконченной.

Последним прижизненным изданием была небольшая книжка «Моя любовь», куда вошли переводы стихов и поэмы «Анна Снегина» Сергея Есенина (1978 г.). В предисловии к ней академик АН Казахской

СССР М.Каратаев обращает внимание на то, как удачно передаются на казахский язык лирико-эпический сюжет и смысловые особенности поэмы. Даже собственную характеристику С. Есенина «Российский скандальный поэт» переводчик дает с большим пониманием и тактом.

В эти годы Евней переводит на казахский язык две трагедии В.Шекспира - «Макбет» и «Юлий Цезарь». Премьеру «Макбета» переводчик видел на сценах Карагандинского, Чимкентского и Кустанайского областных казахских драматических театров. Премьера «Юлия Цезаря» была назначена на 22 декабря 1983 года, но ему не суждено было присутствовать на ней.

Летом последнего года своей жизни Евней писал рассказ на казахском языке - «Подозрительный червяк» (күдік құрт), который смог опубликовать в газете «Орталық Қазақстан» в двух номерах - за 24 и 25 сентября 1983 года, под псевдонимом Кабикен Арстанов. Это было выходом из тупика, ибо существовал полный негласный запрет на появление его сочинений. Это была последняя прижизненная публикация.

ТВОРЧЕСКАЯ КУХНЯ

В 1971 году Евней был принят членом Союза писателей СССР по рекомендации областной писательской организации. Вскоре после появления пасквильной статьи в молодежной газете «В соавторстве... с Хлестаковым» состоялась встреча в университете, на которой присутствовали не только студенты. Мне хочется вернуться к этой встрече, к тем вопросам, которые там были заданы, к ответам Евнея.

- Как Вы стали писателем?

- Судьба, рок? Не будем использовать этих понятий. Я, как и всякий много читающий человек, в детстве пытался писать, переводить. В мои школьные годы был организован юбилей А.С.Пушкина, который оставил в моей памяти неизгладимый след. Мне удалось достать огромного формата его юбилейный однотомник. Ясно, что после я стал грешить стихами.

- Жалеете ли Вы, что стали химиком-металлургом, ученым?

- Нет! Эта работа творческая, она позволила мне изнутри познать жизнь производства и, пожалуй, одну - из массовых специальностей - специальность современного ученого. Но первая любовь - любовь к поэзии, литературе остается. В «Гранях творчества» я рассказал о далеком и близком мне учителе. Во «Времени светлой судьбы» уже на-

шли воплощение мысли о развитии современной науки, о путях развития моего народа.

- В чем особенности Вашей творческой кухни?

- Не знаю, есть ли они. Прежде в том, чтобы держать себя в узде. Ежедневно с 6.00 до 8.00 - полных два часа работы. Я считаю это время наиболее плодотворным. Испысываю много, но окончательного текста - не более одной страницы.

- И это все Ваше время, которое отдано литературной деятельности?

- Конечно, нет. Во время прогулок или поездок появляется время на обдумывание. Это может быть рассказ попутчика, который предстоит записать, или разговор, беседа на тему, которая должна быть освещена. Если пишешь, нельзя не читать как современников, так и классиков. Перечитываю Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского и других.

- Считаете ли Вы себя дилетантом? Как вы относитесь к дилетантизму?

- Дилетантизм! Слово-то какое. А кого мы готовы окрестить им? Неужто это А.П.Чехов - врач по профессии и писатель по влечению, Л.Н.Толстой - недоучка в понимании ретивых блюстителей, или А.М.Горький - это учитель писателей окончил только университет жизни. И кого же из них назовем «дилетантом»? Вы читали прекрасные мемуары маршала Жукова? Это мемуары, слава Богу, что он не написал «Войну и мир» 1941-1945 годов, а ведь он организовал и провел не одно Бородинское сражение, материала у него больше, чем у Л.Н.Толстого. И спасибо Жукову за мемуары. Хотя и художественное произведение он, наверное, написал бы талантливо, как безусловно талантливый человек. Но тогда его тоже отнесли бы к разряду «дилетантов». Я не получил специального филологического образования, но как писатель, как переводчик дилетантом себя не считаю. Уверен, что образованных бесплодностей намного больше, чем плодovitых и вполне профессионально работающих людей без образования, по избранной специальности. Последние делают заметный вклад в науку, литературу. Это и С.Есенин - «зрелознающий работу» - по собственному его заявлению, которого долго считали дилетантом. А В.В.Маяковского и до сих пор считают таковым.

Вот такие слова были сказаны Евнеем своим коллегам-филологам КарГУ. Наверное, не случайно на кафедре русской и зарубежной литературы висит его портрет. Он всегда с большой симпатией относился к филологам, нередко к ним обращался за советом и помощью - к Б.А. Байтанаеву, М.К. Смагулову, С.А. Матяш, А.Н. Тэн, Е.П. Цой, Т.Т. Савченко и другим.

Евней никогда не брался переводить стихи А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Он понимал, что, как великий Абай, переводить не сможет, а поэтому не стоит начинать. Но в начале декабря 1983 года, за неделю до кончины, он перевел стихотворение А.С.Пушкина «Полководец», которое по моей просьбе опубликовала областная газета «Орталық Қазақстан».

В напряженном упорном труде проходило время. В один из весенних дней 1983 года руководство ХМИ предложило Евнею возглавить лабораторию по черной металлургии. Причиной тому послужил разлад в небольшом коллективе этой лаборатории. Чтобы каким-то образом помогать своим ученикам, он дал согласие на эту должность и стал исполнять обязанности заведующего лабораторией до конца своей оставшейся жизни.

Мы с ним чаще, чем с другими братьями, общались по телефону ежедневно. У него был заведен такой порядок: знал, что я на работу прихожу к 8.00 часам, и он между 8.00 и 9.00 обязательно звонил и осведомлялся о моем здоровье, о семье, о новостях и т.д. И в этот день в моем кабинете раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, это была Зуке - жена брата. Она сообщила эту страшную весть. На поверхностный взгляд казалось, что все становится на свои места, стала налаживаться жизнь, несмотря на все тернии, но, как говорят, сердце не камень: 13 декабря 1983 года в 7 часов 40 минут на 59 году жизни оно остановилось. Он, как обычно, утром встал, умылся, оделся и вышел на прогулку со своим неизменным спутником-овчаркой «Рик». Ему лечащие врачи отвели асфальтированную тропу за забором внутри двора, примерная протяженность 80-100 метров. Прохаживаясь от забора к забору, он встретил соседского парня-студента, весело поговорил с ним и проводил с добрым напутствием, потом встретил старшего брата этого студента и тоже поговорил с ним. Это были последние люди, видевшие Евнея живым. Он не дошел до входной двери своей квартиры всего лишь два с половиной метра.

По проведению похорон облисполкомом была образована комиссия, которую возглавил зам. председателя облисполкома О. Шакиров, безусловно, с одобрения обкома партии.

Проводить Евнею в последний путь приехало очень много народу. Хорошо были организованы их встреча и размещение на ночлег. Всего необходимого было в достатке. Четко работала комиссия. Единственным недостатком, на наш взгляд, было то, что прощальную панихиду организовали в небольшом зале Химико-металлургического института, а горожане ждали, что эта процедура будет проведена в одном из цен-

тральных залов города, в здании Дворца горняков или же в театре драмы. Но этого не разрешили местные власти, боясь гнева верхних эшелонов властей республики.

Похоронили Евнея на смешанном городском кладбище 15 декабря в 14 часов по полудни 1983 года, дорогое тело моего любимого брата предали земле. Пачками в течение недели почта приносила телеграммы соболезнования. Некрологи были во многих газетах и журналах республики и в изданиях Союза. После похорон Евнея я почувствовал, что, даже, имея семью, других братьев и родственников, уважающих тебя, можно быть одиноким. Мне вспомнился наш Ибрай-ага. Они жили по соседству со своим младшим братом Маутаем. Если по каким-либо причинам Маутай-ага не мог присутствовать у него на ужине или на обеде, он самый лучший кусок просил отложить и отнести к брату домой. Так и мы прожили с Евнеем дружно, деля все свои радости и беды пополам.

Наступили очень тяжелые дни одиночества, не с кем посоветоваться, некому сказать о каких-нибудь своих невзгодах или радостях, которые случились на работе. В общем, я стал скрытный. Но жить, работать надо. При жизни Евнея у меня было большое неотступное желание умереть раньше его, чтобы он меня хоронил: этому не суждено было осуществиться. Я боялся, что не смогу на должном уровне проводить его в последний путь, а проводили довольно на высоком уровне, почти без моего участия.

В похоронах активное участие принимали его ученики, соратники. Два крупных коллектива, университет и Химико-металлургический институт, руководимые З.М.Мулдахметовым и Ж.Н.Абишевым, сделали много. Летом 1984 года родные, проживающие в Сергеевском районе Северо-Казахстанской области, просили провести поминки для тех, кто не смог принять участие в похоронах. Просьба их была удовлетворена, соблюдая национальный обычай, поминки прошли в родном ауле Баганаты.

После похорон, не откладывая в долгий ящик, я активно занялся сооружением надгробного памятника, достойного его деяниям и имени. Ездил в Алма-Ату, советовался со специалистами, просил помощи. Никто не отказывался, но и энтузиазма не проявлял. Обошел все кладбища Караганды, подходящего образца не нашел. Начались переживания. В один из таких дней мне на работу позвонил известный карагандинский скульптор Юрий Вильгельмович Гуммель, мы с ним познакомились и в какой-то степени подружились при сооружении памятника В.И.Ленина в центре Караганды. Мы встретились. После традицион-

ных вопросов-ответов о житье-бытье, обменявшись новостями в городе, он задал мне прямой вопрос о том, что я думаю о надгробном памятнике брату-академику. Я без утайки рассказал о своих похождениях-мытарствах. А он говорит: «Может быть, мне доверите?» Я ему отвечаю, что если государство доверило грандиозный памятник вождю всех народов, я тем более доверяю. Не буду описывать подробности. Мы с ним работали в тесном контакте. Памятник-надгробие был установлен к годовщине со дня его кончины.

Одновременно я занимался изданием его трудов, публикацией отдельных статей, неопубликованных очерков, а результат был ноль. В издательствах, редакциях принимали хорошо, хвалили брата, благодарили меня за то, что проявляю заботу, обещали помочь, потом наступала тишина. Так продолжалось до 60-летия со дня его рождения, т.е. до 23 марта 1985 года. Перед этой датой в газете «Орталық Қазақстан» появилась подвальная статья доктора исторических наук, профессора Д.А Шаймуханова в соавторстве с историком З.Утемисовым.

Общественность города, в том числе пенсионер союзного значения Н.Д.Ундасынов, обратились в обком партии, к его первому секретарю А.Г.Коркину - просили разрешения провести юбилейные торжества. Разрешение было получено. Торжественное собрание провели опять в том же маленьком зале ХМИ, откуда его отправили в последний путь. В связи с юбилеем в областных газетах опубликовали воспоминания его учеников, к тому времени докторов наук, профессоров Ж.Н.Абишева, В.П.Мальшева, «Ученый, художник, гражданин», еще две небольшие статьи других авторов.

«Являясь учениками Евнея Арстановича, мы занимались множеством различных задач в области химии и металлургии. Особенно бурно развивались исследования по сере, селену, теллуру, мышьяку. Мы делили себя на «мышьячников» и «селенщиков», на «гидриков» и «пириков», химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был один во всех этих лицах». Так отозвались его первые аспиранты и первые докторанты в вышеуказанной статье воспоминаний.

После этого опять наступило молчание на длительное время. Я упорно трудился над приведением в порядок и подготовкой к изданию его литературных трудов, подготовив первые книги с помощью знающих людей, начал ходить с папками по кабинетам, но поддержки не нашел.

Прошел декабрь 1986 года. Сменилось руководство республики, а вместе с ним начались перемены во многих звеньях партийно-

государственного аппарата. Пришло новое время. «Казахстанская правда» 19 июля 1987 года опубликовала довольно обширную статью известного казахстанского писателя А.И.Брагина под заглавием «И все-таки он победил, потому что был интернационалистом в большом и малом». Нетрудно догадаться, о чем идет речь в самой статье. Этой статьей республиканский партийный орган как бы реабилитировал Евнея Арстановича. Главным редактором газеты в это время был тот самый Ф.Ф.Игнатов, который в свое время опубликовал владимировский пасквиль. Статья Брагина как бы открыла дорогу для выступлений многочисленных авторов, желающих публично выступить с воспоминаниями. Одним из них оказался и я. По воле редакции областной газеты «Индустриальная Караганда» 10 января 1988 года появился первый мой очерк-воспоминание о любимом брате. Читатели тепло приняли эту мою работу. Я получил много устных, письменных и телефонных положительных откликов, были просьбы продолжать писать. Идя навстречу их пожеланиям, я и по сей день продолжаю писать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Очень много и довольно часто стали появляться на страницах газет, журналов воспоминания писателей, поэтов, ученых, учеников и соратников Евнея Арстановича. Нередко эти статьи и эссе завершались настойчивым предложением увековечить его память, присвоить его имя отдельным объектам, связанным с его жизнью и деятельностью, а также издать как литературные, так и научные труды. С воспоминанием-эссе выступил на страницах «Правды», «Казахстанской правды», в журнале «Жулдыз» и Семипалатинской и Карагандинской областных газет писатели М.Сарсекеев, Ж.Бектуров, поэты Сырбай Мауленов, Музафар Алимбаев, ученые Ишанбай Каракулов, И.Ф. Худяков из Свердловска, журналисты Павел Новокшонов из Вологды, Валерий Могильницкий, Е. Решеткина из Караганды, многие его ученики и соратники: Б. Байтанаев, А. Баешов, Р. Казова, К. Рустембеков, земляки К. Муканов, Г. Кадралин - из Петропавловска и многие, многие другие. Перечень материалов, к сожалению, с пропусками, приведен в библиографическом указателе «Евней Арстанович Букетов», изданном Карагандинским государственным университетом в 1992 году. Так стало возвращаться его имя народу, которому он отдал себя без остатка.

В каждой из этих статей можно встретить суждения о причинах его ранней скоропостижной смерти, в которой обвиняют верхние эшелоны

республиканской власти. Меня часто спрашивали, подозреваю ли я кого-нибудь. Я открыто написал в своем первом очерке-воспоминании, который опубликовали журнал «Простор» и областная газета «Индустриальная Караганда». Д.А.Кунаев в своих мемуарах «О моем времени» отреагировал на эти выступления. Опровергая факты, изложенные в моей статье, опубликованной в журнале «Простор» №9 за 1988 год, автор мемуаров пишет: «Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Е.Букетову не испытывал. С ним вообще я лично знаком никогда не был и никогда не беседовал. На приеме у меня он никогда не был. Ссылка на мой разговор с Е.Букетовым - это сплошная выдумка автора»... (стр.279). Я написал в своей статье то, что слышал из уст брата.

Что же, у меня нет документальных доказательств, нет телевизионных съемок, протокольных записей. В одном я уверен, что из уст брата никогда, ни слова не слышал неправды.

В Караганде живы еще очевидцы-свидетели, которые присутствовали при личных беседах этих людей - Д.А.Кунаева и Е.А.Букетова, когда Д.Кунаев посещал Карагандинский университет. Сохранилась вырезка-фотография из газеты, где запечатлены Д.А. Кунаев, Н.А. Назарбаев, Е.А. Букетов и другие. Сообщу, что мне стало обидно, когда я увидел, что авторы мемуаров перепутали начальную букву моего имени. Какое пренебрежение.

Затронув вопрос о мемуарах бывшего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А.Кунаева, хотел бы остановиться еще на одном аспекте изложенного в них. Мне кажется, не было особой необходимости подчеркивать, каким путем, по чьей инициативе и по чьему предложению занял кресло Президента республиканской академии его родной брат А.М.Кунаев. Я нисколько не умаляю его достоинств и компетентности, хотя критики в его адрес в свое время было очень много. Ведь всем, кому довелось в то тоталитарное время быть на мало-мальских руководящих постах, известно, каким образом подбирались и расставивались чиновники управления. А подбирались они за плотно закрытыми дверями в тиши кабинетов руководящего партийного аппарата, в зависимости от того, свой или чужой и насколько предан вышестоящему лицу. Потом проводилась беседа также за закрытыми дверями. После этого на подобранную кандидатуру составлялись характеристики, объективки, листки по учету кадров со свежей фотографией. Потом только собирали отзывы-предложения. И в этом случае составлялись списки тех, у кого следовало запрашивать отзывы, те, безусловно, старались писать положительные отзывы, тем более, когда просьбы

приходили из ЦК высшего органа власти, ибо боялись попасть в немилость партийному аппарату. Количество отзывов зависело от того, на какую номенклатурную должность назначали человека, их могло быть от 3 до 10: чем выше должность, тем больше отзывов. Такова была инструкция-установка высшего партийного органа. Следует подчеркнуть, что, боясь попасть впросак, исполнители под строгой секретностью параллельно готовили документы на вторую кандидатуру, т.е. альтернативный вариант, этот документ обычно хранился в сейфе, в большинстве случаев там и оставался в особой папке. Подготовленные документы на основную кандидатуру оформлялись скрупулезно и проходили соответствующие инстанции за закрытыми дверями руководящего партийного аппарата, как отмечено в мемуарах. За всех ученых республики вопрос о главе академии республики решили несколько высокопоставленных чиновников центра. Голосование после такого одобрения носило чисто формальный характер, это можно понять и из текста мемуаров.

О жизни и деятельности Евнея-интернационалиста, как примере служения своему народу, в последние годы написано в очерках, статьях, книгах. Так, например, писатель Сергей Никитин сделал его, переименовав фамилию, главным героем романа «Жар», но закончить книгу ему было не суждено. В одной из своих последних книг Абдильда Тажибаев вспоминает Евнея в его далекие студенческие годы. Писатель Медеу Сарсекеев подготовил книгу к изданию воспоминаний, Музафар Алимбаев, Акселеу Сейдимбеков посвятили ему свои труды. Известный журналист Валерий Могильницкий много сделал для увековечения памяти на газетных страницах, в книгах «На земле Сатпаева», «Созвездие талантов» и «Город в степи». В них Евнею посвящены целые главы.

В 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Эврика» вышла книга А.Сухотина под названием «Ритмы и алгоритмы». Автор повествует о жизни и деятельности многих видных ученых мира, в которых сочетались способности одинаково талантливо заниматься многими отраслями науки, культуры, искусства, писательской деятельностью. В главе «Притча о двух Ломоносовых» он пишет о В.Гётте - поэте и естествоиспытателе, С.Ковалевской - математике и писательнице, Леонардо да Винчи - в ком одинаково гениально сочетались поэт и математик, живописец и астроном, музыкант и ботаник. Он с равным успехом мог конструировать, скажем, парашют или гребной винт и создавать архитектурные группы, работать военным инженером и справляться с обязанностью первого тенора театральных зрелищ во

дворцах миланской знати. Подобного рода таланты были и у американца Р.Буда, бывшего иностранного почетного члена Академии наук СССР. Читатель, верно, догадался, что дальше речь пойдет о М.Ломоносове и А.Бородине, а также о В.Обручеве, у которых уникально сочетались в одном человеке научные и художественные дарования.

Перечислив упомянутых знаменитостей, автор книги Анатолий Константинович Сухотин, заведующий кафедрой Томского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки, профессор далее пишет: «И уже совсем в наши дни проявились дарования Е.Букетова, члена-корреспондента Казахской академии наук, лауреата Государственной премии, крупного специалиста в области химии. Казалось бы, современная наука сполна поглощает ученого, и ему не остается времени ни на что другое. Но Е.Букетов еще и ректор Карагандинского университета. Не у каждого ректора достает сил даже на науки - хватает административных забот. Но Е.Букетов не только большой ученый, но не менее известный писатель, поэт, создавший ряд художественных произведений на родном языке и познакомивший соотечественников со многими жемчужинами русской и западной классики. Его переводы стихов В.Маяковского, поэмы С.Есенина «Анна Снегина», рассказов Э.Золя и других творений мирового искусства хорошо приняты в республике».

Стоит напомнить размышления Н.А.Назарбаева о партийном товариществе. Будучи первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, в «Правде» от 23 февраля 1990 года он писал: «...Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каньыша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди - наша национальная гордость - долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбежной вины возвращаем народу имена репрессированных, обогланных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...»

Безусловно, эти высказывания первого руководителя республики Нурсултана Абишевича оказали неоценимую помощь в деле возвращения доброго имени моего брата и восстановлении его памяти в народе.

Перечислять все, что посвящено Евнею, потребуется много места и времени у читателя: у меня хранятся две довольно объемные папки воспоминаний современников, многие из них не публиковались, надеюсь, придут добрые времена, когда они увидят свет отдельным изданием, и книги придут к читателям.

ШКОЛА И НАСЛЕДИЕ

«...Я не знаю, что будет после меня, но если хоть одно зерно, посеянное мной, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком». Такую фразу оставил он в одном из своих сочинений. Можно ли считать его счастливым человеком? Он оставил 9 монографий, 14 монографий его учеников и соратников вышли под его редакцией, в соавторстве со своими учениками и лично им написаны учебные пособия, научные статьи и тезисы в количестве 242, получено около 100 авторских свидетельств СССР, на отдельные изобретения и открытия есть патенты крупнейших, развитых в промышленном отношении иностранных государств - США, Франции, Англии, Канады, Австралии, Италии, Германии и Японии. Большинство научных изобретений и открытий внедрено в производство с немалым экономическим эффектом, многие из них актуальны по сей день.

Евней Арстанович, как отмечалось выше, был не только крупным ученым в области химии и металлургии, но и писателем, литературным критиком, прекрасным переводчиком, публицистом и поэтом, общественным деятелем, педагогом и воспитателем молодежи. Его литературное наследие составляет пять томов, из них издана только одна книга. Он написал более 50 произведений на различные темы, около 20 художественных переводов, среди них есть еще не опубликованные. Так, например, недавно обнаружен в архиве большой очерк «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике» - об истории и проблемах получения моторного топлива и исследованиях угля.

Евней Арстанович - ученик академика Академии наук Казахской ССР Виктора Дмитриевича Пономарева, известного ученого в области физико-химии и технологии неорганических веществ. Однако по объему и широте исследования, разнообразно использованных методов, их современному уровню, по количеству учеников и по их научным достижениям Евней создал свою научную школу, известную не только в Казахстане и в бывшем СССР, но и далеко за их пределами. Об этом многократно говорилось в дни юбилеев - 50-летия и особенно 60-летия.

Сегодня в музее Е.А.Букетова красочно оформленный список 61 кандидата наук, считающих себя выходцами из школы Букетова, любезно представленный администрацией Химико-металлургического института НАН Республики Казахстан, 52 кандидата наук являются непосредственными его учениками, подготовившими и защитившими диссертации под его руководством, остальные 9 начали работать, но не успели защититься при его жизни, а защитились позже. Многие из них

разъехались по разным городам бывшего Союза и республики, живут и трудятся в науке и на производстве, большинство продолжают плодотворно работать в родном ХМИ, в университете, носящем его имя. Заведуют кафедрами на химическом факультете кандидаты наук М.Жамбеков, К.Рустембеков, д.х.н. Г.Макаров, доцентами работают Ж.Егимбаев, Н.Гафуров, Ш.Насипкалиева и др.

Из числа кандидатов наук, вышедших из букетовской школы, 16 человек стали докторами и крупными специалистами и организаторами науки. Это такие известные ученые-химики и металлурги, как академик НАН Республики Казахстан, заслуженный деятель науки, ныне председатель Центрально-Казахстанского отделения НАН З.М.Мулдахметов, много сделавший для претворения в жизнь идей своего учителя, а также для увековечения его памяти; член-корреспондент Ж.Н.Абишев, многие годы возглавлявший Химико-металлургический институт, ныне живет и работает в Алматы, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК Е.И.Пономарева, доктор технических наук, профессор В.П.Малышев - директор ХМИ, М.З.Угорец последние годы работал зав. кафедрой в университете, ныне живет в Израиле. Многие ученики стали докторами наук после его смерти. К ним относятся Н.С.Бектурганов, работающий заместителем главы областной администрации, С.М.Исабаев - зам.директора ХМИ, А.А.Жарменов, В.Г.Шкодин, М.И.Вакеев, А.Баешев, Б.К.Касенов, Г.В.Макаров, К.Аяпбергенов, Т.Габдуллин, М.Н.Казов и Б.Ермагамбетов.

Подводя итоги, хочу подчеркнуть, что он не менее талантливо решал вопросы строительства объектов, где работал. Один из его друзей сказал: «Судьба Евнея - рок!» И привел следующие примеры: работая проректором Казахского горно-металлургического института, Евней принимал активное участие в строительстве нового комплекса института. Когда ввели первую очередь в эксплуатацию, Евнея перевели в Караганду. В новом здании ему не пришлось работать ни дня.

Приехав в Караганду, от чертежей и первого кирпича начал возводить Химико-металлургический институт; 31 декабря 1971 года был подписан акт государственной комиссии о приемке первой очереди института в эксплуатацию. В феврале его перевели в университет.

В университете опять начал со строительства комплекса. Много пришлось работать над созданием материальной базы университета. В ноябре 1979 года переселились в новый корпус на Юго-Востоке, а в декабре пришлось уйти из университета.

Вернувшись в Химико-металлургический институт, добился открытия лаборатории по исследованию низкосортных углей Казахстана и сооружения здания для нее, все было экстренно смонтировано и оборудовано, не хватало только одного насоса высокого давления. Радовался Евней этому событию. Но работать ему не пришлось. Ушел навсегда.

Я привел неполный перечень зерен, посеянных моим любимым братом. Дали ли они плоды, считать ли его достигшим своей цели в жизни и считать ли его счастливым человеком - судить вам, дорогие читатели.

В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ

Весной 1953 года я получил письмо от женгей - жены брата Зубайры Дюсеновны, где она приглашала меня в Алма-Ату, советуя получить специальность, а семье обещала помогать. Одного из братьев, Шабдана-забияку, после окончания четвертого класса Евней увез с собой в Алма-Ату. Он до окончания института воспитывался у него, и только женившись, уехал работать по направлению. С мамой оставались еще два брата-школьника, Жартас и Есламбек. Приехав в Алма-Ату, я поступил в техникум и получил специальность строителя-электромонтажника. После окончания техникума в 1957 году меня направили в Караганду, в сентябре того же года Евней поехал за мамой и перевез нашу семью ко мне в Караганду. К этому времени Жартас тоже уже был в Алма-Ате поступил в институт, на геологический факультет, а с мамой жили самый младший брат и осиротевшая двоюродная сестра.

Получили квартиру, стали жить нормально, было все необходимое, естественно, не роскошествовали. Евней каждый месяц высылал из своего заработка триста рублей, которые мама называла пенсией, это стало традицией, ибо еще во время моей учебы мама от Евнея ежемесячно получала такую материальную помощь, а иногда побольше. После переезда брата в Караганду он каждый раз в день зарплату приносил эти деньги маме, нашему семейному кассиру. Он садился возле нее, и у них начиналась душевная беседа с юмором, на что они оба были мастерами. С мамой, как я уже упоминал выше, он разговаривал наравных, но всегда не переходя каких-то только ему видимых границ в отношениях с мамой. У мамы был беспрекословный закон, который мы старались всегда выполнить. Приехав или придя домой, мы всегда рассказывали ей где были, что видели и слышали, представляли пол-

ный устный отчет о сделанном. Это было непростое любопытство, как я сейчас убеждаюсь на собственных детях, это был воспитательный прием, она оценивала таким образом наше поведение, нашу среду общения. Особенно истово выполнял это ее желание Евней. После любой поездки, большой или малой, он обязательно приходил к нам и маме рассказывал подробно о своей поездке, сопровождая остроумными шутками, в это время в маленькой нашей квартире стоял веселый хохот. Мы любили его слушать.

Мама наша умерла в конце мая 1962 года, прожив без мужа ровно двадцать лет. Выполняя ее завещание, мы похоронили ее рядом с отцом, на берегу реки Ишим. На том месте, где родились мы с Евнеем, на том самом бугорке, который всегда притягивал Евнея, где бы ни находился. Хотя бы один раз в год он находил время для того, чтобы съездить туда. Мне тоже посчастливилось не раз бывать в родных местах с ним. Останавливались мы у какого-нибудь почетного аксакала. Собирались родственники, аульчане. После традиционного чая он в сопровождении одного из родственников обходил весь аул. Цель такого обхода была в первую очередь почтить память умерших, поздороваться с аксакалами, сходить на кладбище, отдать дань памяти предкам.

Особенно Евней радовался появлению наших детей. Первой родилась моя дочь, которую наша мама назвала Айсулу - Лунная красавица, второй родилась дочь Евнея. Ее опять же наша мама назвала Аксулу - Светлая красавица. Евней, где бы он ни находился, привозил и приносил одежду, обувь, игрушки обеим одинаково. Дети других братьев тоже не оставались без внимания. Он часто всех их сажал в машину, когда они подросли, ездил с ними, беседовал, советовал, что нужно прочесть, и не забывал спросить, как они исполняют его рекомендации. Если же дети аккуратно выполняли его задание (чаще всего так делал мой младший сын Гайса), он радовался и покатиисто смеялся: «Вот молодец! Из него будет толк». Если же кто-либо из детей не выполнял его заданий, он очень переживал. «Неужели он не будет человеком», - говорил Евней.

Новый год и другие праздники мы обычно встречали дома у Евнея. Дети ставили свои нехитрые концерты, это доставляло Евнею истинное удовольствие. Во главе с Евнеем дети готовили красочно оформленную стенную газету. Одна из этих газет, выпущенная к новому 1977 году, и сейчас экспонируется в музее. «Главным редактором», как мы называли его шутя, был Евней. Шуточные эпиграммы содержали пожелания каждому из нас с неедкой критикой.

Отдыхом для Евнея была работа. В 1962 году, находясь на отдыхе в Сочи, он перевел на казахский язык поэму Сергея Есенина «Анна Снегина» и прислал мне по почте. Первым слушателем поэмы на казахском языке была наша мама. Рукопись выставлена в музее.

Находясь после первого инфаркта на больничной койке в кардиологическом центре, он написал довольно веселый «Рассказ Плетнева Алексея Александровича о том, как он вора поймал». Писал, скрываясь от строгих глаз лечащего персонала. Свободным он считал время, предоставленное на обдумывание того, что заходило в тупик в науке или в его собственных сочинениях. Для этого ему не нужно было создавать каких-то особых условий, он думал постоянно. Даже сидя за столом, разговаривая с нами, он, казалось, где-то в глубинах мозга обдумывал что-то, известное только ему. Труд и труд, начиная с шести часов утра, до глубокой ночи был его основным занятием.

Несмотря на свою иногда какую-то отрешенность, он всегда был очень внимательным к людям, большей частью к совершенно чужим. Вспоминается такой случай. Однажды вечером он по обыкновению позвонил ко мне и попросил зайти к нему. Голос у него был веселый, радостный. Зайдя, я увидел на диване пожилого человека, а рядом женщину, видно, муж с женой. Оба держались стеснительно, я поздоровался. Они стали по казахскому обычаю подробно расспрашивать меня о родных и близких моей семьи. Кто они - вспомнить не могу.

Брат спросил, узнаю ли я их? Я отрицательно покачал головой. Тогда он, смеясь, говорит гостям: «Вот видите, чуть выбился в начальство и родственников стал забывать». Оказались они, действительно, нашими дальними родственниками по маминой линии. Вечером, как обычно, Евней гулял по своему маршруту, и вдруг слышит - за спиной женский голос укоряет мужа: «Надо было взять адрес кого-нибудь из детей тетушки Бальтай». Брат повернулся и узнал своих дальних родственников. У него была исключительная память. Поздоровался и говорит: «Пойдемте, я найду вам ночлег». Только когда пришли к Евнею, они узнали, куда пришли. Евней принял деятельное участие в оправдании их брата, которого привлекли к ответственности, как потом оказалось, по какому-то недоразумению.

Одновременно вспоминается и такой случай. Люсе Тихой, соседской дочери, очень понравилась специальность эпидемиолога. После окончания десятилетки она подала документы в Карагандинский медицинский институт. Но не прошла по конкурсу, не хватило полбалла. После этого она сдавала еще пять раз. И всегда не хватало полбалла или одного балла. Жили они с Евнеем в одном подъезде. Отец ее, рядовой

шахтер, проработавший на одной шахте около сорока лет, мама - счетный работник того же медицинского института. После шестого раза Люся и мама со слезами на глазах шли к дому. Евней оказался во дворе. Увидев их расстроенные лица, он расспросил, в чем дело. Узнав подробности, успокоил их. На следующий день он пошел к ректору медицинского института и попросил поднять архив за пять лет. Оказалось, что действительно Людмила Романовна Тихая шесть раз сдавала экзамены и, ни разу не провалив, не проходила по конкурсу. Тогда Евней спросил своего коллегу: «Кого же мы будем учить, как не преданных избранному делу людей?». Люся Тихая была зачислена. Успешно закончив институт, работает сейчас в Актау, воспитывает сына, которого назвала Женей, думаю, не случайно. Вот такие незаметные, на первый взгляд, житейские эпизоды показывают, как внимательно Евней относился к людям.

Ко мне, несмотря на то, что я был моложе, он относился очень уважительно, заботился о моем здоровье, благополучии семьи. Помогал и морально и материально, особенно в годы моей учебы в институте. Когда мы жили в одном доме по пр.Ленина, 56, я обычно, уходя на работу, разговаривал с Евнеем. Он открывал форточку, расспрашивал о здоровье, спрашивал, как мне отдыхалось. Если же я болел, то проявлял заботу, почти ежедневно навещал меня, доставал нужные лекарства. Однажды по делам службы я пришел к председателю горисполкома, после приветствия он, смеясь, сказал, что ездил по поводу улучшения жилища нашему академику. Но оказалось, что ему нужна не одна, а две квартиры. Евней даже не обратил внимания на предлагаемый особняк, а стал смотреть кругом, не найдется ли поблизости подходящая квартира и для Камзабая.

Я никогда не забываю его отношения ко мне, стараюсь чем-то быть похожим на него, но это не всегда удается, так как иногда хорошо знавшие его меня упрекают, что я Букетов, но не тот.

Мы с ним прожили очень дружно; во всех бытовых, да иногда и в служебных делах я советовался с ним, а его советы почти всегда были деловыми и правильными. До сих пор при решении некоторых проблем я мысленно обращаюсь к нему, предполагая, что бы он посоветовал, но иногда впадаю в раздумья, не слышу его советов. В эти моменты он предстает перед моим взором во всем своем огромном росте, богатырском телосложении, спокойный, с глубокомысленным взглядом. Никогда он не принимал скоропалительных решений. Обдумав возникший вопрос, всегда тихим голосом говорил: «Думаю, если сделать вот так... будет правильным» или «хорошо, я помогу» и т.д. ...

В жизни у Евнея было очень много друзей и приятелей. Он был общительным, быстро сближался с людьми, всегда находил общий язык со всеми, с кем доводилось встречаться. Свободно мог беседовать и с аксакалами, и с юными. С каждым он находил, о чем говорить. А беседовал он с юмором, к месту появлялись цитаты из произведений великих мыслителей или же народные пословицы и поговорки, при необходимости здесь же переводил с одного языка на другой, а импровизированные переводы были точны. Его натура позволяла быстро сдружиться с людьми. Дружил со многими не мимолетно, хотя были и исключения. От некоторых иногда молча отходил и больше о них не вспоминал, особенно, если узнавал о нечестности, корысти и несправедливости.

С Сейльбеком Тлеубаевым, участником Великой Отечественной войны, учившемся на филологическом факультете Казахского педагогического института им.Абая, случайно встретился в 1949 году, и они подружились. Дружба эта сохранилась до конца жизни Евнея; личная дружба с Айдарбеком Кусаиновым, тоже филологом, переросла в дружбу семейную.

В аспирантские годы Евней познакомился с будущими известными учеными-педагогами Е.Ескрегеновым, Х.Нурмагамбетовым - братом известного карагандинского шахтера Героя Социалистического Труда Башира, Т.Жакуповым. Сегодня никого из них нет в живых, все они до конца своих дней сохранили искреннюю человеческую дружбу.

Особо хочется отметить большую дружбу с Алексеем Ивановичем Перевертуном. Они встретились в первый год аспирантуры и были неразлучны до конца жизни Евнея. Говоря несколько преувеличенно, они не могли друг без друга даже дышать. Специалист мог бы написать на эту тему книгу. Вспоминаю не менее крепкую дружбу с Муштаем Батырбековым - историком по образованию, Кажигумаром Куандыковым, будущим театральным критиком, рано ушедшим из жизни, а в то время студентом Московского театрального института.

Друзей и приятелей Евней никогда не делил по национальности или по каким-то другим признакам, все для него были равны, будь то безусый юноша или же белобородый аксакал. Он хорошо дружил с Габитом Мусреповым - народным писателем Казахстана, с Ишанбаем Каракуловым - ученым, медиком, общественным деятелем. Разница в возрасте между ними и Евнеем была более 20 лет. Его друзьями были чабаны Турсун и Габдулла, фамилии их не помню, прокурор Ахмадия. Если с писателем Сергеем Никитиным он познакомился и подружился в последние годы своей жизни, то с И.С.Белетченко и А.Я.Соколовой

дружил со школьных лет. Иван Савельевич живет в г.Петропавловске, а Анна Яковлевна - в Ставрополе, оба кандидаты исторических наук.

Я перечислил только тех, кого задержала память. Перед любыми праздниками, большими и малыми, Евней писал и отправлял по почте более сотни поздравительных открыток и карточек, старался не опоздать и никого не пропустить, не обидеть дальних и близких родственников. У него в папке хранился отпечатанный на машинке довольно обширный список всех, кого нужно поздравить, с указанием имен всех членов семьи, точным почтовым адресом и номером телефона. Этот список в настоящее время экспонируется в музее.

ПАМЯТЬ

Прошло сорок дней после кончины и похорон Евнея. За это время было много посетителей в наших домах, приходили и на работу с выражением соболезнования. В таких случаях, безусловно, начинались традиционные воспоминания об усопшем. На сороковой день по народному обычаю устроили поминки. Пригласили друзей, товарищей, учеников и родственников, по национальному обычаю они разделяли нашу невосполнимую утрату, великое горе. На всех встречах за дастарханом все в один голос вспоминали Евнея только добрым словом. Говорили о его человечности, скромности, эрудированности и образованности во многих направлениях науки и техники, отмечали большой вклад в науку и производство, в литературу, культуру и искусство. Об этом говорили на каждом шагу при любых встречах знавшие его люди любой национальности, выражали сожаление о его ранней смерти. Это еще раз подтверждает его интернациональный дух. Для нас, для семьи он был всего-навсего брат, как другие братья, только и всего. Постепенно я стал убеждаться в том, что наш Евней очень много сделал для народа, для окружающих, для региона, для республики и страны, во многих направлениях науки, культуры и искусства, он был высокочтимым человеком.

Эти убеждения привели меня к тому, что я упорно, целенаправленно начал искать пути увековечения его памяти. С первых же шагов я встречал одобрение и поддержку. Правда, не все шло гладко, немало было негласного сопротивления.

Советуясь со многими его соратниками, людьми, хорошо знавшими его, я и его друзья составили примерный план увековечения его памяти. Большинство из тех пунктов, благодаря новым веяниям времени в

истории нашей республики, сменой руководства, претворилось в жизнь.

А теперь опишу все это подробнее. Первым пунктом в этом наброске плана значилось сооружение достойного надгробия. Пусть будет не в назидание читателю, но хочу вспомнить об этом обстоятельно, ибо мне очень дорого дались эти шаги. Немало было бессонных ночей, и днем не выходили из головы мысли. Я считал своим долгом увековечить Евнея не как брата, а как бескорыстного друга.

Уже шел четвертый месяц после похорон, соорудить задуманное надгробие хотелось к годовщине кончины. Время неумолимо летело. Переживания о бессилии увеличивались, так как хорошо знал причину безмолвия. Всем известно, и выше об этом рассказано, что он последние годы своей жизни был в опале. И вот появляется в моем кабинете «спасательный круг» - Ю.В.Гуммель.

За несколько дней на столе лежали три варианта эскизов, составленных по моим представлениям о том, каким хотел видеть памятник брату. Посоветовавшись с архитектором, остановились на одном. Решили сделать все три варианта в гипсе. Когда гипсовые макеты были готовы, я стал ежедневно посещать мастерскую скульптора на ул. Связи; привез туда Зубайру Дюсеновну, жену брата, которая тоже остановила свой выбор на том варианте, который был одобрен нами, но высказала некоторые замечания. На следующий день попросил собраться в мастерской близких Евнею людей академика А.Сагинова, генерала Б.Бейсенова, профессоров З.М.Мулдахметова, Ж.Н.Абишева и еще несколько человек. Посмотрев, все одобрили выбранный нами вариант. В ход пошла основная работа скульптора - лепка в будущую натуральную величину. Прежде всего надо было выбрать камень-гранит. Желаемого в Караганде не оказалось, пришлось ехать в Алма-Ату. Выбрали на Бурундайском карьере, перевезли на железнодорожной платформе вместе с подобным материалом городского спецкомбината. На душе стало спокойнее, наступила уверенность, что надгробный памятник будет сооружен к сроку. За лето полностью заложили фундамент и другие сооружения. За 2-3 дня до годовщины установили. Участники поминок поехали посмотреть памятник, отдать дань уважения Евнею.

Евней Арстанович изображен сидящим, опершись локтями на книги, их пять, по числу направлений, в которых он занимался - химия, металлургия, проза, литературная критика и поэзия (переводы). Он задумчив, думает думу свою. Стоимость по смете получилась приличной по тем временам. 50% расходов на сооружение были выделены Советом Министров Казахской ССР, подписанным его тогдашним

председателем Назарбаевым Н.А. Не остался в стороне и секретариат Союза писателей Казахстана. Были пожертвования членов коллектива Химико-металлургического института АН Каз.ССР и родственников.

Одновременно, не откладывая в долгий ящик, руководители Центрально-Казахстанского отделения АН Казахской ССР, Карагандинского государственного университета и Химико-металлургического института АН Каз. ССР, члены-корреспонденты академии, профессора З.М.Мулдахметов, Ж.Н.Абишев от имени и при полной поддержке своих коллективов обратились с официальными письмами с предложением по увековечению памяти Евнея Арстановича, где были предусмотрены конкретные предложения руководству Сергеевского и бывшего Целинного районов Северо-Казахстанской области, т.е. на родине, а также горкому партии и горисполкому Караганды и руководству Карагандинской области. Отклика на все эти предложения не было. Позже выяснилось, что из центра республики дали знать, что следует молчать.

Только летом 1987 года пришла оттепель. После появления на страницах «Казахстанской правды» статьи А.Брагина начали решать вопросы об увековечении памяти Евнея Арстановича. В г. Сергеевке одноименного района Северо-Казахстанской области улицу Солнечную переименовали в улицу имени академика Е.А.Букетова. Позже, приехав на родину, мы поспешили на эту улицу, уже были указатели, но улица оказалась очень короткой, состояла всего из полутора десятков домов и домиков. Про себя подумал, что здесь боязнь перед вышестоящими сыграла роль, ибо есть в городе улицы более солидные с ничего не значащими названиями: «Водопроводная», «Овражная», «Высоковольтная» и т. д. Но все же, слава Богу, хоть кусочек будет напоминать о моем любимом брате, уважаемом человеке моих земляков.

Встретившись с тогдашними руководителями района, я высказал свою неудовлетворенность. Иван Григорьевич - председатель райисполкома, объяснил, что их выбор улицы для переименования основывался на том, что эта улица тупиком упирается в главную улицу города, носящую имя В.И.Ленина, на противоположной стороне трехэтажное здание школы, в которую упирается торцом и улица, названная им.Букетова, как бы образуя букву Т. В этом здании - школа, перебазированная из бывшего районного центра с.Марьевки перед его затоплением водами Сергеевского водохранилища, где с 4 по 10 класс учился Евней. В дальнейшем планировали направить ходатайство о присвоении его имени этой школе, сооружении памятника и установку его на

перекрестке, чтобы образовать уголок знаменитого земляка в центре г. Сергеевка. В настоящее время почти так получилось. Постановлением Кабинета Министров Казахской ССР от 31 января 1991 года №177 этой школе присвоено его имя, и она стала называться «Средняя общеобразовательная школа №2 имени академика Е.А.Букетова».

В конце июня 1992 года районная администрация, общественность района, поддержанные областной администрацией, провели торжественные мероприятия по этому случаю. В плане были предусмотрены теоретическая конференция, посвященная жизни и деятельности академика Е.А.Букетова, открытие мемориальной доски у стены школы, носящей его имя, открытие музея Е.Букетова в школе, спортивные мероприятия, где были предусмотрены как древние национальные виды спорта «қазақша күрес», «бөйгі», «қыз қуу» и другие, так и современные. На конференции со вступительным словом выступил и вел его глава районной администрации Т.К.Симанбаев, основным докладчиком был академик З.М.Мулдахметов, выступили с воспоминаниями его одноклассники, сослуживцы по школам, в которых работал в военное лихолетие Евней Арстанович, и земляки П.П.Завьялов, А.К.Мусин, академик НАН Республики Казахстан А.Копанов, писатель Ж.Бектуров, свои стихи, посвященные Евнею Арстановичу, прочитал поэт Е.Зикибаев и др.

При открытии мемориальной доски у школы также выступили О.Ш.Курманалиев - декан химического факультета, доктор химических наук, профессор Г.К.Кулкубаев - доктор медицинских наук, профессор, директор института и многие земляки. Школе были преподнесены подарки от Карагандинского госуниверситета, около 100 учебников для средних школ, был прочитан приказ ректора Карагандинского госуниверситета профессора Ж.С.Акылбаева о шефской помощи и деловых связях со школой. Итак, получился уголок, символизирующий служение народу, грядущему поколению. Участники мероприятий посетили родовое кладбище и отдали дань памяти его родителям. Спортивные мероприятия и выступление художественной самодеятельности были организованы на берегу водохранилища у опушки леса в ауле Баганаты.

В празднике принимали участие делегации почти всех районов Северо-Казахстанской области, близлежащих районов соседней Кокчетауской области. Многочисленную делегацию областного центра города Петропавловска возглавлял первый заместитель главы администрации К.Калиев.

Основные сюжеты проведенных мероприятий запечатлены на видеопленках, запись сделана работниками Карагандинской телестудии журналистом Маратом Дюсембиным и оператором Маратом Сулейменовым, кассета хранится в музее Е.А.Букетова в Караганде. По возвращении из поездки писатель Ж. Бектуров в газете «Орталық Қазақстан» опубликовал большой очерк.

В 1987 году в г. Караганде на фасаде главного корпуса Химико-металлургического института АН Каз. ССР была установлена мемориальная доска с портретным изображением Евнея Арстановича на граните, исполненная скульптором Ю.В.Гуммелем. В 1989 году решением Карагандинского облисполкома одной из улиц в новом микрорайоне города было присвоено его имя. После долгих мытарств увидела свет его автобиографическая повесть «Шесть писем другу».

Этот его труд при жизни был снят с производства и возвращен с коротеньким сопроводительным письмом: «Возвращаем согласно договоренности по телефону. Зав. отделом издательства Степанова». О чем договорились, осталось тайной, которую он унес с собой.

Усилия его друзей и товарищей, в том числе видных общественных деятелей, ученых, писателей, как З. Кабдолов, А. Сейдимеков, М. Сарсекеев, Д. Досжанов и другие, до середины 1987 года были тщетны. С кем бы из руководителей издательств в Алма-Ате ни встречался по этому вопросу, все дружелюбно принимали и также хорошо провожали, при этом вспоминая моего брата, как достойного особого внимания и одобряя мои хождения в целях издания его книг.

В один из весенних дней 1987 года позвонил ученик брата, известный писатель Медеу Сарсекеев из Семипалатинска, с которым я поддерживал связь, и передал привет и просьбу нового директора республиканского издательства «Жалын» Сейдахмета Бердыкулова, который просил привезти или выслать ему, что есть более-менее готовое или же подготовить к изданию что-нибудь из литературного наследия брата.

Правду говоря, я С. Бердыкулова знал только заочно как редактора казахской молодежной газеты «Лениншіл жас» и писателя, пишущего на спортивные и молодежные темы. С одной стороны, мне было очень радостно, что открывается путь к заветной цели - изданию литературного наследия Евнея, за что я серьезно переживал, с другой - удивление, что мало знакомый товарищ сам проявляет заботу. Несмотря на все это, моей радости не было предела. Как мне было не радоваться - ведь за публикацию этого труда в журнале «Простор» он пострадал, был изгнан из университета. Полный текст этой повести был подготовлен к изданию, находился в наборе. Видимо, узнав об этом, высокие

чины того времени вынудили руководство издательства снять книгу с производства, и она была возвращена автору. Другая книга из другого издательства точно так же вернулась в 1981 году.

Получив обе книги, Евней еще раз пересмотрел написанное, внес отдельные коррективы и, закончив переработку в начале 1982 года, положил в дальний ящик своего стола до лучших времен. Сам продолжил работу над книгой о К.И.Сатпаеве. После звонка из Семипалатинска на третий день с одним, притом не первым экземпляром машинописи названной книги, без особой надежды на успех я появился у директора издательства «Жалын».

Немного подождав в приемной, я переступил порог и вошел в кабинет. Из-за стола поднялся полноватый выше среднего роста, спортивного телосложения, средних лет мужчина и направился навстречу, поздоровался обеими руками, приветствуя поклоном, попросил сесть на стул у приставного столика и по обычаю начал расспрашивать обо всех родных и близких, проявляя интерес к семье Евнея. После короткой паузы спросил, что я привез. Я из портфеля извлек голубую, довольно толстую папку, с машинописью и подал ему. Хозяин кабинета, полистав, указал пальцем на чистую внутреннюю сторону обложки и попросил написать разборчиво мои реквизиты: имя, отчество, фамилию, домашний адрес и телефон. На прощание заявил, что труды Евней-ага будут издавать, что он уважаем всеми, кто его знал, снискал это своей человечностью и незаурядным талантом.

Прощался я с ним вроде бы тепло, но в душе оставалось недоверие. Мне было очень стыдно перед этим добрым, чистосердечным человеком за свое недоверие, когда позднее убедился, что книга будет издана. В трудах и заботах летело время незаметно, через каких-то 1,5-2 месяца позвонила из издательства женщина, представилась как Кулимхан Хасенова, редактором рукописи книги Евнея Арстановича «Шесть писем другу», уточнила некоторые вопросы, передала номер своего телефона, осведомилась, есть ли первый экземпляр. Я ответил отрицательно. Все еще мало верил в успех издания. Только когда мне позвонил мой друг со студенческих лет Серекпек Байболов, что разыскивает меня художник-оформитель книги, появился какой-то проблеск надежды, что книга увидит свет и найдет своего читателя. Да, оказалось, спустя одиннадцать лет после первого набора, пять с половиной лет после кончины автора, благодаря усилиям доброго человека С.Бердыкулова, книга увидела свет.

Вот я держу в руках отлично оформленную, отпечатанную на высококачественной бумаге книгу - сигнальный экземпляр, которую привез

из Алма-Аты высокочтимый земляк наш Малик-ага Имашев - почитатель таланта Евнея. Перед глазами промелькнула история издания этой драгоценной для нашей семьи, для учеников, соратников, да и для всех почитателей его таланта, особенно для меня, книги. Есть еще один очередной памятник.

В свое время, когда повесть попала к читателю, республиканская и областные газеты опубликовали несколько рецензий с очень теплыми положительными отзывами, где особо подчеркивалась полезность книги для воспитания подрастающего поколения.

В тематический план 1991 года того же издательства было включено издание этой же книги на казахском языке, семье автора был перечислен причитающийся гонорар, но книга до сих пор не увидела свет, видимо, причиной тому стал уход с этого поста уважаемого С.Бердыкулова. Но мы искренне благодарны ему, коллективу издательства «Жалын», доставившим нам великую радость, увековечившим память брата. Пусть сопутствуют им удача.

Как уже отмечалось выше, появление очерка писателя А.И.Брагина «И все-таки он победил», который открыл дорогу выступлениям со статьями, очерками авторитетных представителей казахстанской интеллигенции народного писателя Сырбая Мауленова, поэта Музафара Алимбаева, известного ученого, общественного деятеля Ишанбая Каракулова, писателей Жаика Бектурова, Медеу Сарсекеева, журналистов Валерия Могильницкого, Бахытжана Тобоякова, Бейбита Сапаралина и многих, многих других деятелей науки, культуры и искусства, а также учеников и соратников, было большим событием. Несколько раз организовывались передачи по республиканскому и областному телевидению, где выступали академики республиканской академии З.Кабдолов, Ш.Есенов, З.Мулдахметов, члены-корреспонденты И.Каракулов, Ж.Абишев и другие почитатели его таланта. Все они однозначно выражали пожелания увековечить его имя, как крупного организатора науки, писателя, переводчика, публициста, внесшего заметный вклад в популяризацию отечественной и западной классики, активного общественного деятеля, присвоив его имя Карагандинскому госуниверситету, где он был первым ректором, школе, которую он окончил, совхозу, где родился, издать собрание сочинений и научных трудов и т.д., создать дом-музей в г. Караганде.

Идя навстречу пожеланиям трудовых коллективов, научной творческой интеллигенции, а также ученого совета Карагандинского госуниверситета, принявшего свое постановление, исполком Карагандинского областного Совета народных депутатов в феврале 1990 года ходатайст-

вовал перед Советом Министров Казахской ССР о присвоении имени академика Букетова Евнея Арстановича Карагандинскому государственному университету. Этот акт нашел поддержку в Президиуме Академии наук Казахской ССР. Однако в правительстве республики этот вопрос рассматривался более года. Благодаря вмешательству бывшего первого секретаря Карагандинского обкома партии В.С.Гаркуши и ректора университета профессора Ж.С.Акылбаева этот вопрос нашел положительное решение: 16 августа 1991 года Карагандинский государственный университет стал именоваться Карагандинским государственным университетом имени Е.А. Букетова, в этом же Постановлении Кабинета Министров Казахской ССР, подписанном бывшим Премьером-Министром У.Карамановым, вторым пунктом поручено Алма-Атинскому горисполкому установить мемориальную доску на доме в г. Алматы по ул. Фурманова, 118, где Евней жил в 1950-1956 г.г., и этот пункт постановления выполнен.

Это постановление Правительства явилось как бы кульминационным моментом в деле практического осуществления первоначальных планов по увековечению памяти Евнея Арстановича. 2 сентября 1991 года во дворце студентов университета собрались профессорско-преподавательский состав, студенты университета и общественность города на торжественное собрание, посвященное этому знаменательному событию. Зал был переполнен.

С информацией выступил ректор университета профессор Ж.С.Акылбаев, воспоминаниями поделились профессора Т. Абдразаков, Р.Клещева и другие, а также главный редактор областной газеты «Орталық Қазақстан», немало сделавший для пропаганды дела Е.А. Букетова Н.Оразбеков, принимала участие и выступила заместитель председателя облисполкома Р.К.Омарбекова. Все горячо поздравили коллектив университета и студенчество с этим знаменательным событием, пожелали успехов, а главное, чтобы были достойны имени академика Е.А. Букетова.

Не нужно, наверное, особых доказательств, что все эти мероприятия осуществлялись благодаря новым веяниям времени. Нам известно, что все вопросы положительно решались при поддержке нашего Президента Н.А.Назарбаева, и мы ему благодарны за справедливость и человечность.

В упомянутом решении Карагандинского облисполкома вторым пунктом поручалось соответствующим компетентным органам создать дом-музей академика Е. Букетова в г. Караганде. Этот пункт решения оставался невыполненным из-за отсутствия подходящего помещения.

Предлагались всевозможные варианты, но по разным причинам к единому мнению не приходили.

Осенью 1991 года Совет Карагандинского университета имени Е.А.Букетова принимает решение отметить 20-летие со дня образования этого учебного заведения. Был разработан комплекс мероприятий по проведению юбилея. Одним из пунктов предусматривалось при университете создать музей академика Е.А.Букетова и истории университета. Была образована комиссия под руководством проректора В.С.Батурина, а музей решили разместить в бывшем зале заседаний ученого совета, в кабинете ректора, приемной и комнате отдыха, дополнительно отдали кабинет одного из проректоров с приемной (в здании математического факультета по ул. Гоголя, 38).

В создании музея приняли участие все факультеты университета во главе с деканами. Музей был открыт 19 июня 1992 года, с этого дня и начал функционировать.

По инициативе ректора университета Ж.С. Акылбаева в том же году был издан библиографический указатель трудов Е.А. Букетова на двух языках с кратким очерком научной, педагогической и общественной деятельности.

Кстати, о музеях. Еще в 1985-1986 годах мне не давал покоя директор Сергеевского районного историко-краеведческого, солидного, очень интересного музея - В.Д. Кузнецов в оказании практической помощи в создании уголка Е. Букетова. Подготовив небольшие стенды с экспонатами, здесь в Караганде, по эскизам самого В.Кузнецова, в марте 1986 года, перед днем рождения Евнея, я появился там, мы с ним в течение трех часов собрали все, что я привез, и установили на всеобщее обозрение. Получился приличный уголок.

В начале 1992 года получил письмо от заведующей отделом литературы и искусства Северо-Казахстанского областного музея изобразительных искусств И.Матвеевой с подобной же просьбой, пришлось изыскать материалы, трижды высылать по почте. В ответ я получил благодарственное письмо.

В дополнение ко всему хочу отметить, что коллектив преподавателей восьмилетней школы во главе с директором К. Курмангалиевым создал также небольшой музей. Таким образом, материалы о жизни и деятельности академика Е.А. Букетова в настоящее время экспонируются в трех городах: Караганде, Петропавловске, Сергеевке и в родном ауле Баганаты.

Восстановление его доброго имени интенсивно продолжалось. На высоком уровне торжественно проведены мероприятия, посвященные юбилейным датам семидесяти и семидесятипятилетия Евнея.

К ним приурочены и изданы его труды в науке «Фундаментальные труды академика Е.А. Букетова» и в литературе «Сокровенное», «Жас Каныш», воспоминания современников «Біртуар» и «Наш Букетов», сборник стихов «Родник Евнея» и др. Все эти труды изданы при спонсорской помощи Всемирного распределительного университета МАИ (г. Астана) - ректор д.т.н., профессор Б.Т. Ермагамбетов, Химико-металлургического института (г. Караганда) - директор к.т.н. Б.Хасен и Институт фитохимии НАН РК (г. Караганда) - директор С.М. Адекенов.

Книги «Сокровенное» и «Жас Каныш» очень высокого качества, изданы издательством «Казахстан» генеральный директор Н. Оразбеков. Финансирование изыскал он же, без посторонней помощи. Для изданий книг воспоминаний современников, спонсорскую помощь оказали также Институт фитохимии НАН РК, директор член-кор. НАН РК, профессор С.М. Адекенов и АО «Карагандаресурсь» генеральный директор М.Ж. Ахмеров, ТОО «Арай» директор С.А. Юсупов.

Недавно издан сборник стихов «Родник Евнея» при помощи директора компьютерного центра КарГУ им. Е.А. Букетова Сагындыкова К.М. и директора института физиологии и гигиены труда МОН РК Г.А. Кулкубаева.

Всем выражаем признательность и благодарность за бескорыстную помощь, особо хочу отметить Нурмухана Оразбекова за то, что он сам проявил инициативу во всем и издал такие замечательные книги, очень высокого качества, и сам же обеспечил их реализацию.

Во исполнение Постановления Правительства РК от 16 августа 1991 года №477 «О присвоении имени академика Академии наук Казахской ССР Е.А. Букетова Карагандинскому университету», пункт 2, Решением Алматинского горакимата в декабре 1999 года установлена мемориальная доска на доме по ул. Фурманова, 118, где он жил в 1950-1956 г.г. в г. Алматы, и Решением Карагандинского горакимата присвоено его имя школе №52 в г. Караганде.

За эти годы его именем названы улицы в городах Караганде и Петропавловске, районных центрах Сергеевке и Темирязеве Северо-Казахстанской области и Коктюбе Павлодарской области.

Таким образом, подводя итоги следует отметить, что его творческое наследие в науке составило по предварительным данным 216 научных трудов, большинство из них опубликованы во многих научных журналах, а также в Вестниках Академии наук СССР и Казахской ССР, а из

них «Фундаментальные труды», как упоминалось выше, издана отдельной книгой.

Литературное наследие, после долгих кропотливых поисков и дополнений на сегодня составило около 70 произведений разных жанров, большинство из которых изданы отдельными книгами и брошюрами, как приводилось выше.

В настоящее время функционируют два музея и три музейных уголка, установлены пять гипсовых бюстов, много портретов в масле, исполненных разными художниками-профессионалами. Установлены четыре мемориальные доски на зданиях, где он жил и работал. Это все претворено в жизнь за последние 12 лет после его кончины. Работы в этом направлении продолжаются, так как в настоящее время исследованиями его творчестве занимаются шесть аспирантов, а мы готовим к переизданию воспоминаний современников в более качественном исполнении.

Он никогда не должен уйти из нашей памяти. Должен жить вместе с новыми поколениями и служить примером в движении к будущему.

Главной целью написать эти воспоминания вынудили меня две причины. Первая причина - после похорон брата народ недоумевал о причинах отстранения его от активной деятельности, освобождения с поста ректора университета, о лишении возможности публиковать свои научные и литературные труды. Ко мне часто обращались с этим вопросом. Для удовлетворения интересов общественности региона, по настойчивой просьбе друзей Евнея и редакции газеты "Индустриальная Караганда", вынужден был взять в руки ручку и бумагу и писать. Первый очерк был положительно принят читателями, просили продолжить, что я и делаю.

Вторая причина родилась в ходе работы над своими воспоминаниями. Пришел к выводу, что отдельные штрихи его жизни известны, только мне из оставшихся в живых родных и родственников. Писал с мыслью, что, может быть, читающая молодежь извлечет что-то полезное для себя. Если же такое случится, то я своей цели достиг. Судите сами.

Ни в коем случае не претендую на полноту изложения всех деяний академика Е.А.Букетова. Здесь нет материалов об официальных сторонах жизни и деятельности, о внешних связях с властями и многими другими родственными институтами и т.д., безусловно это большой объем работы, требующий своего решения.

Отец Арстан

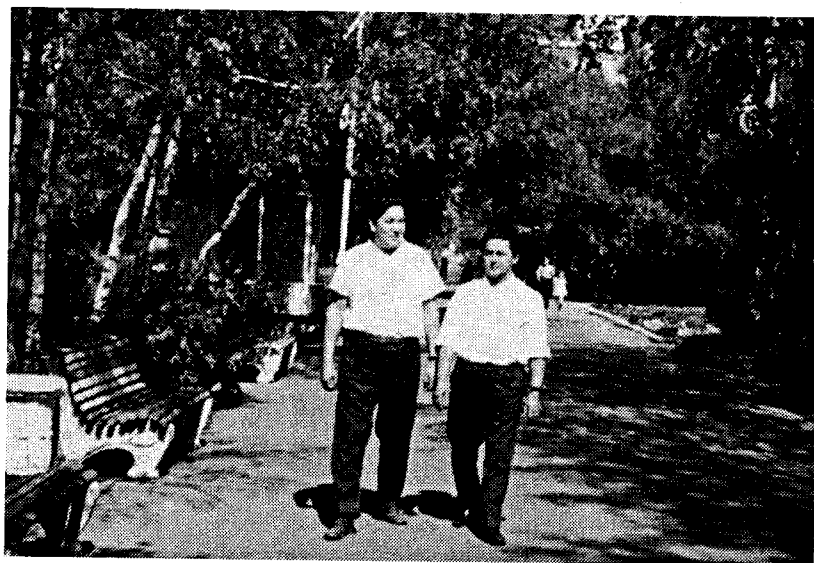
Мама Бальтай.

Евней

Евней -
аспирант Казахского горно-металлургического института.
1952 г.

На прогулке с родственником Газетом Абишевым.

Молодой директор Химико-металлургического института к.т.н. Е.А. Букетов с инженером А.Шокановым (справа) и к.х.н. М.Бакеевым.

Питомцы ХМИ (слева направо) доктора наук Угорец М.З., Фиалков Б.С. - член-корреспондент АН КазССР, Малышев В.П. - академик МАИ, Кагарлицкий Д.А. - заслуженный деятель науки и техники Казахстана, Мулдахметов З.М. - академик АН КазССР, Абишев Д.Н. - член-корреспондент АН КазССР на "приеме" у старшего научного сотрудника ХМИ академика Букетова Е.А., 1982 г.

С Наурызбаевым Х.Н. - скульптором Букетов Е.А. в стенах ХМИ встретился со своими учениками: сидит Казов М.Н., стоят слева направо Мулдахметов З.Н., Исабаев С.М., Байкенов Х.И.

Участник 2-го Всесоюзного совещания по технологии халькогенов и халькогенидов академик АН СССР В.И. Спицын знакомится с первым образцом нефти, извлеченной из карагандинских углей.

На выездной сессии АН КазССР в г. Дзезказгане. Слева Штифанов В.И. - начальник геологической экспедиции, Байконуров О.Б. - директор КазГМИ, Сатпаев К.И. - академик, президент АН КазССР, Гурба В.В. - директор Дзезказганского ГМК, Есенов Ш.Е. - министр геологии КазССР, Букетов Е.А. - директор ХМИ. 1962 г.

Перед зданием бывшего пединститута после открытия Карагандинского госуниверситета и представления первого ректора Букетова Е.А. (второй справа). Март 1972 г.

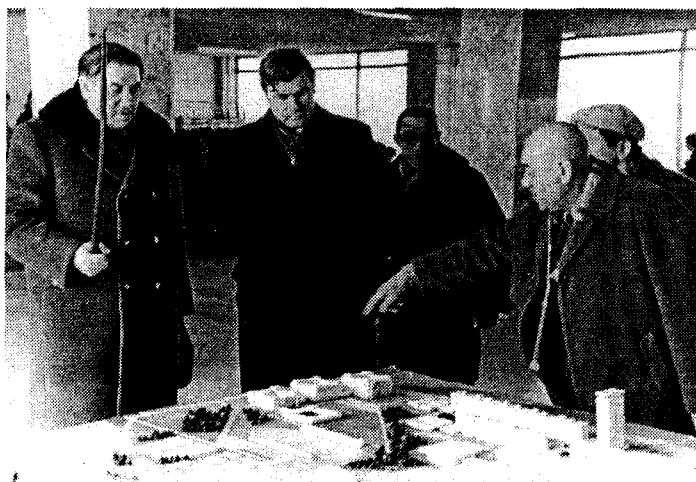
В цехах Казахстанской Магнитки. На переднем плане Акулинцев В.К. - первый секретарь Карагандинского Обкома КП Казахстана, Кунаев Д.А. - первый секретарь ЦК КП Казахстана, Назарбаев Н.А. - второй справа (в кепи), на заднем плане второй слева Букетов Е.А. - директор ХМИ АН КазССР.

Букетов Е.А. - ректор КарГУ, Айманов К. - министр Вузов Каз ССР, Акулинцев В.К. - первый секретарь Карагандинского Обкома КП Казахстана, Досмагамбетов С.К. - председатель Облисполкома, Абдрахимова Д.Е. - секретарь ОК КП Казахстана у парадного подъезда главного корпуса КарГУ после торжественного собрания.

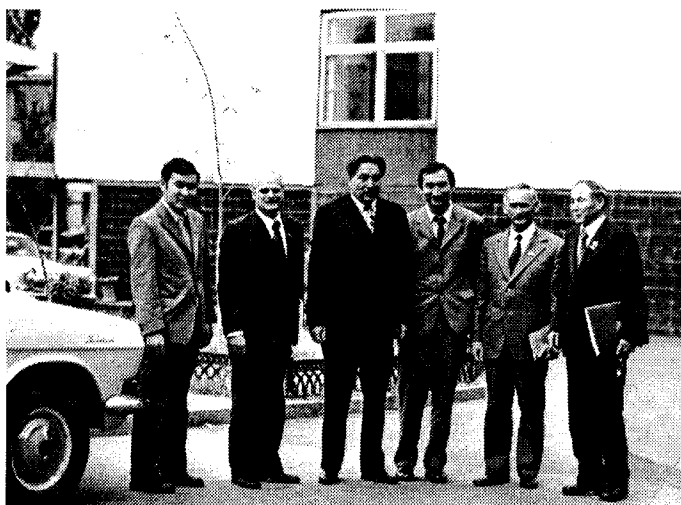
Знакомство с университетом. Слева направо Ракишев А.Р. - ученый - медик, член-корреспондент АН КазССР, Букетов Е.А. - ректор КарГУ, Балахметов К.Б. - министр просвещения КазССР, Сидоров В.К. - зам. министра, Шарманов Т.Ш. - министр здравоохранения КазССР - участники Менделеевского съезда.

Обсуждение генерального плана университетского городка (слева направо) Букетов Е.А. - ректор КарГУ, Устиновский М.М. - первый секретарь Карагандинского ГКПК, Пивень Н.Ф. - проректор КарГУ.

Главный редактор Всесоюзного журнала "Знамя" Вадим Кожевников берет интервью у ректора Е.А. Букетова, в центре секретарь парткома, к.ф.н. М.К. Смагулов. 1974 г.

Участники Менделеевского съезда: (слева направо) Сулейменов С.Т. - академик АН КазССР, Алесковский - член-корреспондент АН СССР, ректор Ленинградского госуниверситета, Букетов Е.А. - академик АН КазССР, ректор КарГУ, Шульц - член-корреспондент АН СССР, Сулейменов - младший. 1975 г.

Выписка

**ДИПЛОМ
ЛАУРЕАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ
СССР**

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
И СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

от 6 ноября 1969 года

ПРИСУЖДЕНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ СССР

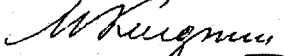
за разработку и внедрение новых прогрессивных технологических процессов по резкому увеличению выплавки меди с применением кислорода и комплексному использованию сырья с получением рениевой продукции и серной кислоты из отходящих газов конвертеров.

Данный диплом выдан

**БУКЕТОВУ
Евгению Арстановичу**

№ 01021

*Председатель Комитета
по Ленинским и Государственным
премиям СССР
в области науки и техники
при Совете Министров СССР*

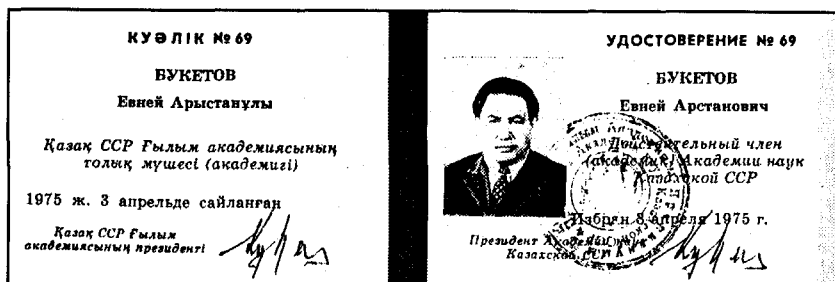

(М. КЕЛЬДИШ)

*Ученый секретарь Комитета
по Ленинским и Государственным
премиям СССР
в области науки и техники
при Совете Министров СССР*

(Н. АРЖАНИКОВ)

МОСКВА

Выписка из диплома Лауреата Госпремии СССР.

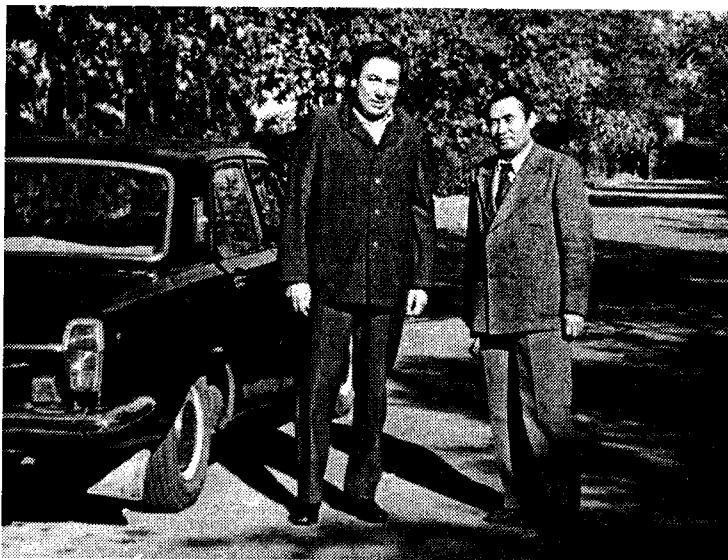
Удостоверение действительного члена АН КазССР.

Е.А. Букетов среди соратников и учеников.

Приезд друга А.Саухымбекова (справа). Стоят (слева направо):
Зубайра, Шамшия - супруга Ахмадии, Гульжан - сестра Зубайры.

У подъезда своей квартиры по ул. Ленина, 56.

В мастерской известного скульптора Хакимжана Наурызбаева.

В часы отдыха в кругу своих детей и племянников.
Слева - Мажит, Уахит, справа - Алмас, Гайса, стоит Рашит.

Последние минуты прощания родных
с покойным Евнеем Арстановичем.

Открытие мемориальной доски на здании ХМИ.

Открытие памятника - бюста в вестибюле главного корпуса КарГУ. Слева направо: Акылбаев Ж.С. - ректор КарГУ, у микрофона профессор Букетова Н.И. - двоюродная сестра Е.А. Букетова, Абдыманапов А.С. - проректор КарГУ, Букетов Ш.А. - брат Е.А. Букетова, сидит Сагинов А.С. - академик, Герой Социалистического труда. 1997г.

Участники республиканской конференции ректоров вузов знакомятся с экспонатами музея в кабинете первого ректора.

Мемориальная доска на фасаде ХМИ.

Участники торжеств в честь 70-летия Е.А. Букетова у его надгробия: (слева направо) Чепухин В.И., Баймышев Т.Б., Жусупов Б.К., Мулдахметов З.М., Бектурганов Н.С., Сагинов А.С., Сальков К.С., Букетов К.А. - брат Евнея Арстановича, Ашимова Б.А., Шайхутдинов Е.М., Ашимов Б.А. Сагадиева К.С. Абильтаев Ж.А., Жакупов К.К.

В основном воспоминания написаны по памяти, за исключением отдельных моментов жизни и деятельности, где пользовался документами, письмами из его личного архива.

1987-1994 гг.

Далаяпраз БУКЕТОВА

ПРО ПРЕМЬЕРУ

Когда отец приехал поступать в институт в Алматы, он твердо знал, что ему необходимо литературное образование. Но его приятель сказал, что в «политехе» стипендия выше на 10 рублей и студентам положен стакан молока в день. Это были голодные годы. У папы за плечами было четверо младших братьев и мать, которых необходимо было поддерживать. И он поступил в политехнический институт. Он всегда со смехом рассказывал нам об этом, как, мол, из него получился ученый металлург, академик. И добавлял, что жажда знаний была так велика, что он добился бы успеха в любой области. И шутил, что отечественная наука потеряла бы очень много, если бы не этот стакан молока. А литература? Что же. Она всегда была с ним.

Я частенько засыпала в его библиотеке, обложившись книжками, и по утрам слышала сквозь сон его голос. Он вставал очень рано и работал до завтрака в библиотеке, наговаривая на диктофон тексты своих произведений. Он обожал поэзию. Когда я его вспоминаю, он чаще всего представляется мне декламирующим Есенина или Маяковского. У него был потрясающе звучный низкий голос, отличная память и прекрасный вкус. Когда он читал стихи, он всегда приходил в хорошее расположение духа, много шутил и улыбался. Он произносил слова поэтов так, как будто это были его собственные, выстраданные слова:

И сейчас говорю я ни маме,
А в чужой и хохочущий сброд.
Ничего я споткнулся о камень
Это к завтраму все заживет...

Я перешла на второй курс института, когда в нашем театре поставили «Клопа» В. Маяковского в его переводе на казахский язык.

Отец специально прилетел на премьеру в Алма-Ату (он жил в Караганде). В это время уже начались годы его опалы, а спектакль поставили. Один из ляпов наших властей, что называется — не уследили!

Отец давно говорил об этой премьере и хотел, чтобы я посмотрела ее. Я не любила общественных мероприятий, потому что, когда он прилетел в наш город, люди толпились уже в его гостиничном номере. Весь день у него был расписан. Все хотели его видеть, беседовать, и мы с сестрой обычно не могли к нему пробиться. Побывать с ним наедине практически не удавалось, так он всем был нужен. Писатели, ученые, аспиранты, журналисты... Он щедро дарил себя людям. А в этот раз голос по телефону был такой странный...

Когда мы подошли к театру, нас никто не встретил, ни в вестибюле, ни в холле, ни в зале для гостей. В театре было полно народу, но никто с нами не заговаривал. Я удивилась, что мы с отцом одни, а ведь это его праздник, и люди пришли сюда, благодаря его таланту. Там было много знакомых и известных людей... Самые смелые из них подбегали, быстро здоровались и убегали. А потом мы пошли в зал. Оказалось, что в первом ряду сидим только мы с отцом. Никто к нам не присоединился, как будто мы были прокаженными. Тогда я вдруг поняла, что мы одни в толпе и что нас разглядывают. Мы с отцом посмотрели весь спектакль. Честно говоря, я не понимала, что происходит на сцене, но не отрывала глаз от нее. Мне казалось, что артисты были ярко раскрашены и слишком все утрировали, но пожалуй, они были единственными настоящими друзьями одинокого автора в тот вечер. Отец был спокоен и даже что-то мне говорил, а я все это время тихо умираю. Я знала, что у него большие неприятности, но не знала, что все так плохо. Я до сих пор не могу понять, как он все это выдержал. Это выдержка и разрушала его сердце. Он был спокоен, но очень бледен, и я физически чувствовала, как ему больно. Я и сейчас помню эту боль. Потом мы вернулись в его гостиницу, он собрал вещи и поехал в аэропорт. В тот вечер мы говорили с ним о судьбе Маяковского, о моей сессии, о том, как развлекается нынешнее студенчество, но только не о том, что никто не пришел его поздравить.

Он был очень сильным человеком. Он знал, что так будет и пошел на это. До последнего надеялся. Давал шанс этим людям.

Спустя три года я видела, как взрослые и сильные мужчины плакали, когда мы хоронили отца.

Такая история...

ПРО КАЛОШИ...

Летом, когда отец приезжал с работы, вся соседская ребятня высыпала во двор. Они знали, что, может быть, кому-то из них повезет, и для какого-нибудь соседского мальчугана найдется место в машине. Папа каждый вечер ездил купаться к Федоровскому водохранилищу и брал с собой детей.

Но в одно прекрасное лето, когда мне было 12 лет, он взял отпуск на 10 дней, и мы поехали в его родной аул Баганаты на машине. Он давно обещал такую поездку, и это было здорово. Я хорошо запомнила ночевку в машине в каком-то попутном песочке, горячий чай из термоса и неловкую заботливость отца. Он одерживал верх в научных баталиях, был невероятно остроумным собеседником, но не умел ухаживать за детьми. Папин шофер, молодой парень по имени Хамит, преданный, как Санчо Панса, терпеливо переносил с нами все тяготы пути. И вот, наконец, мы приехали. Я была разочарована. Оказалось, что родина отца — обычный казахский аул. А в его рассказах все было как-то по-другому. Потом я поняла, что это его чувства и переживания расцветили эти места всеми красками. Люди в ауле были плохо одеты, но на столе всегда была сытная еда. У каждого дома был загон, в котором бляели бараны и мычали коровы. Все тогда так жили: плохо одеты, зато сыты. А для отца, пережившего годы страшного голода, унесшего жизни близких, это было очень важно.

Но что действительно стоило внимания, на мой взгляд, это — березовая роща, речка и зеленые поляны между рощами, где папа косил траву в юности, подготавливая свою семью к зиме. Отец сиял от счастья, он гордо ходил по родным местам. Все его знали, любили и ждали. В деревне начался настоящий праздник. Селяне зарезали кобылу и нескольких баранов, устроили той на поляне. В огромных котлах варили плов и бешбармак, жарили баурсаки. Женщины наливали кумыс в большие пиалы всем желающим. Отец, естественно, сидел во главе дастархана, шутил, рассказывал о городской жизни. Заночевали мы в маленькой комнатке в доме папиного дяди, деда Маутая. Мне достался единственный топчан, а отцу постелили на полу. Он пошутил, что, мол, не всегда доведется увидеть академика на полу. И что, мол, избалованные городские девчонки никак не могут оценить прелести деревенской жизни...

В то лето он посадил меня на коня. К моей досаде, он выбрал самую смирную кобылу, и водил ее за собой, не отпуская, как я его не упра-

шивала. А потом мы сидели у речки на поваленном стволе, отец был задумчив и грустен. Неподалеку загорелые мальчишки гарцевали на своих скакунах. Один из них помчался в нашу сторону и прямо перед нами поставил коня на дыбы. Отец встрепенулся и сказал, чтобы я все-таки хотя бы улыбнулась, потому что этот спектакль устроен явно не в честь академика, а для того, чтобы некоторые девчонки не очень-то задирали нос.

— Поверь мне, балам. Все академики знают толк в таких вещах, — говорил папа. Папа всегда мягко иронизировал по поводу своего учебного звания, потому что гордился им.

Потом я откопала в доме деда потрепанную книжку без обложки со странными рассказами, (позднее, я узнала, что это был Мопассан) и почитывала ее, греясь на солнышке возле реки. Ближе к вечеру я шла к дому и видела, как отец беседует со стариками, сидя на завалинке. Его уже из далека можно было узнать, он всегда на голову возвышался над людьми, благодаря своему высокому росту. Люди обступали его со всех сторон, слушали, ходили по пятам. Он находил общий язык с любым человеком. Его звали в каждый дом.

В последний вечер нашего пребывания в ауле мы ужинали в доме наших дальних родственников. Комната, где накрыли дастархан, была самая большая в доме, но гости все равно не помещались. Кто-нибудь выходил, и на его место сразу же садился другой человек. Все хотели слышать, что говорит отец. Он был великолепным рассказчиком и любил слушать людей. Он вообще любил людей, его все интересовало. Их образ жизни и образ мышления. Он был своим и в то же время человеком мира. В этом ауле в 16 лет он уже учительствовал, в 17 лет, после внезапной смерти своего отца, стал во главе семьи, а теперь он приехал, будучи основателем одного из крупнейших вузов республики. Люди гордились своим земляком.

Я выглянула в прихожую, весь пол был уставлен обувью. Это были, в основном, кожаные сапоги и резиновые калоши, среди которых выделялись мои девчачьи босоножки и папины импортные туфли. Это были его любимые туфли. Он называл их штиблетами. Вот, наконец, к моей великой радости ужин подошел к концу. Гости разошлись. В ауле очень воспитаны, они всегда знают, когда надо уходить. Мы поднялись из-за стола, и пошли обуваться. Папа встал посредине прихожей и задумчиво посмотрел на мои босоножки и притупившиеся рядом старые калоши. Его туфель не было и в помине. Он смотрел, смотрел, а потом откинул голову назад и захохотал. Я была удивлена и предложила поискать его туфли. Может быть, кто-то по ошибке надел его обувь. Но

папа, все еще улыбаясь, сказал, что он прекрасно обойдется и старыми калошами. И объяснил, что есть такой древний обычай — надеть обувь человека в знак уважения к нему.

— Понимаешь, балам, — говорил папа, — это хороший обычай. Ведь это просто случайность, что у меня оказались новые импортные туфли. Представляешь, как не повезло бы тому человеку, если бы я приехал в старых калошах!

Какимбек САЛЫКОВ

РЕКВИЕМ ЕВНЕЮ БУКЕТОВУ
(перевод Валерия Антонова)

I

Когда он умер,
Люди затаили
Дыхание, уйдя с тоской в себя...
В тумане ивы головы склонили
Над волнами есильскими, скорбя.

В кустах фазаны, вскрикивая зычно,
Казалось, тоже плакали о нем...
Земля стелилась мягче, чем обычно,
Сподвижница в пути его земном.

Не верилось, что нет его на свете,
Столпа святой гражданской высоты.
Страдало всех больше на планете
О нем село его Баганаты.

На Жалгызтау наважденьем свыше
Шли плачущие толпы облаков.
Преемника Сатпаева Каныша
Не стало по вине клеветников...

Не одинок Есиль был в нашей скорби,
Был Кокшетау ранен вестью той,
Каркаралы, рыдая, плечи сгорбил,
Померкло небо над Карагандой.

Забуть тот день казаху невозможно;
Преодолев Сары-Арки простор
Гусиным криком, гоготом тревожным,
Весть донеслась до заилийских гор.

"О боже! Что за горькая кончина! –
Седой главой качнул Абая пик. –
В который раз достойнейшего сына
В народе губят плут и клеветник".

Угасших звезд неведома дорога...
Луна, как мать, в глаза мне смотрит строго
И солнца шар колеблется, взойдя.
"Где брат твой славный?" - спрашивают оба.
Что им ответить?
Что моя особа
Сегодня значит в бездне бытия?

Суть нашей жизни зыбка и туманна,
Безмерен груз забот, гнетущих нас.
Не одного
Душою великана
Валила жизнь и прежде и сейчас.

Тебя, мой друг, сгубило благородство
И честность и порядочность в борьбе.
Противников душевное уродство
Ты, как чуму, не подпускал к себе.

Был скромн, чист и в помыслах и в слове,
Боролся - если только нападут.
Такую чистоплотность и здоровье
В народе нашем ангельским зовут.

Противник твой не обнажил кинжала,
Назвавшись другом, лик не обнажил.
Чернил в газетах,
Обнажая жало,
Но сам в тени, скрывая имя, жил.

Не одинок был он под черной маской –
Разнообразным было воронье
(Жестоко всех в конце карьеры адской
Их небо покарало за вранье).

И как ни лгал один,
Цареподобный,
И как ни клялся - я, мол, ни при чем -
Останется он в памяти народной,
Комичным, лицедейным ловкачём.

Ты верил в разум
Слишком свято верил,
Чтоб изменять с политикой ему.
Что было медом, тем, кто лицемерил,
То было ядом сердцу твоему.

Ушел ты рано.
Без тебя настала
Пора иная, недругов губя.
Бой правды с кривдой время развязало
За истину,
А, значит, - за тебя.

II

Вступить за тебя призвал в печати,
Я помню, Тажибаев Абдильда.
Ты счел, что это было бы некстати.
Кто знал об этом, кроме нас тогда?

Друзей молчанье наше раздражало –
Какой урок потомки извлекут?
Как сердце схватки за тебя желало!
Какие муки нас теперь гнетут!

Кривить душой я в споре не умею
И не хотел держаться в стороне,
Но ты сказал:
"Оставь свою затею.
С глупцами спорить глупо наравне".

У недругов, в земляческом их клане,
Талант и гений были не в чести.
Ты ж гордо шел тропой своих исканий
И бездарей не замечал в пути.

Влекли тебя вперед дела большие,
Не знал ты даже, кто твои враги –
Все люди были для тебя родные,
А все их дразги - глупы и мелки.

Не зная, что родился великаном,
Ты жил, ведомый гением своим,
Ни как поэт, родившийся смутьяном, -
Бесстрашный Аманжолов наш Касым.

"Большое море - кораблю большому", -
Я размышлял, бывало, о тебе.
Мне кажется, ты подражал Толстому,
А также Маяковскому в судьбе.

"Нас грубости доводят до инфаркта,
Никто еще не умер от похвал", -
Ты усмехался, признавая фактом,
Что льстец не меньше вреден, чем нахал.

Не с Гете ль вместе -
Чести раб и долга -
Ты истину глубокую постиг:
"Что мудрецы обдумывают долго,
То дураки разрушить могут вмиг?"

Завистники
Твой путь в науке горний
Прервать в борьбе открытой не смогли.
Ты умер,
Но твоих исканий корни
Глубоко в суть познания вошли.

III

Мы научились слезы лить посмертно
О тех, кого не сберегли, любя.
Стыжусь я,
Что с отвагой беззаветной
В суровый час не защитил тебя.

Стыжусь, что не являюсь исключением
Среди друзей, молчавших до сих пор.
Но, вволю дав прорвавшимся мученьям,
Не отвожу я от бывшего взор.

От боли жгучей
И невыносимой
Да вспыхнет правда ярче во сто раз!
Евней,
Тупым невежеством теснимый,
Ты мужества явил пример для нас.

И смерть твоя была для нас крушеньем,
Укором нашей совести была...
Отравленная нашим прегрешеньем,
Невнятной стала в честь твою хвала.

Но гулкое
Молвы народной эхо
Во все концы отчизны разнесло
И то, кому, святой, ты был помеха,
И кто творил под черной маской зло.

Меня поныне боль гнетет и душит.
Мы в неоплатном перед ним долгу.
Ни слез из глаз, ни слов, томящих душу,
Сдержать, Евней, я больше не могу.

Я верю, что времен грядущих люди
Поймут, чья мысль глубока, чья мелка.
"Тот славен, кто родился на верблюде"...
Евнея дни - наш праздник на века!

Твои враги тебе желали горя...
Ах, как добить тебя хотелось им!
Ты зорю справедливости ускорил
В те дни паденьем гибельным своим.

Не видя, как их души обмелели,
Верх долго брали подлые глупцы.
Ты их терпел,
Но унижал на деле -
Резвитесь, мол, пройдохи и лжецы.

Поджала хвост шакалов скользких стая -
Им смерть твоя наделала хлопот.
Ум беззащитным на земле считая,
Хитрят лжецы -
И в этом их просчет.

Виденье недоумков изумило:
Умершего оплакивал народ,
Но над толпой душа его светила,
Свободная,
С неведомых высот.

Ты к нам спешил
Из будущего века,
Евней, наш друг, как в круг родной семьи...
...Под черной маской умственный калека
Мелькнул в толпе
И узнан был людьми...

IV

Учитель,
Дерзкий разумом ученый,
Был в трудностях ты не преборим.
Ты цель поставил:
"Угля камень черный
В нефть, как я полагаю, обратим".

Мечта чудесна...
Смелая догадка...
Как сын степей пришел раздумьях к ней?
Великая ума с природой схватка,
Но ты готов -
На то ты и Евней.

Да, знали люди, кто такой Букетов,
В стране и далеко за рубежом.
Воображеньем он затмил поэтов.
Из угля нефть! До цели - сто секретов,
Но зависть режет недругов ножом.

Им невдомек,
Что родине ученый,
Всей Родине стремится угодить.
Но он "чужак",
И в луже желчи черной
Глупцы его готовы утопить.

Нефть из угля...
Все строго, все логично.
Но химик о стихах не забывал...
Чиновнику такое непривычно:
Поэзия и уголь - что первично?
Он морщился, трубил, негодовал.

Ах, добрые казахи!
Сколько жизней,
Святых и нужных для родной земли
Вы, дети века, на родной Отчизне
От дел с улыбкой хитрой отвлекли!

Сколь горько ваше древнее уменье
Под вечным небом в стороне родной
Терпеть
Глупца над мудрецом глумленье,
Друг друга мерить меркой не одной!

Евней!
Парил ты в мыслях так высоко,
Так широко распахивал крыла,
Что жизнь твоя,
Угасшая до срока,
Тому опроверженьем не была!...

V

Твой славный путь
Мне ясною яснее:
В грядущее ты вел наш караван.
Уча, стремясь, стихи слагать умея,
Ты был на благо всем нам жизнь дан.

Пройдут года,
Минует непогода,
Жизнь защитит творцов нетленных благ
И маски черные сорвет со сброда
Виновников всех гнусных передряг.

В чести не будет больше очернитель,
Очистит время блеск звезды твоей,
Грядущего могучий попечитель,
Мой мудрый друг, бесценный наш Евней!

Подобно первой зелени весенней,
Стихи мои рождались о тебе.
Слагал я их,
Не думая о мщенье
Ничтожным пешкам в доблестной судьбе.

В несчастьи ты не был одиноким -
Беда всех чистых совестью роднит.
Не сломленным,
А гордым и высоким
Тебя людская память сохранит.

Порою нужно с нечистью сражаться...
Что значил твой отказ от битвы с ней?
Нам оставалось только ужасаться
Неизъяснимой выдержке твоей.

Кто видел, чтоб на травы среди лета
Валил из туч цветы губящий снег?
Ты умер... Кто ответит нам за это?
Молчит под черной маской человек...

Мы не молчим,
Хоть нет нам оправдания...
Но прошлое таланта не мертво:
Ты, как Сатпаев,
Заслужил признание
Посмертно
У народа своего.

Чиновники в безвестности почили,
И тем в стихах я нынче окрылен,
Что мы сегодня к жизни возвратили
Немало славных судеб и имен.

VI

"Он сильным был.
Какая ж злая сила
Его в конце дороги подкосила?"
Друзья гадали, думая о нем.
Почуя миг кончины неминучей,
Он замер, словно дерево могучий,
И рухнул, как подрубленный, ничком.

Чем прогневил судьбу он, незлобивый,
Такой открытый и такой счастливый,
Опасности не видевший ни в ком?
Подумаю - и сердце замирает,
И снова горе душу раздирает,
И к горлу подступает едкий ком.

Вершила свой круговорот эпоха –
Тот бедствовал, а этот жил неплохо,
Но зрела буря в обществе больном...
А он молчал, хоть и страдал, возможно,
Он, двери прикрывавший осторожно,
Отшельник в мире радужном своем.

Разнесся громом миг его паденья,
Всех всколыхнул и всех привел в смятенье,
Всем в душу заронил печаль и страх.
Он, умерший без стога и без крика,
Всех напугал, от мала до велика, -
Вплоть до больших сановников в верхах.

Людская дурь и подлость ненасытны,
Им за убитых похода не стыдно,
Но может быть, купавшийся в чинах,
Сидевший в кресле, как царек на троне –
Молитвенно поднес к лицу ладони
И прошептал: "Прости меня, Аллах".

1991 год

Виталий МАЛЫШЕВ

ПОСТУПЬЮ КОМАНДОРА И ПРОРОКА

«Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...»
А. Блок. Шаги Командора

«Нежной поступью надвьюжной...»
А. Блок. Двенадцать

"ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ..."

В старом двухэтажном каменном здании какого-то бывшего общежития, первом пристанище Химико-металлургического института республиканской академии наук, пол и лестницы были деревянными. Добротные деревянные же перила, толстые доски ступенек, многократно перекрашенные, вызывали странное ощущение основательности и допотопности. Зимой 1960 года, спустя полгода после начала моей работы здесь, я впервые услышал, как они закрипели. Легкая тревога вынесла меня из комнаты первого этажа, рядом с лестницей, и я увидел нового директора - прямого, высокого, плотного - медленным, твердым шагом возносящего себя на каждую ступеньку, с устремленным прямо перед собой несколько отрешенным взглядом. Его рука только касалась перил, придавая всему движению упругий ритм и завершая впечатление, сходное с тем тревожным восторгом, какое создает зрелище подъема ввысь тяжелого летательного аппарата. Это были шаги Командора, и от них закрипел весь наш действительно допотопный институтский уклад с бестолковым тыканьем во все местные проблемы, пустословием и безхозяйственностью. Старые ступени не годились, а новые нужно было возводить нам самим - это было ясно по той целеустремленности, которая исходила из каждого движения нашего нового лидера и всегда оставалась самой характерной его чертой.

Спустя десять лет он скажет: «Я не ученый, а строитель. Вот посмотри: в политехническом, в Алма-Ате, только раскрутил строительство нового корпуса - направили сюда. Сейчас заканчиваем новое здание ХМИ - а уже приглашают в университет. Наверняка там придется тоже заниматься стройкой. А на это дело, если не потратишь по полдня ежедневно, то ничего не получится. Что же остается для науки?» Он даже не улыбнулся. «Плохо, что все у нас строители». При всем том Евней

Арстанович действительно любил строить и делал это, конечно, целеустремленно, входя во все детали, знал всех прорабов и рабочих, беседовал с ними о будущем своего детища. "Вот, - говорил он, - ваши дети выучатся на химиков и придут к нам наукой заниматься. Вы же, небось, домой приходите и чертыхаетесь на свою работу, а дети - они умные, все понимают, и на стройку не пойдут. Так что для своих детей дворец строите". Каждого гостя института он непременно возил на стройку, обходил вместе с ним все закоулки, поясняя: "Здесь будет библиотека, тут - лаборатории (вот, черти, канализационную трубу замуровали - как ее заменять потом?)".

В таких обходах приходилось участвовать и мне. Особенно запомнился первый, когда уже поставили колонны, закончили подвалы и закрыли их полом первого этажа. Мы спускались по шаткому лестничному маршу без перил в сырой полутьме, и Евней Арстанович, уверенно лавируя между торчащими арматурными прутьями, предупредительно говорил мне, тогда еще стройному и ловкому молодому человеку, который тем не менее едва успевал повторять за ним различные фигуры неустойчивого равновесия: "Осторожнее, осторожнее. Сейчас доберемся. Вот. Вот..." Он улыбнулся своей легкой, какой-то удивительно общительной улыбкой, которая всегда появлялась перед началом совершенно откровенного разговора. "Здесь, - он поднял руку вверх, под потолок, - мы будем обмывать твою докторскую диссертацию". Оказалось, мы были под будущей столовой. Почему-то мне захотелось, чтобы эти слова стали вещими. Конечно, все это совершенные пустяки - торжественные банкеты, всякие там отмечания, да и какая разница - где именно проводить такие мероприятия. Но мне вдруг подумалось, что все, что говорит этот человек, должно сбываться: он так ясно видел перед собой всю сложную перспективу жизни, что оставалось только уточнить срок превращения его фантазии вот в эти сырые стены, потолки, этажи, спешащих по ним сотрудников в халатах, их бесконечные споры, радости, огорчения, короткие триумфы и долгие, долгие поиски ускользающих откровений.

Банкет все-таки был, но не здесь, а в кафе, потому что в стенах института проводить его не разрешили. Мы сейчас коснемся крайне деликатного вопроса о трезвости и трезвенности, застольях и алкоголизме. Обходить подобные вопросы нельзя потому, что от такого обхождения они становятся намного острее, и еще потому, что тамадой на банкете был Евней Арстанович.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЛАССАЛЯ

Трудилась у нас, теперь кажется, с незапамятных времен, интереснейшая личность - Алексей Николаевич Полукаров. Закончил с отличием техникум и Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова по кафедре академика АН КазССР В. И. Смирнова и там же защитил кандидатскую диссертацию. Благоговейно упоминаю имя Василия Ивановича - моего учителя в УПИ, по чьему совету я и прибыл сразу после окончания института в ХМИ. Судьбе было угодно одарить меня длительным вниманием трех академиков, и я попал по ее воле из одних хороших рук в другие. Пришлось же им со мной повозиться. В подтверждение приведу несколько штрихов к портрету Василия Ивановича. Раз зашел он к нам в дипломантскую комнату, обошел кульманы, наметанным глазом окинул чертежи и спросил, обращая ко всем: "А вы были вчера на "Лебедином озере"?" Надо же так случиться, но именно в тот день я случайно, ради знакомой девушки, попал на этот спектакль. "Были" - отвечаю. "Как вам понравилась балерина?" - он назвал фамилию известной свердловской танцовщицы. - "Очень хорошая" - "Разве? А мне она показалась полноватой". - "Ну, что вы!" - дерзко возразил я - "Она вполне нормальная!". Василий Иванович кольнул меня насмешливым взглядом и вышел - легко, элегантно, несмотря на некоторую полноту и сутулость. Не знаю почему, но этот взгляд колет меня до сих пор. Другой раз случилось мне присутствовать при разговоре доцентов кафедры с В. И. Смирновым о переработке кобальтовых руд. Беседа шла в лабораторной комнате, где я тогда занимался одним частным вопросом по этой теме для своей дипломной работы. Прислушавшись к обмену мнениями, я почувствовал, что нашел решение проблемы, и сказал, что нужно делать так-то и так-то, поехать на завод и предложить им эту схему. Господи! Я никогда не видел более удивленного лица академика. Приговор последовал незамедлительно: "Ну вот вы там и блесните!". Зря все-таки хотя бы иногда земля не проваливается под ногами от стыда. На защите диплома я чудовищно волновался, хотя был абсолютно уверен в успехе - так оно и получилось. До сих пор мне стыдно перед блистательным лектором, каким был Василий Иванович, прошедший стажировку в США по нашей специальности и знавший назубок состав всех месторождений мира и полные технологические схемы их переработки. До чего же хотелось сразу быть таким и блистать при каждой подходящей возможности. Но и в этом случае приговор, переданный мне, как я полагаю, очень деликатным сотрудником кафедры, был тяжелым: "В целом

неплохо, но что-то уж долго мямлил". Я не уверен, что и сейчас эти уроки эстетики, этики и мастерства пошли мне впрок, и можно только посочувствовать моему первому учителю по поводу одного из его учеников. Но то, что пришлось претерпеть ему, а затем Евнею Арстановичу с Алексеем Николаевичем Полукаровым, все-таки на порядок выше - эту пальму первенства я отдаю своему коллеге без сожаления.

В его судьбе была трещина. Родители Полукарова были раскулачены, и это оставило неизгладимый след в душе безусловно одаренного мальчика, ставшего потом хорошим студентом, аспирантом и ученым. А как он знает Фета, Тютчева, Некрасова! Не потому ли, что они способны утешать, понимать страдание и взывать к справедливости? Последнее не столь уж и субъективно в свете новейшего отношения к личному труду, подсобному хозяйству, семейному подряду. В наших, теперь уже бывших братских странах как-то обошлось без раскулачивания, и там продовольствием обеспечивают не хуже нашего, а то и лучше. В Китае даже членам коммунистической партии позволяют содержать наемных работников - в целях ускорения развития сельского хозяйства, избавления от голода. Очень непростые мысли туманили светлую голову Алексея Николаевича. И каждый раз они попадали в логический тупик. Слаб человек вообще и наш Алексей Николаевич - в частности. Покатился вниз так, что очутился на фабрике детских пластмассовых игрушек в Одессе, где ему пришлось скрывать от отдела кадров диплом кандидата наук, заработанный на кафедре Василия Ивановича только благодаря его сверхтерпению. Вот оттуда, из теплого южного города, не раз переночевавши на улице в обнимку с урной, и появился у нас в ХМИ к.т.н Полукаров.

Евней Арстанович знал Алексея Николаевича еще по Верхней Пышме - городку на Урале, куда он возил студентов Алматинского горно-металлургического института на практику и где Полукаров работал в центральной заводской лаборатории. Видок у Алексея Николаевича при появлении в институте был недвусмысленным, и Евней Арстанович резко, а точнее сказать - грубо пресек витиеватые объяснения соискателя научной должности, обрисовав ему действительное позорное положение его дел, и быстро привел визитера в подобающее чувство. Было поставлено жесткое условие: или-или. Полукарова приняли на работу. Он сразу же адаптировался и вскоре начал выдавать научную продукцию - изобретения, статьи и т. д.

Но вот понадобилось поехать с этими разработками в головной институт, в Свердловск. Одного послать? Сорвется, и тогда пропала работа и человек. Эту историю Евней Арстанович рассказывал нам не

раз и каждый раз смеялся до слез, что, впрочем, при его феноменальной смешливости было делом обыкновенным. Очевидно, ему виделись во всем такие юмористические коллизии, о которых нам не приходилось даже подозревать.

В Свердловске с делами обернулись без проволочек и даже выкроился один свободный денек. И тут Полукаров затрепетал. "Евней Арстанович, разрешите к друзьям съездить в Пышму. Утром уеду, вечером вернусь, только зайду к ним на работу, поговорю, и ни-ни, ей-богу!". Доверять, так доверять. "Ладно - разрешил Евней Арстанович, - но чтобы к вечеру был здесь, как штык, послезавтра уезжаем, ты меня знаешь, а то останешься здесь насовсем". К вечеру Полукарова не было.

Ночью Евней Арстанович проснулся оттого, что на лицо ему что-то капало. "Что!? Что такое!? Кто это?!". Прямо над ним стоял Алексей Николаевич и горько плакал, объясняя свою кручину заплетающимся языком: "Евней Арстанович, еще Лассаль говорил, что социализм не устраняет бедность, а только равномерно распределяет ее среди всех членов общества!". Ответом был гомерический хохот - тоже до слез. Только сейчас можно догадаться об истинных мотивах подобной реакции. Пресловутая ныне уравниловка в конце шестидесятых годов еще только-только начинала разъедать наше общество. Всю ее нелепость Евней Арстанович видел уже тогда - это несомненно. Как-то, уже будучи академиком, он весело рассказывал мне, как один его дальний родственник, эрговый работник, все стеснялся пригласить его в гости. "Я думал, это потому, что я академик, но потом выяснилось, что он стыдился показать свою квартиру, забитую импортными гарнитурами. У меня он в гостях был и, наверное, сделал выводы не в пользу моего ответного визита". Что касается Алексея Николаевича, по натуре очень чувствительного, простого и в то же время глубокого, то Евней Арстанович воспринимал его как чистый звук некоего общественного камертона, любил его рассказы о жизненных передрыгах и многое прощал. Да, хороший человек Алексей Николаевич... Пока не ушел на пенсию, всегда работал с юношеским задором, оставаясь одним из наиболее продуктивных изобретателей и ученых. Тогда ему, конечно, попало, и впоследствии не раз приходилось вылетать из кабинета Евнея Арстановича, как пробке из шампанского.

Позднее его "слабость" сошла почти на-нет и переключилась на бильярд, к которому его пристрастил все тот же Евней Арстанович. Вообще, где бы и кем бы он был, наш Алексей Николаевич, которого

полушутя, но в то же время с уважением величают на казахский манер Алке, если бы не его терпеливый наставник?

Но ближе к банкету, как мог бы сказать О. Бендер. Для начала зададимся риторическим вопросом: кому нужны диссертации? Несмотря на крайнюю запутанность этого вопроса, существует однозначный ответ: они нужны родителям соискателя.

Мои родители - бухгалтеры. Мама - из крестьянской семьи, отец - из среды духовенства. Образование - начальное, дополненное ускоренными курсами. Оба коммунисты. Во время войны отец - на фронте, мама - в тылу, с нами, двумя дошколятами. Сестра моя - тоже бухгалтер, живет все время с родителями в Кустанае, подарив им на радость внуков и правнуков. Я же после школы навсегда уехал из Кустанае, который воспринимаю как свою родину, хотя по паспорту я из Ташкента. Наверное, поэтому и родители, и сестра все время относятся ко мне с жалостью, как к родственнику, обретающемуся где-то на чужбине, без ласки и ежедневной семейной взаимопомощи. Сейчас мамы нет. Но я счастлив, что успел попрощаться с ней один-на-один в самый последний час (так уж получилось), не выпуская ее рук из своих рук до того вздоха облегчения, которым завершилась ее жизнь, полная трудов, забот и тревог. Никогда бы не простил себе опоздания. И еще я счастлив тем, что видел счастливыми своих родителей на том самом банкете, где тамадой был Евней Арстанович.

Я подозреваю, что он - уже сильно больной, перенесший не один инфаркт - сразу же согласился командовать довольно большим застольем по моей робкой просьбе - да и не просьбе даже, а просто по ходу разговора на эту тему - только потому, что я сказал о приезде родителей и сестры с мужем.

Евней Арстанович был непревзойденным управителем разноликой компании - простым, веселым, тактичным. Он искренне радовался нашему неформальному празднеству, в его руке бокал с минеральной водой так и сверкал, как с настоящим шампанским, и когда он представлял кому-нибудь слово, то делал все возможное, чтобы снять волнение оратора перед весьма искушенной аудиторией. Вот поднялась для тоста моя сестра. Волнуется. Вспоминает школьные годы. Говорит, что хотя она училась в более старших классах, все равно за объяснениями обращалась ко мне, и самые трудные задачи вместо нее решал я. Она смутилась этому признанию и немного замешкалась. Евней Арстанович быстро поднялся и говорит: "Извините, Клавдия Павловна, что перебиваю вас, но я хотел сказать, что я тоже (тут он по-простецки махнул рукой) трудные задачи оставляю решать ему самому". Друж-

ный смех вернул утраченную на миг непринужденность, и застолье продолжалось, как мне кажется, к общему удовольствию приглашенных.

Обязан оговориться: и сестра, и Евней Арстанович в описанном эпизоде, конечно, намеренно выставляли меня вундеркиндом и оракулом. К этому обязывает жанр банкета. Честное слово, не помню, решал или не решал какие-то задачи для Клады, а что касается Евнея Арстановича, то у нас в отношениях господствовало полное доверие в использовании моего рабочего времени, и мне никогда не давалось никаких заданий и не ставилось никаких задач. Мы обсуждали то, что появлялось интересного по ходу работы, и мой учитель так искренне радовался малейшим моим успехам в том или ином деле, что мне оставалось только прилежно трудиться, чтобы получать как лучшую награду такое вот непосредственное признание.

Но должен сказать с не меньшей откровенностью, что за похвалы на банкете я буду по гроб признателен тем, кто их высказывал, из-за неожиданной реакции на них моих родителей. Сидя рядышком между мной и Евнеем Арстановичем, они тихо плакали.

Да, Лассаль, конечно, прав. Уравниловка не устраняет бедности. Но те, кто впроголодь перебивался в тридцатые и сороковые годы, могут все-таки проливать не только горькие, но и светлые - счастливые слезы о своей не зря прожитой жизни. Это как никто другой понимал мой учитель, и я не раз видел и слышал, как он убедительно объяснял родителям наших ученых, что они должны гордиться научными трудами своих детей. Он говорил: "Вот, видите - это статья вашего сына. Она отпечатана в хорошем московском журнале. Пройдет сто, двести лет, нас уже не будет, но те, кто продолжит занятия в этой области науки, обязательно должны использовать все, что сделано до него. Он прочитает эту статью и будет ссылаться на имя вашего сына, и ваша фамилия навеки останется в памяти потомков". Бессмертие науки и преемственность научного поиска - как не хватает этого понимания тем, кто сейчас, да и во все времена, определяет бюджет самых неприхотливых и самых нужных для выживания человечества людей!

ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ - ДИРЕКТОР

Однако, как ни привлекательна и неисчерпаема тема банкета, а вместе с ней и проблема трезвости и трезвенности, лучше от нее отступить без детальной проработки, тем более что жизнь ученого-организатора, кем и был в первую очередь Евней Арстанович, полна куда более острых проблем. Одной из них было, есть и будет внедрение в практику.

В шестидесятые годы для академической науки практическая отдача еще не требовалась столь жестко, как это стало теперь. Но крестьянская натура директора нашего института требовала возврата в землю того, что земля дала в виде того или иного урожая. Произросшие в стенах академии идеи должны были вернуться в те источники, которые кормили науку - на наши огнедышащие металлургические заводы. Вот только как рассаживать эти идеи, никто толком не знал. Требовались интуиция, талант, смелость и военная хитрость. Это, конечно, качества стратега, и им в полной мере был Евней Арстанович Букетов.

Вот одна из его многочисленных баталлий на этом поле брани. Дело было связано с той самой уральской Верхней Пышмой, которая уже упоминалась и где был расположен медный завод. Когда Евней Арстанович был доцентом в Казахском горно-металлургическом институте, он возил на этот завод студентов на производственную практику. Тогда же он обратил внимание на уникальный полупродукт - медеэлектролитные шламы, которые содержали золото, серебро, медь, селен, теллур. Последние два элемента - так называемые халькогены, спутники меди, и может быть с этого зародилось ставшее впоследствии мощным научное направление с названием "Химия и технология халькогенов и халькогенидов", которому посвящено четыре всесоюзных и одна международная конференции, регулярно проводимые в Химико-металлургическом институте и неразрывно связанные с именем академика Букетова. Но это все лет через 15, а пока...

Мы придумали обжигать электролитные шламы не в допотопной подовой печи с ручным перегреванием дымящего и ядовитого материала, а в шахтной печи - удобном аппарате непрерывного действия. Сложили модель этой печи в чемоданчик, привезли на завод, показали в действии - всем понравилось, анализы хорошие, культура! Но главный инженер изрек - дело это сложное, потребует реконструкции, отразится на себестоимости продукции, сорвет план. В общем, обычная наша "государственная" песенка. Вернулись мы ни с чем, подавленные. Рассказали, что да как, но такой оборот ничуть не удивил Евнея Арстановича, только раззадорил: "Двинем-ка мы в Унипромедь, у них там сво-

их свежих идей в этом деле нет, попробуем действовать в одной упряжке!". А что такое Унипромедь? Это головной проектный и исследовательский институт по медной промышленности не только Урала, но и других регионов бывшего Союза. Расположен в Свердловске, рядом с Верхней Пышмой, имеет свой опытный завод. Никого там лично не знаем.

По приезде Евней Арстанович зашел со мной к заместителю директора по научной работе Унипромеди Артему Александровичу Бабаджану, рассказал, что есть идея, хотел бы обсудить со специалистами института для проведения совместной работы. Бабаджан направил нас к заведующему лабораторией редких элементов Людварду Даниловичу Киру. Там Евней Арстанович представился как коллега, то есть зав. лабораторией редких и рассеянных элементов ХМИ. Они и беседовали как коллеги, непринужденно, пригласили для разговора тех, кто занимается селеном и теллуром. Говорили о железках, о схемах регулирования, о подготовке материала к обжигу, где ставить печь, хватит ли мощности проводки и т. п. Под конец, когда убедились, что дело можно начинать, Л. Д. Кири говорит: "Это предложение нужно затвердить на техсовете института, я сейчас позвоню директору, попрошу включить в повестку сегодняшнего заседания". Слышим, говорит по телефону: "Иван Семенович, тут у нас один зав. лабораторией из карагандинского института предлагает совместную работу для Пышмы по шламам, мы ее детально обсудили, очень стоящая, нужно бы сегодня и обсудить, не теряя времени". Мы поняли, что согласие дано. После обеда перед назначенным часом Евней Арстанович сказал мне: "Нужно зайти к директору заранее, представиться, здесь табель о рангах чтут по-старому". Он вошел в кабинет к И. С. Елисееву, да так и остался до начала совещания. В назначенный час мы все расположились за длинным столом, застав весело беседующих Ивана Семеновича и Евнея Арстановича. Елисеев начал совещание так: "Я вам представляю своего коллегу директора Химико-металлургического института Букетова Евнея Арстановича..."

Тут нужно было видеть, как и без того выпуклые голубые глаза Людварда Даниловича чуть было не выскочили из орбит - как так, он целых два часа как равный с равным беседовал с директором академического института, да еще и представил его своему директору как рядового зав. лабораторией! Потом Л. Д. Кири не раз вспоминал об этом и, будучи в годы войны фронтовиком, говорил, что такое возможно было только на фронте в разгар боевых действий, когда не до званий, и каждый мог поплатиться жизнью за оплошность в действиях, а не в регалиях. Так

ведь и у нас ставкой была научная честь института, за которой стояли работа и жизнь многих сотрудников... Так или иначе, но дела в Унипромеди пошли очень быстро, за каких-то два месяца была собрана и успешно испытана укрупненная установка, и теперь мы уже двумя институтами вышли на пышминский завод. Но главный инженер и тут не растерялся: "У вас же есть опытный завод, разве можно с укрупненно-лабораторной установки идти сразу же в цех, зачем такой риск?". Пришлось строить полупромышленную установку на елизаветинском опытном заводе, в уральской глубинке со всеми ее прелестями. Например, топка нашей печи работала на дровах (!), и регулирование температуры велось с точностью плюс-минус полено. Но самое главное - процесс обжига шел отлично, и теперь уж придирается было не к чему, если даже при плохой регулировке результаты получались отличными. Ах, если б так...

Прежний главный инженер перешел в Министерство цветной металлургии, в Москву, а новый - бывший начальник шламового цеха - заявил: "Сейчас мы испытываем новую технологию по обжигу в печи кипящего слоя, и пока ее не испытаем, к вашей приступать не будем. Завод - не полигон для проверки всяких идей, нам нужно заниматься производством". Потянулись долгие месяцы ожидания конца испытаний, которые шли хуже некуда, хотя цех был напичкан сложной управляющей аппаратурой, и там дено и ноцно трудились представители известного института. Признаться им в несостоятельности своей технологии даже в те, уже потеплевшие времена было страшно. Разбазаривание государственных средств, крах карьеры, падение научного авторитета, личная трагедия ученого - вот что стояло за этим. Испытания остановились, новый участок цеха напоминал какую-то вымершую цивилизацию. Никто не хотел ставить точку над *i*. Мы совместно с Унипромедью не раз обращались в министерство с просьбой приступить к испытаниям нашей технологии, но неизменно получали короткий отказной ответ с явно надуманной мотивировкой.

Евней Арстанович ходил чернее тучи, не зная, что предпринять. Но вот однажды прямо с раннего утра вызывает меня к себе в кабинет, долго молчит, о чем-то сосредоточенно думает. Молчу и я, жду чего-то необычного, больно уж не похоже это на нашего лидера. И в самом деле: "Виталий Павлович, я думаю так, надо написать письмо Брежневу". Он помолчал. "Не от меня, как от директора, а от тебя, как от молодого специалиста и ученого. Что ты возмущен тем, с чем столкнулся при внедрении нового в производство, что потеряны годы и утрачивается вера в технический прогресс в нашей стране. Писем от директоров

у него - пруд пруди, а от молодых, думаю, нет. До него письмо, конечно, не дойдет, но в аппарате, может, как-то сработает". Я согласился и на следующее утро принес проект письма. Он взял его в руки, нахмурился. Стал читать - вижу усмехнулся, потом начал хохотать, как обычно, до слез. Понравилось то, как я, чтобы быть доходчивым для генсека, сравнил размер нашей печи с местом, которое занимают три рядом стоящих и бесконечно спорящих директора: нашего института, Унипромеди и завода. Хитрость же была в том, что все директора были очень крупные - наш под 100 кг, да и те, если и уступали по росту, то в диаметре явно превосходили. Облегченно вздохнув, махнул рукой: "Пойдет! Посылай! Может, это хоть их зацепит".

Письмо было отправлено, и буквально недели через две звонок из Унипромеди: приезжайте, есть телеграмма из ЦК, приступаем к немедленному внедрению. Оказывается, в министерстве сидел соавтор печи КС, и все наши прежние письма оседали у него. Что и говорить, мы за три месяца спроектировали, поставили и внедрили на заводе шахтные печи, которые работают до сих пор...

Думаю вот о чем. Если бы Евней Арстанович держался традиционных путей "пробивания" или казенных служебных записок - ничего бы не получилось. Он нашел и поддержал единственно верное решение, использовал самый вероятный шанс, исходя из понимания человеческой психологии и реалий нашего времени - это и есть мудрость.

PPP и fff

Это музыкальные термины, означающие "пиано-пианиссимо" и "форте-фортиссимо" - предельно тихо и предельно громко. Кажется, впервые в полном диапазоне силы звука были написаны произведения Листа, хотя это характерно и для Паганини - этих двух реформаторов пианистической и скрипичной музыки и непревзойденных исполнителей. Голос Евнея Арстановича, его речь - это завораживающая музыка мысли, интонаций, теплоты и холода, восторга и гнева, плавности и длительных пауз. Он убеждал и покорял не столько логикой, сколько блестящей простотой выражения, как это бывает у великих музыкантов. При всем этом, кажется, у него не было собственно музыкального слуха, во всяком случае абсолютного. Но его мысли, чувства и речь обходились без внутреннего переводчика, он никогда не подбирал слова и не запинаясь, говорил именно прозой - чистым литературным русским языком, нисколько не похожим на приглаженную лекторскую много-

словницу. Как хорошего исполнителя узнают по первым музыкальным фразам, по голосу Евнея Арстановича сразу же угадывался необыкновенный человек. Он никому не подражал, исполнял только самого себя - а это, наверное, самое труднодостижимое, к чему можно тщетно стремиться всю жизнь.

Мягкий баритон в гневе переходил в жесткий бас, но это случалось только тогда, когда какой-либо сотрудник, в особенности высокопоставленный, пытался обхитрить Евнея Арстановича, а то и попросту обмануть.

Однажды произошел неслыханный и единственный в своем роде случай - один из молодых специалистов, спортсмен, решил самым кратчайшим путем получить желаемый результат - он вписал в свой отчет очень высокие цифры по извлечению элемента, которые на самом деле были низкими и, как оказалось, не могли быть другими. Фальсификация! Руководитель группы молодой кандидат наук Марк Угорец просто остолбенел и бросился к Евнею Арстановичу, требуя публичного осуждения и сурового наказания. Мы ожидали вспышки гнева, но реакция оказалась другой: "Вот дурак. Ничего обсуждать не будем, просто уволим. Ведь он не понимает, что натворил, иначе бы сделал все хитрее". Но однажды, это было гораздо позже, досталось и самому Марку Залмановичу, когда Евней Арстанович попросил его позвонить по межгороду по одному важному делу, связанному с выборами в академию, а тот то ли забыл, или не захотел, но не сделал. Вот уж поистине непредсказуемо рассердился наш учитель - он поблел и обрушил на голову своего нерадивого ученика столько резких слов, сколько я не слышал от него ни до, ни после. Немного успокоившись, внушал: "Разве ты не понимаешь, что все это нужно в первую очередь для тебя, вот для него, для института, для университета! Ты что же - думаешь, я стал бы тебя просить, если бы не доверил тебе вести наши общие научные дела? Тебе же самому дальше расти надо, кто тебе поможет?" Конфликт как-то уладился, и впоследствии действительно при организации защиты докторской диссертации М. З. Угорца Евней Арстанович всюду представлял его в самом выгодном свете. Но трещина в их отношениях все-таки осталась.

Подобное чуть было не случилось и со мной, когда примерно за год до смерти он дал мне почитать рукопись своей последней книги "Современные формы выражения таблицы элементов Д. И. Менделеева". Тут нужно сказать, Евней Арстанович просто боготворил Дмитрия Ивановича: как я понимаю, чувствовал какое-то родство душ и натур, тщательно изучал все редкие материалы о его жизни, привычках, увле-

чениях. Книга получилась своеобразной, непривычной - не монография, не учебное пособие, не научная биография великого ученого, а, пользуясь музыкальной терминологией, - фантазия на тему периодической системы. Это вообще было характерно для стиля письма Евнея Арстановича, который можно было бы определить как историко-научно-художественный. Я же подошел к рукописи с чисто научной меркой, и, естественно, нашел немало вольностей, недопустимых при строгом обосновании той или иной концепции. Сделал пометки на полях, опасаясь, что если в неисправленном виде рукопись пойдет в печать, то эти "огрехи" будут замечены специалистами по периодической системе и истолкованы не в пользу автора. Когда я принес рукопись домой к Евнею Арстановичу и начал перечислять все свои замечания, то против ожидания он вспылил: "Что это за школярские нотации! Рано еще поучать других!". Я просто опешил. В комнату вошла его жена Зубайра Дюйсеновна, спросила испуганно: "Что тут у вас?". Евней Арстанович успокоился, усмехнулся грустно: "Да вот Виталий Павлович взялся редактировать меня, правильно делает - вижу: книга должна быть безупречной, а я ее для наших не шибко толковых студентов писал, хотел увлечь, но получилось - себе хуже...". Тут только до меня дошло, что нельзя даже повода давать для волнений, хотя Евней Арстанович никогда не показывал вида и небрежно говорил о своих недугах, выглядел мощно и уверенно. Обманчиво все это было: и ежедневный бильярд, и непринужденные прогулки с овчаркой Риком по лесочку, рядом с домом, и юмор, и заразительный смех - все до последней минуты...

"НЕСТЬ ПРАВЕДЕН ПРОРОК В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ..."

Не буду касаться тех самых волнительных причин, от которых, несомненно, молча и мужественно страдал известнейший в республике академик, знаю о них только понаслышке, и не мне судить об этом. Но реакцию на все это наблюдал воочию.

Как-то раз зашел он в институт, в нашу лабораторию, потом ко мне в кабинет и скороговоркой сообщил, упомянув меня в третьем лице: "Дела такие, что скоро придется под крышу Виталия Павловича переходить". Немного помолчав и как бы отвечая на мой немой вопрос: "Это вполне серьезно". Я не стал расспрашивать, полагая само собой разумеющимся исполнение любого варианта нашей совместной работы. Но видно было, что он глубоко переживает что-то и не хочет этого обнаруживать. Вскоре появилась небезызвестная статья в молодежной

газете, которую я прочитал - и все понял. Дело сделано было грубо и прямо, как по пословице "Против лома нет приема". Под видом рецензии на литературное произведение Евнея Арстановича началась травля ученого-организатора, смещение с руководящих должностей, запрет на публикацию материалов о нем в средствах массовой информации - весь "джентльменский набор" партийной расправы с неудобными. Но были соблюдены и приличия - предоставлено место старшего научного сотрудника в нашей лаборатории, сохранены партбилет, награды и звания, возможность научных публикаций. В общем, наверное, не так страшно, как в тридцать седьмом, как-никак уже в период "развитого социализма"...

Мои представления о подобных вещах, как я сейчас понимаю, были довольно легкомысленными, и тут меня еще в начале семидесятых годов просветил не кто иной, как Евней Арстанович по случаю, имевшему прямое отношение ко мне. А дело было в том, что я смолоду начал увлекаться философией и обнаружил возможность таких уточнений, которые довольно основательно меняли расхожее понимание социализма и капитализма. Написал рукопись, отправил ее на имя генсека, она вернулась через обком партии, точнее его отдел пропаганды. Был туда вызван, и, поскольку наш диалог ни к чему не привел, создали комиссию под председательством Е. А. Букетова для разбора моих опусов. Он вскоре вызвал меня в кабинет ректора университета и, заведя в смежную комнату отдыха, сказал как можно тихо: "Тут вряд ли прослушивают, но вот что я тебе доложу. Брось ты все это. Если бы раньше такое случилось, тебе - все, конец. Но и теперь наши философы только и рвутся, чтобы кого-нибудь разоблачить, на этом они карьеру делают, а на твои новшества им плевать". Тут он помолчал и, предвидя мое безрассудное желание спорить с комиссией и стараясь успокоить мое самолюбие, сказал еще более мягко: "Сделай это для меня". В то время никакой другой аргумент на меня не подействовал бы, я был как натянутая струна, но этот явно "провокационный" прием меня просто сразил. Я развел руками: "Сдаюсь". Мы улыбнулись, и Евней Арстанович сразу же позвонил известному в Караганде философу, чтобы тот приехал с моей рукописью. Зашедши в кабинет и почтительно поздоровавшись с ректором, философ начал было открывать закладки в моей рукописи, приговаривая: "Тут такое!", но Евней Арстанович сразу взял инициативу в свои руки: "Да нет! Просто обычные наши естественнонаучные суждения с небольшой примесью философии, не стоит акцентировать на этом, он же не специалист, а что касается физики, химии, биологии - тут я не вижу ошибок. Давайте сделаем так: он будет зани-

маться естественно-научной частью, а философию оставит для философов, он с этим согласен. Я кивнул. В обкоме партии с этой резолюцией согласились, и на прощание зав.отделом тов. Сапрыкин пожал мне руку, пожелал успешной работы над докторской диссертацией и озабоченно произнес: "Что-то много сейчас способной молодежи стало заниматься не своими делами". На этом разбирательство закончилось, и теперь мне ясно, что Евней Арстанович спас не только меня, но и мою философскую работу, которая недавно опубликована, получив "зеленый свет" во время горбачевской оттепели. А вот он ее не дождался... Была и другая, не менее важная и хорошо известная мне причина постоянных волнений Евнея Арстановича – его приемный (от брата) сын Рашид. Будучи прирожденным педагогом и большим учителем, Евней Арстанович очень нуждался в своем семейном и духовном преемнике, и всю свою силу любви направил на младшего сына. Уже в детском возрасте возил его всюду с собой, знакомил с известными людьми, объяснял что к чему. Но с каждым годом ему все трудней удавалось найти общий язык с сыном, несмотря на большую взаимную привязанность. Рашид еле-еле окончил школу, с грехом пополам поступил в университет - бросил, призвали в армию - вскоре откомиссовали за непригодностью... У Рашида постепенно обострялась тяжелая болезнь, но Евней Арстанович не мог в это поверить, надеялся мощью своего проверенного дара воспитателя и отцовской любви спасти сына, но все было тщетным. Ежедневные скандалы из-за беспорядка и непослухания вконец подорвали здоровье отца. Зубайра Дюйсеновна как-то с горечью сказала: "Я думаю, Евней Арстанович из-за него не выдержал". А сколько ей самой пришлось перестрадать! Уже после смерти мужа пришла однажды к нам в институт в слезах: "Примите его к себе на работу, нет никаких сил и средств. Болтается целый день по квартире, все ломает, ни с кем не разговаривает". Мы его взяли в свою лабораторию, он проработал несколько лет, пока не вынуждены были направить его в больницу на длительное лечение. Рашид умер, пережив отца на десять лет, еще совсем молодым челове-

Вот судьба! Воистину библейская притча права. За дарованное свыше предназначение пророка, учителя приходится нести тяжкий крест и терновый венец, соблюдая верность своей миссии до конца. Можно поражаться, откуда только взялись силы у тяжело больного человека, изолированного от официальной общественной жизни, со всей страстью с нуля начать крупнейшее, пророческое дело по получению высокотемпературной продукции из низкокачественных казахстанских углей - то самое дело, которое сейчас, почти через 15 лет, записано как одно

из стратегических направлений развития республики! Но миссия пророка еще и в его учениках-апостолах, наследниках учения. У Евнея Арстановича их было немало, но тех, кто активно действует, не так много. Хочу в первую очередь назвать Зейнулла Муллахметовича Муллахметова, ныне академика, но не звания ради, а по конкретным делам по увековечиванию памяти нашего учителя, по достойному продолжению его научно-организаторской деятельности, по элементарным повседневным заботам о его доме и семье. Он уверенно ведет корабль центрально-казахстанской академической науки и, как Евней Арстанович, олицетворяет ее неподвластный времени авторитет. Должен сказать также, что после смерти Евнея Арстановича я постоянно чувствовал заботливое и требовательное отношение к себе, как одному из первых его учеников, со стороны Зейнуллы Муллахметовича в тех непростых ситуациях, с которыми мне приходилось сталкиваться. Что-то делал и я, главным образом, по подготовке докторов наук из тех, кто работал вместе с Евнеем Арстановичем. Особо отмечу Нуралы Султановича Бектурганова, которого наш учитель привел в институт и направил в нашу лабораторию. Он сразу показался мне толковым и умелым, любое дело у него спорилось, чувствовалась какая-то прирожденная ответственность за все, чем бы он ни занимался. Он был старшим в семье, после смерти отца ставил на ноги братьев и сестер, подчас с нелегкой судьбой. В этом он в какой-то мере повторял жизненный путь Евнея Арстановича, но еще больше - в энергичности и активной жизненной позиции. Не отказывался ни от каких нагрузок, которых у него становилось все больше и больше. Теперь Нуралы Султанович помимо заведования лабораторией в нашем институте возглавляет Карагандинское отделение Инженерной академии республики, в которой он является действительным членом, недавно избран членом-корреспондентом Национальной академии наук, назначен заместителем главы нашей областной администрации, где отвечает за науку, образование, культуру, здравоохранение и социальную сферу - в наше время это особо тяжкий крест. Ему всего 45, и он должен успеть серьезно продвинуть то, на что был нацелен Евней Арстанович - поднять роль науки до уровня государственной идеологии, считать ее самым выгодным помещением капитала и гарантом стабильности общества.

Наследию Евнея Арстановича, особенно в части архивных материалов, не дает кануть в вечность его брат Камзабай Арстанович, ставший директором музея Е. А. Букетова при Карагандинском государственном университете его имени. У нас в лаборатории недавно начал работать сын Камзабая Арстановича - Гайса Букетов, который из этого по-

коления Букетовых, пожалуй, единственный, кто твердо решил связать себя с наукой. Он взялся за тяжелую проблему и трудится над ней с интересом, инициативой - дай ему Бог всяческой удачи. Хороших успехов добилась Аксулу - дочь Евнея Арстановича, тем более в такой трудной области, как квантовая химия, став по этой части кандидатом наук, преподавателем университета.

Так что, как бы в свое время ни замалчивалось имя Букетова, оно сохранялось в делах его учеников и родственников. Но стена молчания все-таки рухнула, и произошло это за месяц до всеобщей оттепели, а точнее сказать, ломки, названной перестройкой, по случаю поворотного апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Правда, в Казахстане еще ничего не изменилось. В марте еще была зимняя стужа не только в климатическом, но и политическом отношении. Но именно в марте исполнялось 60 лет со дня рождения Е. А. Букетова, и пропускать это событие незамеченным было просто невозможно, тем более по прошествии уже полутора лет после его смерти - у нас (и в библейской старине) установился чуть ли не привычный порядок своеобразного воскрешения невинно погибших.

Видимо, в предчувствии серьезных перемен редакция "Индустриальной Караганды" решила заказать нашему институту статью о Е. А. Букетове. За два дня до юбилея меня вызвал директор института Д. Н. Абишев и сказал об этом. Я всполошился - всего день-два на такое ответственное дело и после стольких лет молчания, но и обрадовался, даже как-то окрылился. Наверное, это мне помогло успеть все сделать к сроку, и, когда статья была готова, я принес ее Джанторе Нурлановичу, тем более, что я подписал статью его и своей фамилиями. Он внимательно прочитал статью, по обыкновению немногословно сказал что-то одобрительное и добавил: "Может, не надо мою фамилию?". Я ответил, что статью написал от имени учеников, и тут одному быть просто неудобно, к тому же будем подписываться без титулов. Он согласился.

Газета вышла 22 марта, за день до юбилея, с двумя фотографиями Евнея Арстановича - одна на первой странице (анонс), вторая, более крупная, - на третьей странице, с соответствующим по объему текстом. Статья получила большой резонанс, наверное, из-за неожиданности подобной публикации, а может быть, и из-за долгожданности. После этого стало все больше и больше появляться печатных материалов о Евнее Арстановиче, и его имя было впоследствии дважды упомянуто Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым в официальных изданиях - "Казахстанской правде" (5 июля 1988 г.), а затем и в "Правде" (23 фев-

раля 1990 г.) в обобщающем контексте; в частности, говорилось: "Ученые, писатели, которые составляют национальную гордость народа, например, академики К. Сатпаев, Е. Букетов, отодвигались в тень или шельмовались, а на щит поднимались дутые авторитеты". Привожу нашу статью в том виде, как она была послана в редакцию.

УЧЕНЫЙ. ХУДОЖНИК. ГРАЖДАНИН.

Исполняется 60 лет со дня рождения Евнея Арстановича Букетова, действительного члена нашей академии, лауреата Государственной премии СССР, члена Всесоюзной писательской организации, руководителя Химико-металлургического института и Карагандинского государственного университета, человека большого душевного обаяния и авторитета.

До нынешнего юбилея, не столь уж многолетнего, когда о человеке говорят, что он находится в расцвете сил, Евней Арстанович не дожил несколько лет. Столь безвременный уход и в самом деле оборвал жизнь, наполненную до самых последних дней творческой активностью, юношески дерзкими начинаниями и кропотливой работой мастера в таких, казалось бы, отдаленных областях, как химические и технические науки и художественная проза.

Значительно литературное наследие Евнея Арстановича. Девять научных монографий, более двухсот статей, около 70 авторских свидетельств СССР и зарубежных патентов. Рядом с ними десятки газетных статей в республиканской и областной печати на русском и казахском языках, журнальные очерки, повесть, переводы известных писателей и классиков советской и мировой литературы. А сколько осталось еще неизданного - в законченных рукописях и набросках!

Благодаря Ираклию Андроникову у нас утвердился жанр устной художественной прозы. Очень близок к этому жанру был и ораторский талант Евнея Арстановича, умевшего увлечь рассказом или разговором любую аудиторию, вызвать в ней глубинный интерес обращением к национальному прошлому, к истории русского и казахского народов, их выдающихся сынов. Он мог говорить очень просто о самых сложных вещах в науке и культуре, каждый раз так или иначе выводя их из понятных человеческих мотивов, из различных перипетий человеческой судьбы, которыми полна наша жизнь. Для него человеческое и научное, тем более художественное, было чем-то органически единым и неделимым. Наверное, поэтому он обладал даром разглядеть челове-

ка сразу, по первому взгляду и разговору, увидеть в нем главное, хорошее и плохое. В таких разговорах Евней Арстанович непременно интересовался родителями, родными местами. Может быть, ему хотелось узнать не столько о происхождении, сколько об отношении к родителям и родным местам, то самое главное, без чего не состояться ни ученому, ни художнику, ни гражданину.

Последуем и мы примеру Евнея Арстановича и послушаем, что он рассказывает о себе в автобиографии.

"Родился 23 марта 1925 года в ауле Баганаты Октябрьского района - Северо-Казахстанской области в семье крестьянина - скотоводасередняка Букетова Арстана. Начал учиться в 1932 году в Макушинском зерносовхозе Челябинской (ныне Курганской) области, где отец работал чернорабочим, переехав с родных мест во время недорода. В 1938 году родители вернулись в отчие места, где отец вступил в сельхозартель "Красная планета" (село Двойники) Октябрьского района. Я продолжал учебу в селе Марьевка - райцентре. В 1941 году после окончания 9 классов вынужден был в связи с болезнью отца оставить учебу и поступить на работу. Работал учителем начальных и неполносредних школ в аулах Соунал и Жалтырь, в селах Двойники и Городецк Октябрьского района. В 1942 году скончался отец, на мое иждивение перешли мать и четыре брата (моложе меня). В 1945 году экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости в Марьевской средней школе и приехал в Алма-Ату, где окончил в 1950 году металлургический факультет Казахского горно-металлургического института (КазГМИ). До 1954 года учился в аспирантуре при этом же институте, в июле 1954 года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. С февраля 1954 года работал ассистентом, а с сентября 1956 года - доцентом кафедры металлургии легких и редких металлов КазГМИ. С августа 1958 года по февраль 1960 года работал заместителем директора КазГМИ по учебной работе. С февраля 1960 года по март 1972 года работал директором Химико-металлургического института АН КазССР, с марта 1972 года по январь 1979 года - ректором Карагандинского государственного университета. С января 1979 года по настоящее время работаю старшим научным сотрудником ХМИ АН КазССР. В 1967 году мне присвоены ученая степень доктора технических наук, ученое звание профессора. В 1970 году избран членом-корреспондентом АН КазССР, в 1975 году - академиком АН КазССР. В 1969 году удостоен Государственной премии СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате. В 1971 году при-

нят в ряды Союза писателей СССР. В рядах ВЛКСМ состоял с 1939 года по 1947 год. С 1947 года по 1949 год являлся кандидатом в члены КПСС, а с декабря 1949 года - член КПСС. Семья: жена, две дочери, два сына". Подпись. Дата - 5 февраля 1980 года.

В этих скупых словах о своей жизни - судьба ученого - выходца из народной гущи, с малых лет привыкшего к трудностям, к их постоянному преодолению. Невольно возникает вопрос - каким же образом молодой человек, обремененный каждодневными заботами о пропитании семьи в шесть человек, вдруг решил оставить твердый заработок и уехать на долгую учебу? Кончалась война, во всем чувствовалось приближение перемен, но эти перемены исходили пока что не от самого кормильца. Вот как описывает этот решающий момент Евней Арстанович в своих "Записках научного работника".

"... Мать внимательно посмотрела на меня своими зеленоватыми глазами, потом закрыла их. Она всегда делала так, когда хотела сказать что-то серьезное и заветное.

- Сынок, тебе надо учиться. Отец так хотел, чтобы ты учился, но у него не хватило сил, да и война началась... А теперь наши победили, жизнь будет хорошей, и ты должен учиться. Аллах в этом тебе поможет.

- Ты что, Умсун, с аллахом об этом сама договорилась? Учиться еще успеем, надо хозяйство наладить, братишек одеть, может, выздоровею, на фронт успею, - сказал я тоном старшего, чуть насмешливо и наизда-тельно. Этот мой тон и обращение по имени было привычно для нее, ибо я не считал себя ее сыном, поскольку в раннем детстве рос на руках у бабушки, и это она научила меня такому обращению с матерью. Мать еще ниже склонилась над шитьем, я же, считая разговор законченным, начал было натягивать сапоги, но заметил, что мать снова выпрямилась и опять закрыла глаза, что означало продолжение разговора.

- Послушай, сын мой! - сказала она, и в ее голосе я услышал новую для меня властность и твердость. - Я теперь тебе и отец, и мать. Это моя воля. Ты о нас не беспокойся, наша власть недаром победила, и она никому не даст ни голодать, ни умереть. И отец всегда говорил, что наша власть любит тех, кто учится.

И мать, как ни в чем не бывало, снова взялась за шитье. Я отбросил сапоги в сторону и почувствовал, что это говорит не тетя Умсун, а моя мать, которая ни разу не напомнила мне о том, что это она выносила меня, выкормила молоком своей груди и всю жизнь души не чаяла в заботах обо мне, как это не однажды можно было слышать от других

матерей. Я понял, что к этим ее словам надо отнестись серьезно и вдумчиво".

Этот мастерски написанный эпизод раскрывает нам не только конкретные мотивы решающей перемены в судьбе Евнея Арстановича и не только прекрасную душу взрастивших его родителей - плоть от плоти своего народа, но и рождение важнейшей черты в характере самого Евнея Арстановича - умения увидеть в обычном человеке что-то новое, неожиданное, перенять это новое для себя, сделать постоянной потребностью. Не будь этого - не бывать у него шестидесяти учеников - кандидатов и докторов наук, не накопиться широчайшей эрудиции от общения с удивляющими его людьми.

В годы учебы в Алма-Ате такими очень разными и удивительными людьми были для Евнея Арстановича профессор Стендер и Пономарев, которым он посвятил многие страницы своих художественных мемуаров, увековечив их, по признанию многих хорошо знавших этих выдающихся ученых, живым, точным и глубоким изображением. О себе же он пишет беспощадно самокритически, называя себя "легкомысленным молодым человеком", "бесхарактерным", "безнадежным", "бестолковым", "неотесанным парнем". Необходимость огранки человеческого характера, способностей, таланта пришла к Евнею Арстановичу прежде всего на собственном жизненном опыте и стала убеждением, больше того - мировоззрением. Это мировоззрение предполагает коллективистский характер творчества, работы, вообще отношений между людьми. Евней Арстанович год от года становился все большим коллективистом, душой коллектива, и в этом смысле подлинным коммунистом, притягивающим к себе сердца окружающих его людей. Вот как он пишет о пути человека в науке.

"Есть, говорят, в науке люди, которые самостоятельно пробивают себе дорогу, не зная, что такое ученичество. Они никому не бывают обязаны, и поэтому наслаждаются эдакой гордой независимостью, сладчайшим результатом опоры лишь на собственные силы. Я, честно говоря, не очень верю, что такие люди в научном мире существуют. Пример чиновника патентной конторы, не общавшегося с научным миром и тем не менее открывшего теорию относительности, я думаю, совершенно нетипичен для современной науки не только потому, что этим чиновником являлся сам Эйнштейн, но и потому, что темпы научно-технической революции ныне не позволяют обходиться без тесной преемственности поколений в развитии научных изысканий. Я знаю нескольких моих коллег, кичащихся своей чуть ли не врожденной самостийностью, своей якобы лично выработанной творческой инди-

видуальностью, и подозреваю, что все это на самом деле не что иное, как черная неблагодарность. У любого человека в жизни, чаще в молодости, вероятно, бывает период, когда он склонен переоценивать свои достоинства и свои личные достижения; именно эта переоценка приводит к умалению роли тех, кто так или иначе способствовал твоему продвижению вперед. Хорошо, что такая склонность у подавляющего большинства людей проходит с возрастом, оставаясь жалким и обманчивым уделом лишь немногих. У меня тоже были такие периоды жизни, и мне приятно теперь оттого, что эта ребяческая гордыня за лично содеянное осталась позади, во всяком случае, в большей своей части".

Вот так, отсекая все лишнее, сама наша действительность создавала тот рельефный образ, ту внушительную фигуру, которая казалась существующей изначально и воспринималась подчас чистым самородком. Журналисты Б. Ибраев и Б. Петров в очерке "Норма конфликтности пишут: "В Букетове мы с радостью находим сатпаевский размах, энциклопедическую широту знаний. Редкостное удовольствие - неспешно беседовать с ним на свободные темы". Писатель Сергей Никитин: "...он дал мне почитать несколько первых главок своей только что начатой на русском языке рукописи - биографию Каныша Сатпаева. Пятьдесят страниц буквально проглотил. Свообразный поэтический синтаксис, неожиданные инверсии, смелые метафоры... Казалось, что две языковые культуры - казахская и русская - громогласно заявляют о своем родстве. А языки-то совсем разные. Живой материал для серьезных и поучительных исследований, и не только литературоведческих". Эти высказывания журналистов и писателя относятся к 1976 году, когда Евней Арстанович находился уже, как он сам говорил, в дантовском - полувековом - возрасте. О том, как непросто складывалась глубокая простота его научных и художественных произведений, свидетельствует и тот факт, что первая газетная статья "О переводах на казахский язык произведений Маяковского" вышла в возрасте 28 лет, а первая научная публикация - о кобальте - и того позже - в 32 года! Подробный разбор всего творческого наследия Евнея Арстановича действительно должен представлять собой большую тему для серьезных и поучительных исследований. По крайней мере, нам, научным работникам, сотрудникам Евнея Арстановича по Химико-металлургическому институту, пока еще трудно проанализировать область его научных и научно-организационных интересов во всех сложных их взаимосвязях. "Большое видится на расстоянии", и нам, потеврявшим своего учителя полтора года назад, многое из его замыслов и обобщений до конца неведомо. Сейчас можно попытаться дать лишь

какие-то наметки в подобных исследованиях, наверняка самые приближенные, но по крайней мере лучшие в сравнении с простым перечнем работ.

Кандидатская диссертация Евнея Арстановича была посвящена молибдену. Важное место в ней отводилось разработке методики химического анализа. Так вот, несмотря на то, что конкретные методы извлечения молибдена и химического анализа в дальнейшем не получили развития и тематика по тиомолибденовым растворам была исчерпана диссертацией, которую сам автор называл рядовой, интерес к молибдену и химическим анализам вообще у Евнея Арстановича постоянно усиливался. Так, в его лаборатории были начаты работы по освоению шахтного обжига, однако первый объект для этого процесса – вольфрамитовые концентраты - оказался трудноподходящим, и работы могли зайти в тупик. Евней Арстанович предложил несколько других объектов и в числе их молибденитовые концентраты, с которыми он когда-то работал. Дело пошло, была написана кандидатская диссертация одним из его учеников - Меклером, затем процесс был внедрен на Балхашском горно-металлургическом комбинате. В это же время в институте интенсивно развивался метод термомагнитного обогащения пиритсодержащих материалов. Основная цель заключалась в решении проблемы переработки многомиллионных отходов черной и цветной металлургии. Но сразу показать преимущества нового метода на этих отходах было затруднительно из-за необходимости строительства мощной опытной установки. Это затруднение остается и сейчас, являя собой пример плохой координации науки и производства, неумелого хозяйствования. Но тогда важно было как-то продемонстрировать реальные возможности термомагнитного обогащения, и снова с легкой руки Евнея Арстановича вырубил молибденовый материал с большим содержанием пирита. По этой тематике ныне защищено несколько кандидатских и докторская диссертации, получено 14 патентов США, Канады, Австралии, Швеции, ФРГ, написаны десятки научных статей и монография. Точно так же прививался у последователей Евнея Арстановича вкус к химико-аналитическим вопросам, и из множества защищенных диссертаций редкая обходилась без оригинальных методик химического анализа, а часть из них была целиком посвящена аналитической химии. Здесь просматривается стиль работы Евнея Арстановича - усиление и приумножение знаний на основе ранее достигнутого с возвратом на другом уровне развития и обобщения. Только такой путь мог обеспечить качественный рост и коллектива, и его руководителя за сравнительно короткий срок.

Являясь учениками Евнея Арстановича, мы занимались множеством, как нам казалось, различных задач в области химии и металлургии. Особенно бурно развивались исследования по сере, селену, теллуру, мышьяку. Мы делили себя на "мышьячников", и "селенщиков", на "гидриков" и "пириков", на химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был един во всех этих лицах. Именно он объединил все эти достаточно самостоятельные направления в одно мощное, дав ему по-менделеевски глубокое имя "Химия и технология халькогенов и халькогенидов". В следующем году (1986-м. В.М.) состоится третье Всесоюзное совещание по этой проблематике здесь, в Караганде, которая избрана постоянным местом их проведения. Такой чести удостоивается лишь организация, признанная не только инициатором, но и лидером в данной области знаний, и это в полной мере относилось к самому Евнею Арстановичу - председателю двух предыдущих совещаний.

Страсть к обобщениям становилась все усиливающейся и заметной чертой Евнея Арстановича. Это проявлялось в интересе к биографиям выдающихся ученых - основателей новых областей знания и организаторов науки, таких, как Менделеев, Резерфорд, Капица, Сагпаев, Валиханов. Не простом интересе, а творческом, таком, что "рука влечет к перу, перо - к бумаге". Но прежде всего эта страсть выражалась в научных обобщениях на первый взгляд разрозненных институтских разработок. Помимо уже упомянутого направления по халькогенам и халькогенидам Евней Арстанович выступил в научной печати с объединением новых приемов обработки материалов, которые нельзя назвать ни металлургическими, ни химическими, ни тем более обогащательными, а сразу всеми вместе.

Начало этому обобщению положили работы по термомагнитному обогащению пиритсодержащих материалов. Пирит - ненужный в цветной металлургии минерал железа и серы - выводился не в конечной стадии процесса, причем уже в сильно измененном состоянии, как это было принято в традиционной технологии, а в самом начале, чем обеспечивалась последующая сильно облегченная переработка сырья. При этом малопригодные, бедные полиметаллические концентраты становились богаче по основным металлам, уменьшались их потери. Другое, вроде бы непохожее на только что названное направление обработки материалов, заключалось в том, что из бедных концентратов выводился ненужный кварц путем растворения его в щелочном растворе при повышенных температурах и давлении. Общей же была та замеченная Евнеем Арстановичем особенность, что кварц, как и пирит,

выводили в начале процесса, тем самым снимая проблему отделения его при плавке переводом в шлак - постоянный и многотоннажный отброс металлургического производства. В обоих случаях возможный экономический эффект выражался в десятках миллионов рублей, решались безысходные, казалось бы, экологические проблемы. Третье направление вообще не относилось к цветной металлургии, поскольку речь шла об использовании бедных марганцевых руд и высокозольного кокса. Их совместная электроплавка давала комплексный сплав железа, кремния, алюминия, в шлак же не переходило ничего - все шло в дело, почти как в случае предварительного обескремнивания медных концентратов. В целом эти три направления были названы термохимическим обогащением полезных ископаемых. Сейчас к нему прикнуло еще одно, очень перспективное направление гидротермального сульфидирования окисленных руд, которое позволило принципиально решить труднейшую проблему комплексного и эффективного освоения медных руд Удокана - самого мощного месторождения на БАМе. Ныне термохимическое обогащение настолько сформировалось как самостоятельное направление, что по нему можно проводить самостоятельные всесоюзные совещания.

Но жажда серьезных и неожиданных обобщений, так нужных и так ожидаемых от академической науки, этими двумя крупными ответвлениями институтской тематики для Евнея Арстановича не была утолена. Всех нас поразило сравнительно недавнее его предложение объединить и тем самым решить проблемы углехимии, органического синтеза и металлургии. Недаром, значит, в Химико-металлургический институт ранее входил отдел органической химии, который сейчас выделился в Институт органического синтеза и углехимии. Не раз высказывались замечания о разнопрофильности тематики института, в разобренности исследований. Так на самом деле и было, но не для Евнея Арстановича. Его предложение состояло в получении и применении ферросплавов для ожигания угля в среде, в которой щелочные и амфотерные металлы выделяют атомарный водород, сразу же вступающий в реакцию гидрогенизации угля. Из подобного продукта - искусственной нефти - в дальнейшем можно получить моторные топлива и другие вещества. Возможен другой путь: через жидкий ферросплав продувается водяной пар, при этом выделяется водород, который можно направить на взаимодействие с чистой окисью углерода, получающейся в ферросплавной рудотермической печи. Окисленные металлы в виде шлака возвращаются на получение ферросплава и, таким образом, источником органического синтеза многих видов материала становятся всего лишь низко-

качественный высокозольный кокс и вода. Здесь Евнеем Арстановичем достигнута, по-видимому, вершина смелости и гибкости в обобщении и решении сложных проблем. И это были не абстрактные парения ума, а конкретно нацеленные поиски, полные энергии и внимания ко всем деталям. Вот какую записку написал Евней Арстанович на имя начальника Карагандаглавснаба А. Н. Никонова за три дня до своей смерти: "Дорогой Анатолий Сергеевич, воспомоществуй, христа ради, насосами высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна. Премногим обязанный твоему вниманию, Е. А. Букетов, 10 декабря 1983".

Этот, вероятно, последний документ в своей жизни оставил не химик, не металлург, не угольщик, и даже не писатель при всем том, что есть неповторимо букетовское в записке. Ее автор - патриот, влюбленный в землю, которая взрастила его. Это чувство настолько для него естественно и органично, что даже в таком серьезнейшем журнале, как "Вестник Академии наук СССР", в такой сугубо специальной статье с названием "Использование минеральных ресурсов Центрального Казахстана" редакция оставила строки, полные сдержанной поэзии и восхищения своим краем: "Казахи издревле называли эти места "Сары-Арка" ("желтая спина"). От Иртышской равнины до гор Улутау и Тургайской ложбины с востока на запад и от Ишима до Балхаша с севера на юг простирается обширная плоская возвышенность Сары-Арка. Эта "лучшая в мире степь", как называли ее местные акыны, сказочно богата полезными ископаемыми. Сами древние названия местностей говорят об этом с мудростью необыкновенной. В путевых тетрадах первого геолога Казахстана, будущего президента Академии наук Казахской ССР Каныша Имантаевича Сатпаева встречаются такие записи: "Мын-Шункур". Тысяча ям. Значит, здесь когда-то были древние выработки. Выяснить!". "Кара-тас" - черный камень; "Кок-тас" - синий камень. Можно предположить - там существует медь", "Алтын-Талкан" - напоминает о золоте. И часто не зря!", "Джезказган". Значит - место добычи меди. Точное название!"

Такое вступление невольно располагает к ответственному отношению к рассматриваемым проблемам, потому что они оказываются не только геологическими, металлургическими и экологическими, но и национальными, касающимися истории целого народа. Евней Арстанович Букетов олицетворял собою весь Центральный Казахстан, и таким он остался в нашей памяти.

Возвращаясь к истокам становления личности Евнея Арстановича, к тому удивлению и интересу, которые вызывали у него окружающие

его люди, хотелось бы закончить свои заметки о нем словами Евгения Евтушенко:

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы, как истории планет
У каждой все особое, свое
И нет планет, похожих на нее...
Да, остаются книги и мосты,
Машины и художников холсты;
Да, многому остаться суждено,
Но что-то ведь уходит все равно.
Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных...
А что мы знаем, в сущности, о них?
Что знаем мы про братьев, про друзей?
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная все, не знаем ничего.
Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать...

Как никто другой, Евней Арстанович понимал неповторимость, драгоценную единственность каждого из нас, которую нужно раскрывать и оберегать вопреки, быть может, нашим же сиюминутным увлечениям и желаниям. И как никто другой заслужил искреннюю любовь и память всех, кто долго или недолго был рядом с ним.

...Эти заметки были написаны 10 лет назад. За это время изданы книги Евнея Арстановича, опубликованы многие материалы о нем, прошли две всесоюзные и готовится первая международная конференция по химии и технологии халькогенов и халькогенидов. Последняя из них посвящена 70-летию основателя этих форумов, которые в дальнейшем, очевидно, будут постоянно проходить в юбилейные годы Евнея Арстановича, раз в пять лет, в мартовские предвесенние для Караганды дни. Время прочно утвердило исторический авторитет Евнея Арстановича, и отблеск его судьбы будет еще долго заметен в многоцветном спектре событий нашего беспокойного бытия. Этот отблеск запечатлелся и на тех, кто непосредственно окружал и сталкивался с Евнеем Арстановичем, по-разному высвечивая в них то, что обычно

остается в тени. У одних это апостольская верность и служение делу Букетова с полной выкладкой сил, у других - патологическая зависть или нескончаемое пустословие, равноценные известной миссии Иуды. Большинство же причастившихся к судьбе идей и личности Евнея Арстановича пропитались главным их целебным достоинством - пониманием подлинного, глубинного единства человеческих натур, имея чему - интернационализм. В этой связи хотелось бы поделиться с читателем своим отношением к одному взбудоражившему нашу культуру событию - бесстрашному интернационалистическому анализу "Слова о полку Игореве" - канонического русского литературного источника, на что решился казахский поэт Олжас Сулейменов, виртуозно владеющий русским языком. Мы с Евнеем Арстановичем практически одновременно прочитали книгу "Аз и Я", и когда я высказал свое восторженное отношение к ней, то мой мудрый учитель как-то горестно усмехнулся: "Книгу будут ругать". - "За что?" - "Найдут, за что. За название, хотя бы". Действительно, тучи над книгой и головой поэта так сильно ступились, что по-настоящему не разошлись и до сих пор, по крайней мере, над российской территорией. Уже после смерти Евнея Арстановича, чувствуя внутреннюю потребность и долг перед его памятью, я подготовил полемическую статью, где попытался с более общих позиций, которые поощрял мой учитель, вмешаться в затянувшийся спор. Посылал статью сначала в союзные, потом в наши республиканские издания - везде одно и то же: материал интересный, но... точки над «i» уже поставлены. По совету писателя Жаика Кагеновича Бектурова послал статью даже Г. Колбину, бывшему секретарю ЦК Компартии Казахстана, чтобы хоть как-то оградить опального поэта от дальнейшего нагнетания страстей. В нейтральном ответе содержалась просьба при возможной публикации рукописи не упоминать его имени в контексте полемики.

Сейчас, в суверенном Казахстане, расставлены другие точки над теми же i, но от этого гражданская позиция в поднятой проблеме ничуть не упростилась. Поэт и гражданин Олжас Сулейменов видит будущее Казахстана и планеты гораздо шире суверенных рамок, сродни тому видению, которое было естественным для Евнея Арстановича и решительным образом повлияло на мою позицию в этом деликатнейшем вопросе.

Привожу ее в том виде, в каком она была представлена в различных инстанциях, в последнем ее варианте.

"АЗ И Я" ГЛАЗАМИ ЕСТЕСТВЕННИКА

Прочитал и перечитал недавнее интервью Олжаса Сулейменова корреспонденту "Правды" Г. Дильдяеву (от 27 января 1989 г.) и вновь вернулся к не раз отложенному по разным причинам материалу о нашем национальном поэте. Посылал статью и туда, откуда неслись громы и молнии на его восприимчивую к пространству-времени голову, и в менее испепеляющие, как мне казалось, очаги литературы - но получал отказ по тем или иным "объективным" обстоятельствам, в числе которых называлась и опасность навредить себе из-за резкости формулировок.

Не знаю, не знаю. Да, конечно, грубость недопустима, но валить чуть ли не окаменевшее древо застоя инструментом с тупыми зубьями?

Чтобы не впасть в крайности, выбираю несколько эпический тон - ведь предмет не столько полемический, сколько уже ставший наполовину историческим. К тому же он выносится на волну более широкого потока вопросов современного бытия, входящего постепенно в устойчивое русло: кто мы, с кем и за что боремся?

Сказать - за гармонизацию отношений - значит усложнить вопрос во сто крат, ибо что же такое гармония?..

С Олжасом Сулейменовым я не знаком. Хотя возможность встретиться с ним была еще в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов, когда я только что по окончании института приехал на работу в Караганду и мой молодой коллега - Арарат Машанов страстно декламировал стихи нового для меня поэта, упиваясь сравнением девичьих кос с бурливыми арыками. В эти годы Олжас был в нашем городе и Арьяка встречал его в парке. В семидесятых я мог познакомиться с ним через моего учителя, члена нашей республиканской академии - Евнея Арстановича Букетова. Авторитетный химик и металлург, он был еще и писателем, одинаково хорошо владеющим русским и казахским литературными языками. В его библиотеке были книги с автографами поэта, и, как выяснилось, писателям довелось встречаться на карагандинской земле. Еще одна возможность познакомиться с Олжасом Сулейменовым была связана с его приездом к нам в начале восьмидесятых годов для встречи с избирателями. Какая-то случайность помешала мне присутствовать на этой встрече. Наконец, в самое последнее время, будучи в Алма-Ате с моим товарищем по работе Нурланом Бектургановым на международной выставке Цветмет-87, мы при содействии однокашника Олжаса Сулейменова - Рустема Турсунбаева оказались в гостинице буквально в двух шагах от дачи Олжаса, и только

пребывание в больнице избавило его от нашего неминуемого вторжения с заранее заготовленным целительным кумысом. Видимо, жизнь складывается так, что познакомиться с этим интересным человеком мне, скорее всего, не придется.

Должен также заметить, что я не отношусь к восторженным поклонникам поэзии Олжаса Сулейменова. Изобильная и сочная, как бешбармак, она, оставляет сильное впечатление, но тяжела для постоянного приятия. Разумеется, то же можно сказать и о любой другой очень хорошей поэзии, что возводит любимое национальное блюдо в ранг эталона высокого искусства. Если копнуть глубже, то выяснится, что причина моей сдержанности - в безнадежном естественно-научном складе натуры, о чем как-то раз прямо сказал Евней Арстанович в беседе с одним из литераторов. Я это принял с легкой обидой, но и не без гордости.

Однако не много ли для вступления одних только "не"? Совсем как в известном диалоге Ширвиндта с Державиным: не снимался ни в том, ни в этом фильме, ни у того, ни у этого режиссера, ни с тем, ни с этим актером. Чем и знаменит. Правда, в такой известности, как и во всем диалоге, истинно комичном, столько скрытой грусти, сколько бывает в доподлинной жизни. Откуда же эта грустинка? Да от потерянного времени. Впрочем, разве бывает непотерянное время, если оно необратимо? И не горше ли тому, кто был продолжительно удачлив и оставил свои лучшие мгновения в прошлом? Вообще, знаете ли вы, что такое время? Нет, вы не знаете, что это такое.

У многих сейчас на столе книга лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина и его коллеги Изабеллы Стенгерс "Порядок из хаоса". Она о сложнейшей природе времени. Профессионально эта проблема разобрана тем же И. Пригожиным в более ранней монографии "От существующего к возникающему", которая завораживает уже самим названием. Так вот, время необратимо только потому, что во всем сущем есть случайность. В какой мере наш мир случаен, в такой - необратим. Повсюду мы, как и любые природные образования, от малых до больших, находимся в ситуациях выбора. Налево или направо. Быть или не быть. И если мы пойдём направо, то мы уже не вернем ту ситуацию выбора, из которой можно было пойти налево, потому что мир успел за это время решить бесчисленное множество подобных же вопросов в неповторимой комбинации исходов и чуть-чуть, но необратимо изменился. Причем, изменился определенно: каждый может сказать - я был таким, а стал этаким. Это создает иллюзию полной определенности бытия, строгой детерминированности истории и времени. И порождает, к со-

жалению, классическое заблуждение: после этого, значит, поэтому. Хочется объяснить все строгой последовательностью и предначертанностью событий, действительно выстроенных в четкий ряд, как в автобиографии. Но необратимость этого ряда служит лучшим доказательством его случайности, крайне малой вероятности, из-за которой сейчас ни сама по себе, ни в пробирках ученых нигде не возникает жизнь. Конечно, время нельзя понимать как нагромождение случайностей. В нем есть место и для строгой закономерности существующего, которая разрывается неопределенностью возникающего.

Соблазн чистой определенности приводит к трактовке причин исторических событий только в однозначной утвердительной форме. Жестко детерминированное мышление вырабатывает психологию дакания и поддакивания. Всякие там "нет" или "не" просто отбрасываются. Величие и грандиозность нынешней перестройки, как мне кажется, состоят не столько в непредвзятом осознании реальностей нашего времени, сколько в новом ощущении самого времени. Пусть это ощущение во многом интуитивно, но оно необратимо. По-старому жить нельзя.

Появившаяся в середине семидесятых годов "Аз и Я" Олжаса Сулейменова поразила меня каким-то новым пафосом "не". Это не маяковское "долой ваше искусство, долой вашу любовь", но предтеческое - долой монополию на оценку любых событий, от какого бы важного лица она ни исходила. На первый взгляд, в книге защищалось всего лишь право поэта вслушиваться в историю, говорящую его же образным языком и привычно резонирующими русскими и тюркскими звучаниями в древнеколокольном "Слове о полку Игореве" и других источниках. Вместе с тем защищалось и право на версию, и право на отрицание единственной трактовки, и право на ошибку, в конце концов. За всем этим просматривалась вероятностная подоплека. Она не была выражена в виде четкой позиции, и более того - поэт иногда "заносило" в критике альтернативных версий. Правда, в конце книги он пишет: "Я увидел, что сам не избежал того, против чего воюю, ратую за объективность в оценке Времени, преувеличивал Момент". Здесь выражено глубокое понимание сути дела, хотя трудно согласиться с возможностью преувеличения момента: его неисчерпаемое разнообразие до сих пор как следует не оценено. Но главное было сказано уже в аннотации: история глазами поэта. Поэтическая версия истории должна разрабатываться наравне с любыми иными. Во имя чего? Только ли ввиду объективной неоднозначности мотивировок исторических событий, их вероятностной природы? Представляется, не только. Поэтическая

трактовка дает возможность постигать и открывать новые моральные ценности.

Хорошо известно, что Пушкин в "Борисе Годунове" опирался не на достоверный факт убиения царевича Борисом, а на версию. А "Моцарт и Сальери"? Так ли уж важно, отравил один другого или нет, чтобы высветить острым поэтическим зрением на материале вероятного события новые и с тех пор непреходящие моральные ценности? "...Нет правды на земле. Но правды нет - и выше". Каково? Послушайте это в прозрачной транскрипции ведерниковского баса, и вы почувствуете, что живете именно во второй половине нашего века. И самое главное: "Гений и злодейство - две вещи несовместные". Все это на порядок выше обывательской сенсации с возможным отравлением Моцарта. Известны многочисленные гипотезы о смерти гения, а что касается Сальери, то, будучи учителем Листа и многих других выдающихся музыкантов, он никак не мог быть злодеем. Зная все это, никто не спешит запретить пьесу и спектакль.

Было бы нелепо также относиться к "Слову о полку Игореве" как к строгому историческому труду и искать документальное обоснование каждой его буквы. Разве создатель "Слова" не был поэтом? Значит, и ему ничто поэтическое не было чуждым. Зачем же тогда канонизировать историческую версию этой поэмы и трепать за уши тех, кто вслушивается в звуковой строй "Слова" и ищет ответа в интернациональных культурных тенденциях?

Критика, обрушившаяся на Олжаса Сулейменова, была гегемонистской по своей сути, и что хуже всего - была великоросским окриком на законную попытку приобщения казахского национального самосознания к мировым шедеврам и загадкам древней письменности и языка. Уверен, убежден, знаю: этот окрик, уловленный остро направленными антеннами юных душ, внес свою черную лепту в постепенную подготовку известных событий в Алма-Ате, и не только там, но и у нас в индустриальной Караганде и в других крупных городах Казахстана.

Не берусь оспаривать указания на исторические неточности в книге О. Сулейменова. Они, несомненно, есть. Но "Аз и Я" - произведение в первую очередь поэтическое, о чем говорят само название, авторская позиция и его художественная натура. Если так, то мы вправе спрашивать с автора не за скрупулезное последование исторического материала, а за новые моральные ценности. Есть ли они в "Аз и Я"?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся еще к одному примеру из истории литературы, более непосредственно относящемуся к проблеме поэтического восприятия старины. Известнейший собира-

тель русских народных сказок А. Н. Афанасьев в свое время (1865-1869 годы) выпустил трехтомный труд "Поэтические воззрения славян на природу". Современники приняли его далеко не безоговорочно. Но вот что говорит по этому поводу В.П. Антипин в предисловии к самому недавнему выпуску "Народных русских сказок. Из сборника А.Н. Афанасьева" (Москва, 1983): "Можно не соглашаться с частью толкований, но нельзя отказать Афанасьеву в широте поэтических ассоциаций, в чутке к образному смыслу народных слов. В исследователе брал верх поэт, сделавший своим орудием интуицию: ученые толкования перемежались с художественным. Вот этим и привлекал художников Афанасьев - слогом, догадками, смелыми сближениями. Из всех специальных книг это едва ли не самая поэтическая книга".

Сказано, как будто об "Аз и Я" Олжаса Сулейменова. Но не дай бог так же поздно, как об Афанасьеве, - через 109 лет после его смерти! В.П. Антипин пишет: "Жизненные удары сделали свое дело - Афанасьев тяжело заболел без надежды на выздоровление". Умер он 45 лет от роду. Причем, нападкам подвергались и другие основные его труды, в особенности же "Народные русские легенды". Обер-прокурор святейшего синода граф А. П. Толстой опротестовал издание сборника и в письме к министру просвещения Е.П. Ковалевскому требовал "охранить религию и нравственность от печатного кощунства и поругания" (цитирую по В. П. Антипину). Да, несомненно, все дело в новых моральных ценностях, которые во все времена воспринимаются с наибольшим трудом.

Мы уже упоминали о новом, конструктивном пафосе "не", прозвучавшем так, как сейчас, после некоторой ломки психологии получается почти у каждого. Конечно, это заслуга не только Олжаса Сулейменова, но он был здесь одним из первых. Более существенно другое - это вывод поэта о несомненном двуязычии автора "Слова о полку Игореве". Причем эта особенность понимается не как неизбежное следствие погружения в двуязычную среду, а как свидетельство культуры межнационального общения даже в те далеко не лучшие времена, породившие великую поэму. Обсуждая особенно насыщенное тюркизмами "темное" место "Слова", автор "Аз и Я" замечает: "Двуязычный читатель XII века иначе понимал содержание сна Святослава, чем моноязычный, читатель ХУШ-го и последующих". Это уже прямой - и справедливый! - упрек нам, читателям XX века, проживающим в тюркоязычной социалистической республике и в самой просвещенной стране. И если сейчас (в 1987 г. - В. М.) первый, секретарь Коммунистической партии Казахстана шестидесятилетний Геннадий Васильевич

Колбин штудирует казахский язык и доверительно обещает своим юным казахским собеседникам выучить его за год, как это удалось ему сделать с грузинским языком во время пребывания на партийной работе в Грузии; если сейчас по всему Казахстану разворачивается целенаправленная деятельность партийных, советских и общественных организаций по воспитанию подлинной русско-казахской культуры с непременным усвоением двух братских языков, то значение высказанной Олжасом Сулейменовым этической нормы более чем серьезно.

Говорить об этой норме в середине семидесятых годов было, безусловно, нелегко. Великодержавная парадность - с одной стороны, скрытный национализм - с другой, позволяли касаться привычной темы в отчетах и на банкетах только в фальшиво-беспечном тоне. Понастоящему действующих интернационалистов в те годы в Казахстане, пожалуй, было только два: Олжас Сулейменов и Евней Букетов (таково его литературное имя). О работе первого из них в этом направлении хорошо известно. Что касается Е. А. Букетова, то его писательская деятельность не была столь многотиражной и в основном ограничивалась республиканскими изданиями. Тем не менее такие значительные вещи, как "Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники" ("Знамя", 1972, N 8), "Время светлой судьбы" ("Простор", 1978, N 8, 9) и другие, получили широкую известность благодаря живому изображению взаимного притяжения казахской и русской культур, прежде всего в области образования, высшей школы и науки. В этом смысле можно говорить о том, что "двойная тяга" интернационального груза проблем Олжасом Сулейменовым и Евнеем Букетовым была достаточно всеохватной. Как ни странно, в сущности именно за это им и попало. Одному - из Москвы, другому - из Алма-Аты. Таким вот образом сошлись великоросская амбиция и скрытный национализм.

Корни этого опасного единства в непомерном честолюбии, подобном тому, что погнало князя Игоря в половецкие степи за славой и властью. И поражение его весьма символично. В связи с этим Олжас Сулейменов определяет еще одну нравственную норму, искусно завуалированную автором "Слова" во времена, когда жизнь человеческая значила для власть предержащих так мало. О. Сулейменов пишет: "На частном, древнерусском материале Автор попытался коснуться нравственной проблемы общечеловеческой значимости - "свой неправ". Затронутая проблема дважды актуальна и в наше время - и для самого недавнего прошлого нашей страны в целом и для Казахстана в частности. В самом деле, легко обличать, когда неправ отщепенец или прямой подлец. Но как сказать правду о том, кому аплодировал теми же руками, кото-

рые сейчас держат обличительное перо? Не в этом ли труднейшая миссия гласности - сказать: "Свой неправ"? И не только труднейшая, но и реально опасная. Скорее всего, именно поэтому мы ничего не знаем об Авторе. И в отношении О. Сулейменова и Е. Букетова машина забвения сработала четко: в попытках найти в публичных библиотеках "Аз и Я" либо "Время светлой судьбы" можно было пожелать в те годы лишь большого успеха. И это несмотря на подчеркнутую благонамеренность авторов - у одного в подзаголовке книги, у другого - в самом названии. Мне кажется также, что в названии "Слова о полку Игореве" скрыт немалый смысл. Заметьте, слово не о князе Игоре, а о его полке. В то патриархально авторитарное время два возможных заглавия должны были различаться более существенно, чем в нашу гораздо более демократическую эпоху, тем более, что тогда посвящение писания какому-либо конкретному лицу было канонем. В этой контексте вполне допустимо и понимание древней поэмы как слова с загубленным полку Игореве. Здесь уместно высказаться по спорному вопросу о жанре "Слова". С учетом его явной поминальности, поэтического и музыкального строя - особенно последнего, так как предполагается песенное исполнение в подражание вешнему Бояну, жанр "Слова" - реквием. Возможно, это самый древний реквием, конечно, в современном внекультовом понимании этого жанра. Может быть, он ждет именно современного озвучания такими музыкантами, как Свиридов, Гаврилин или Жубанова (к сожалению, уже ушедшая от нас - В. М.). Трагедия народной доблести так типична, особенно в сочетании с жестоким честолюбием предводителей - и это как нельзя лучше удалось выразить автору "Слова". Вообще, хвалебные оды редко становятся мировыми шедеврами, так как побуждаются фальшивыми мотивами. Скорее всего, замысел "Слова" был понят современниками правильно и последовали "оргвыводы".

Удары по Сулейменову и Букетову были чувствительными. Но они были нанесены не только по живым людям и их творениям, но и по еще более живому интернационализму, и поэтому наносившие их могли довольствоваться только временным успехом и были обречены на поражение. Да, Олжас Сулейменов вынужден был признать некоторые неточности в трактовке "Слова" и недостаточную профессиональную подготовку в части историко-литературных исследований. Но остался непоколебимым в основной позиции - праве и долге поэта быть гражданином - и не отрекся от своего любимого детища. Недавно он выступил инициатором пленума писателей Казахстана по интернациональному вопросу и действует в полную силу. Да, Евней Арстанович Букетов

тов после "разгромной" статьи в молодежной республиканской газете ушел с должности ректора Карагандинского университета в старшие научные сотрудники Химико-металлургического института нашей академии, перенес несколько инфарктов и в 1983 г. скончался 58 лет от роду (что за возраст для богатырской натуры?). Но за последние годы своей жизни он не только обогатил научное поприще подлинно революционными идеями в области получения моторных топлив и иных ценных продуктов из угля, но и подготовил к печати рукописи художественно-исторических повестей о Сатпаеве и Валиханове - интернационалистах самого крупного масштаба, утверждавших всем своим жизненным укладом, как и наши современники Сулейменов и Букетов, это самое святое дело...

Я не был бы безнадежным естественником, если бы не попытался определить и свое отношение к основной проблеме, причем, конечно, в формализованном виде. Упомянутые выше работы И. Пригожина относительно случайной природы необратимости времени дают нам понимание того, что все сущее содержит большую дозу непредсказуемости. Но какую именно? Ответ на этот вопрос можно найти в новаторских книгах последних лет белорусского философа Эдуарда Максимовича Сороко "Структурная гармония систем" (Минск, 1984) и "Управление развитием социально-экономических структур" (Минск, 1985). Не страшась быть похожим на Сальери, он, имея базовое математическое образование, именно алгеброй поверил гармонию и открыл целое пространство соразмерного, а стало быть, гармоничного сочетания определенного с неопределенным, детерминированного с вероятностным, необходимого со случайным. В этом пространстве на первом месте находится золотое сечение - такое отношение главной, определяющей части ко всему целому, которое обеспечивает устойчивую сохранность этого целого в мире бурь и тревог. Хотелось бы уверить скептического читателя, что пространство золотых сечений - не математический фокус, а вполне поддающийся контролю резонанс меры. Подобно тому как в боровской модели атома орбита электрона оказывается устойчивой только в случае целочисленного размещения на ней электронных волн, а в колебаниях струны резонанс наступает при целочисленном укладывании на ней звуковой волны, так и в устойчивости любых систем определяющим оказывается соразмерность целого и части. При этом соизмеримость определенной и неопределенной составляющих вытекает из их единой информационной природы, дающей количественное выражение меры. Мне трудно удержаться, чтобы не упомянуть неопределенности, представляющей собой вероятностную составляющую информации.

щую информации. Как справедливо полагает Евгений Александрович Седов в научно-популярной книге "Одна формула и весь мир", вопрос "Знаете ли вы, что такое энтропия?" в наше время эквивалентен вопросу "Читали ли вы Шекспира?" И было бы совсем уж несправедливо умолчать о колоссальном вкладе в культурное освоение понятия "золотого сечения" нашего гуманитарного патриарха Алексея Федоровича Лосева, получившего Государственную премию СССР 1986 года за "Историю античной эстетики", где идеи соразмерности поднимаются не только до этических, но и мировоззренческих высот. Отдадим должное и интуиции Олжаса Сулейменова: "Постоянная религия, неподвижный быт создают тот искусственный режим, в котором не увядает слово, обладающее золотой структурой" - цитата из "Аз и Я".

Так вот, доля базовой составляющей в золотом сечении равна 0,618 или 61,8%. Если она будет меньше, то система потеряет устойчивость и разнесется случайными факторами, если больше - утратит способность адаптироваться и окостенеет. Таким образом, конструктивное большинство не должно быть подавляющим (2/3 - это уже лишнее), но и не на уровне пресловутой золотой середины, которая отличается от золотого сечения так же, как подделка от настоящего ювелирного украшения, и будучи эквивалентом "фифти-фифти", сплошь и рядом приводит к ситуации буриданова осла. Другая крайность - право вето - вообще глупость, не имеющая аналогов в природе. Золотое сечение должно стать нормой демократии при решении любых, в особенности самых деликатных вопросов, к каковым относится национальный.

Как можно применять эту норму? Прежде всего, обдуманно. Обосновать целостность какого-то узла проблем, совместимость и взаимную дополняемость важнейших его сторон. Например, распространенность двуязычия в пределах национальной республики может быть ориентирована на золотое сечение. Если гармоничное большинство коренного населения будет знать два языка - базовый для страны (СССР - В. М.) и свой, то этим может обеспечиться оптимальное межнациональное развитие системы в целом. При меньшей доле будут вероятны проявления национализма, при большей возможна утрата самобытной национальной культуры ввиду подавляющей роли базового языка. Та же самая норма должна распространяться на всех лиц некоренной национальности, проживающих на территории республики, но в данном случае есть резон отнести ее к знанию языка коренной нации во имя сохранения ее культуры. Нечто подобное может быть принято для определения разумной нормы в национальном составе учебных

заведений или объеме преподавания на родном языке, а также в издательском деле.

Конечно, это только информация к размышлению, не больше. Просто цели гармоничного, естественного, не декретированного развития общества требуют знания гармонии более основательного, чем это может подсказать мысль, спорхнувшая с потолка. Евней Арстанович всегда любил и поощрял именно глубину поиска, ценил красоту общего решения, каким бы замысловатым оно ни было, восторгался там, где другой видел только уход в сторону от наезженной колеи и сугубо прагматической цели. Его научная биография - это шаги из настоящего в будущее широкой и легкой поступью Командора и Пророка. "Как Бог, шагал он по высям творений" - не раз иронически говорил он нам, когда мы преподносили ему что-нибудь "сногшибательное", не подозревая, что эта строка как нельзя более подходит к нему самому. Попробуем еще раз в добавление к отмеченному ранее проследить эти шаги.

ШАГИ ПО ВЫСЯМ И ВЕСЯМ НАУКИ

В памяти ученых академик Евней Арстанович Букетов оставил особенно глубокий след. Мы, конечно, с большим интересом воспринимаем его художественные и публицистические произведения, тем более что они посвящены деятелям науки, но все-таки то, что сделано академиком Букетовым в научной и научно-организационной области, для нас представляет непреходящую ценность как с точки зрения полученных научных результатов, так и опыта объединения творческих усилий больших коллективов ученых для решения крупных проблем.

К сожалению, язык науки не столь понятен, как язык художественных произведений и искусства, и может быть, поэтому во все времена и особенно в наше довольно смутное время общество оказывается невосприимчивым к оригинальным разработкам ученых, не замечает их, как мы не замечаем, ходя по земле, что топчемся на месторождениях золота, серебра, меди, других ценных металлов, которые связаны во внешне не очень приметные химические соединения. Громадная заслуга Евнея Арстановича в том, что он был замечательным переводчиком с языка науки на общедоступный язык, и поэтому он как никто способствовал расширению и повышению авторитета науки и сам в этой части обладал общепризнанным авторитетом. Я считаю, что в умении популярно излагать научные идеи с ним просто невозможно сравниться, поэтому, переходя к краткому очерку научной деятельности Евнея Арста-

новича, я заранее прошу извинить меня за специальные термины, для которых я не нашел простого перевода. Будь живым Евней Арстанович, он сам рассказал бы о времени и о себе, подобно Маяковскому, во весь голос.

Прибыв по назначению из Алма-Аты в 1960 году в качестве директора, Евней Арстанович принял довольно разнородное научное хозяйство, которое на втором году после организации института включало геологические, горные, углеобогатительные, металлургические и химические подразделения. Свою деятельность он начал с несколько парадоксального решения - организации еще одной лаборатории - цветных, редких и рассеянных металлов, тем самым расширив и без того разнообразную номенклатуру научных специальностей института и вместе с тем в какой-то мере ее завершив, поскольку в Центральном Казахстане цветная металлургия представлена крупнейшими комбинатами - Балхашским и тогда еще только зарождающимся Джезказганским. Таким образом, региональный характер ХМИ АН КазССР получил достаточно полное организационное воплощение. Руководство новой лабораторией Евней Арстанович взял на себя и сразу же поставил в ней исследования по молибдену, вольфраму, селену и теллуру в развитие своих научных интересов, которые у него сформировались еще в Казахском горно-металлургическом (теперь политехническом) институте.

Эти исследования быстро продвигались и уже в первой половине шестидесятых годов оформились в две основные темы: шахтный обжиг гранулированных материалов цветной металлургии и автоклавные гидрохимические процессы с участием халькогенов и халькогенидов. По первой теме было получено первое для института авторское свидетельство СССР и осуществлено в 1965 году первое внедрение в производство - упрочняющий обжиг гранулированных джезказганских концентратов в шахтной печи с наклонной решеткой. За эту работу Е.А. Букетов был удостоен Государственной премии СССР 1969 года как участник освоения технологии комплексной переработки медных концентратов Балхашского ГМК с применением кислорода на стадии конвертирования (туда и подавались джезказганские концентраты в качестве "холодной присадки"). В эту технологию естественно "вписались" исследования института по извлечению рения, по результатам которых были получены первые зарубежные патенты, впоследствии умноженные на материале обжиговой тематики. Шахтные обжиговые печи были внедрены также на комбинате Уралэлектромедь (г. В. Пышма Свердловской области) для переработки медеэлектродитных шламов (в

1969 году), на Джекказганском ГМК для упрочняющей сушки гранулированных медных концентратов перед электроплавкой (в 1972 году), на Балхашском комбинате для обжига гранулированной молибденовой пыли, выносимой из печи кипящего слоя (в 1977 году) и уже в восьмидесятые - девяностые годы - для сушки кокса на Ново-Джамбулском фосфорном заводе и ПО "Карбид" (г. Темиртау).

Более сложные превращения претерпела вторая тематика. Автоклавная технология была внедрена и использовалась некоторое время в течение восьмидесятых годов в ГДР, на Мансфельдских заводах, но в СССР не смогла найти применения главным образом из-за трудностей с изготовлением промышленных автоклавов. Однако автоклавные процессы получили в институте довольно широкое развитие. Сначала для выведения диоксида кремния и рения из высококремнистых джекказганских медных концентратов в голове технологической схемы, чем предопределялись дальнейший более эффективный пирометаллургический передел и комплексность использования исходного сырья. Затем для сульфидирования окисленных и смешанных руд цветных металлов, что позволило унифицировать получаемые при последующей флотации сульфидные концентраты, уменьшить потери ценных металлов и открыть возможность их единой пирометаллургической переработки существующими и новейшими способами. Эта технология принята для Джекказганского ГМК и для освоения крупнейшего в СССР Удоканского месторождения меди в Сибири на трассе БАМ. Автоклавный процесс был предложен и для получения фосфорных солей из фосфоритов Казахстана.

Названные две базовые тематики по цветной металлургии послужили основой докторской диссертации Е. А. Букетова, которую он защитил в сравнительно молодом для этой области знаний возрасте - в 42 года. Из этой тематики выросло первое приоритетное научное направление института - химия и технология халькогенов и халькогенидов, становление которого отразила первая для института монография по извлечению селена и теллура из медеэлектролитных шламов, вышедшая в 1969 году. Исследование поведения серы и сульфидов, а также сопутствующего им мышьяка проводилось в тесной взаимосвязи с родственными им соединениями селена и теллура, благодаря чему данное направление получило научное завершение и обобщение, которому Евней Артанович уделял особое внимание. В частности, в технологии производства меди на Балхашском ГМК институтом был решен вопрос о выведении мышьяка из электролита, в связи с чем начались многоплановые

электрохимические исследования, которые заняли в институтской тематике важное место.

Будучи директором института в 1960-1972 годах, Е.А. Букетов активно занимается и другими его научными направлениями в области черной металлургии и органической химии (геология и горное дело в середине шестидесятых годов были изъяты из тематики и структуры института и переданы отраслевым организациям). Евнея Арстановича особенно заинтересовало ферросплавное производство с точки зрения возможности использования высокочольного угля для руднотермической плавки забалансовых марганцевых руд на комплексные ферросплавы. В этой возможности ему виделось парадоксальное соединение недостатков по качеству сырья и восстановителя, которое оборачивалось достоинством благодаря полной утилизации всех компонентов. Это направление получило сильное развитие, и номенклатура сплавов резко расширилась. Часть разработок внедрена в производство и продолжается освоение других вариантов данного процесса.

Органическая химия в институте развивалась с самого начала его организации под руководством первого директора Иордана Нигметовича Азербайбаева, впоследствии члена-корреспондента АН КазССР, который вскоре переехал в Алма-Ату и работал там в Институте химии АН КазССР. Его разработка по безртутному способу получения ацетальдегида через виниловые эфиры еще в те годы остро ставила вопрос по экологии завода синтетического каучука (ныне ПО "Карбид") и Евней Арстанович как мог всячески поддерживал эту идею. Он же способствовал расширению и углублению в институте исследований по органическому синтезу на основе ацетилена и его производных (продукции ПО "Карбид"), по электрокаталитическому гидрированию и другим научным направлениям отдела органической химии. И хотя эти исследования курировались школой органиков алматинских институтов АН КазССР под руководством академиков Д.В. Сокольского и Б.В.Суворова, вклад Евнея Арстановича в развитие отдела был во многом определяющим, что сделало возможным выделение отдела в Институт органического синтеза и углехимии АН КазССР в 1983 году. Это тем более несомненно, что вопросы углехимии не затрагивали сферу интересов алмаатинской школы органиков и были крайне актуальны для Карагандинского угольного бассейна. Лаборатория углехимии была детищем Химико-металлургического института и находилась под постоянным вниманием директора. Впоследствии, по возвращении в институт в 1979 году, интерес к углехимии обернулся для старшего

научного сотрудника лаборатории редких и рассеянных элементов академика Е.А. Букетова последней его научной идеей и страстью.

Эта идея соединяла углехимию, производство ферросплавов и автоклавные процессы, то есть то, чем он занимался порознь и в разной степени, причем они соединились так, что при этом была исключена совершенно необходимая и крайне дорогостоящая водородная энергетика, определяющая стоимость моторных топлив при получении их из угля. Суть дела в проведении гидрогенизации угля (или других естественных карбоносителей) с помощью ферросплавов, жадно взаимодействующих с водой в щелочной среде с выделением атомарного (!) водорода, который тут же вступает в реакцию с углеродом. Температура, давление и продолжительность процесса снижаются вдвое-втрое, что позволяет использовать более простые автоклавы. Процесс защищен рядом авторских свидетельств, в которых основная идея трансформируется в различных вариантах, включая использование сравнительно чистого оксида углерода, выделяемого в руднотермической печи при производстве ферросплавов из дешевого (высокозольного) угля, для взаимодействия с тем же водородом с образованием ценных и разнообразных кислородсодержащих углеводородов (спиртов, альдегидов, кетонов и др.). Это была прорывная идея, возникшая на стыке наук в голове умудренного опытом ученого-академика, то есть такая идея, которая и должна зародиться в стенах академического института на базе фундаментального знания общенаучных связей смежных дисциплин. Дальнейшая судьба идеи определяется возможностями отраслевых институтов, с которыми сейчас установлены необходимые контакты, правда, без гарантий автоматического продвижения ее в производство с учетом нашей заскорузлой системы внедрения.

Недавно опубликована брошюра Евнея Арстановича Букетова "Нефть, уголь и вода в химии и энергетике", в которой с присущим автору блеском рассказывается об этой проблеме. Уже с самой первой страницы он захватывает читателя удивительно смелыми сближениями из поэзии Есенина, пугачевского восстания и изобретения керосиновой лампы, а в дальнейшем описанием мытарств великого химика Менделеева на поприще грамотной и бережливой переработки нефти и его борьбы с законодательными препятствиями и алчностью отечественных и зарубежных предпринимателей. Как все это звучит остро современно на фоне нынешней законодательной неразберихи и хищнического отношения к природным богатствам! Как не хватает нам его менделеевской мудрости, культуры и убедительности! Если же говорить о стиле этого и других крупных произведений Евнея Арстановича, то он

органически соединяет простоту и образность художественного слова с научной и исторической точностью всех упоминаемых деталей и фактов. Это стиль будущего, который придет на смену сегодняшнему стилю, ориентированному на экономию бумаги и минут в ущерб ясности и действенности.

Что касается глубинного интереса к общенаучным связям, по крайней мере в области неорганической и органической химии, черной и цветной металлургии, то Евней Арстанович всегда отличался этим качеством, и это выразилось в скрупулезном изучении наследия Д.И. Менделеева, в особенности же открытия и становления периодического закона. К известным многочисленным трактовкам этого великого события он прибавил свою версию, которую изложил в последней своей, единоличной монографии, сданной в печать в 1982 году - за год до безвременной кончины. Можно сказать, что эта монография (по современным формам выражения периодического закона Менделеева) наиболее характерна для стиля Евнея Арстановича, совершенно не искаженного обычно обезличивающей редакторской правкой, за что следует выразить издательству Карагандинского государственного университета глубокую признательность. В ней - живой, восторженный и уравновешенный, придиричиво расчетливый и художественно раскованный человек - химик, историк и литератор.

Упомянув об университете - втором детище Евнея Арстановича, должен сразу же с горечью заметить, что с этим вузом связана драматическая, а может, и трагическая страница его жизни. Как бы предчувствуя это, не хотел уходить из Химико-металлургического института Евней Арстанович. Говорил: "На меня смотрят как на строителя: в Алма-Ату в политехническом поручили строить новый корпус, только его построил - перевели в Караганду, не дали вкусить плодов своих. Здесь тоже вон какое здание возвели, скольких трудов это стоило, но только переехали в него - теперь в университет агитируют. Но надо, очень надо, ничего не поделаешь. И строить, и учить нужно, для нашего же института. Без своего университета не обойтись - в педагогическом обучении для большой науки недостаточное."

Хотя на новом месте Евней Арстанович взялся за дело с полной отдачей и энергией, он не порывал связи и с родным для него Химико-металлургическим институтом, работая по совместительству старшим научным сотрудником лаборатории редких и рассеянных элементов. Очень часто он выступал как с научными докладами, так и по телевидению, в местной и республиканской печати, был депутатом и возглавлял комиссию областного Совета народных депутатов.

Годы работы Евнея Арстановича в университете и одновременно в институте в научно-педагогическом плане можно назвать самыми плодотворными: выходили в свет его книги и статьи, ученики защищали кандидатские и докторские диссертации.

Будучи яркой и привлекательной личностью, Евней Арстанович вызывал искренние симпатии огромного числа окружающих его людей, он стал настолько популярным, что ни один визит известнейших деятелей науки и культуры в Караганду не обходился без встречи с ним, сопровождаемой доверительными беседами. О нем писали центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.

Не эта ли популярность обернулась против него самого? Он стал непозволительно заметным, тем более после потери наукой Казахстана своего блистательного лидера академика Каныша Имантаевича Сатпаева, и та же самая тень, которая в свое время затушевала славу легендарного академика, наложила свою черную печать и на одного из его духовных преемников, каким был Евней Арстанович. Дело дошло до того, что в течении 5 лет с 1981 по 1985 годы, в том числе после смерти в течении двух лет имя Букетова не могло упоминаться в средствах массовой информации, а из библиотек изымались его публицистические книги.

Нужно сказать, что сам-то Евней Арстанович был очень суровым редактором наших рукописей, особенно в начальные годы, пока мы еще не могли освоить тяжелую диалектику ясности и краткости. Но он никогда не был цензором наших идей - тут нам предоставлялась полная свобода. В 1964 году по горло загруженный директорскими делами Евней Арстанович взялся за оформление докторской диссертации и попросил меня провести рутинные термодинамические расчеты для большой группы теллуридов и теллуридов разными методами - Резницкого, Киреева, Келли, Карапетьянца и Капустинского. Все шло хорошо - бери из справочников данные, подставляй и считай, но на последнем методе вышла осечка. Не получаются прямые зависимости - и все тут. Причем, как-то интересно не получаются. Одной вторичной периодичностью не объяснить. Что делать? Оставить "на потом"? Так поначалу и решили. Но через некоторое время при очередном звонке Евнею Арстановичу докладываю о текущих результатах и слышу его возбужденный голос: "Ты посмотри работы Григоровича в трудах института металлургии АН СССР, у него там что-то оригинальное по влиянию третьих снаружи электронных оболочек". О докторской на время забыли, стали разбираться и нашли неожиданный аспект решения проблемы. Только после этого вернулись на грешную землю исполнять свои

обязательные программы, после которых уже со вкусом занялись лакомым блюдом. Нам показалось тогда, да и сейчас нет особых сомнений, что найденная закономерность претендует на открытие. Во всяком случае, Михаил Христофорович Карапетьянц ответил на наше обращение по этому поводу, что он не сомневается в оригинальности нашего подхода, но требуются более широкая проверка и тщательное обоснование. Мы дали один из аспектов проблемы на разработку нашей аспирантке Симбиновой К.Ж., которая успешно защитила диссертацию с ведущей организацией - Московским химико-технологическим институтом имени Д. И. Менделеева, где работают крупные ученые в области строения вещества. Теперь Кадиша Жантурсуновна - профессор физической химии. Работа над проблемой продолжается и сейчас в контакте со специалистами по квантовой химии.

Даже в последние месяцы своей жизни Евней Арстанович живо интересовался "посторонними" идеями, хотя своих дел оставалось невпроворот. Как-то звонит из дома на работу, спрашивает - свободен ли я прогуляться по лесочку рядом с его домом? Был ноябрь, легкий мороз, уже не первый снег. Евней Арстанович вышел в зимнем пальто, впереди мчалась огромная овчарка Рик. Как бы извиняясь, он сказал: "Вот, теперь нельзя одному на прогулку выходить. Врачи предупредили - в любой момент могу упасть". Он шел своей своеобразной легкой поступью тяжеловеса, и трудно было поверить, что ему что-то грозит. Я начал рассказывать о последнем своем увлечении - термодинамике системы при бесконечно высокой температуре. Остановились. Я взял прутик и стал писать на снегу главные выкладки. Евней Арстанович забрал у меня этот прутик и начал спрашивать - а здесь что, а тут как? Улыбнулся радостно-удивленно: "Вот, черт, неужели тут что-то есть?". Эту реплику легко понять, ведь речь шла о классической термодинамике, науке, казалось бы, вполне законченной, со своими канонизированными тремя началами. А тут еще что-то. Сказал, подумав немного: "Нужно послать этот материал Виктору Ивановичу Спищину, пусть его физхимики посмотрят, а пока отправляйте статью в наш "Вестник", приоритет нельзя терять, я дам рекомендацию". Я все сделал, как советовал Евней Арстанович.

13 декабря 1983 года ранним утром Евней Арстанович вышел на прогулку только с Риком... Некролог в "Вестнике АН КазССР" опубликовали в 1984 году, в № 3. Там же оказалась моя статья по термодинамическим функциям при бесконечно высокой температуре. Я отправил этот журнал академику Спищину в Институт физической химии АН СССР, потом докладывал работу у него на семинаре. В общем,

с легкой руки Евнея Арстановича дело пошло и продолжает сейчас продвигаться во все более сложных аспектах, постепенно получая признание. Большое содействие этому делу, как и другим, у чьих истоков был Евней Арстанович, оказывает академик З.М. Мулдахметов. Первым же проблеск нового заметил, оценил, поверил и поддержал мой учитель.

Ныне он, воскресший в мемориальном граните скульптора Гуммеля, взирает с характерной для него едва заметной - возникающей! - усмешкой и негаснущим интересом на поток входящих в институт людей - таких разных, но одинаково попадающих под власть и притяжение этого взгляда.

8.11.85 - 21.07.94

Елизавета КОРПИЧ

СЫН МАЛЕНЬКОГО АУЛА

Когда я вспоминаю свою довоенную школу в Марьевке, то как-то незримо встают перед глазами наши добрые талантливые учителя, а также мои сверстники по классу. И никогда не соглашусь с утверждением некоторых современных молодых людей, которые считают, что в те годы не учили и воспитывали как-нибудь. Учили нас великолепные педагоги, а самые лучшие черты, привитые ими ученикам, проявились в воспитанниках в годы войны. Это стойкость и мужество, патриотизм. А после войны многие выпускники тех лет стали видными людьми - руководителями, толковыми специалистами, педагогами и учеными.

Среди них и сын маленького аула Баганаты - Евней Букетов. Мы звали его Женей.

Он шел по школе на два класса ниже моего выпуска, по своему умственному развитию превосходил некоторых старшеклассников. Был любознателен, много читал. Помнятся его прямолинейные и смелые выступления на комсомольских собраниях. Тогда в районе была единственная средняя школа в Марьевке. Ребята других сел, кончая семилетку, доучивались в Марьевской средней. Многие из них были переростки. Они жили на частных квартирах и считали себя взрослыми, проявляли леность в учебе. О таких ребятах и рассказал на одном из комсомольских собраний Евней. И тогда обидчики подкараулили его вечером и хотели запугать его. Но на ближайшем собрании Евней поднялся и смело рассказал все об этом инциденте. Четверо против одного. При-

стыженные, они сидели молча и больше не пытались грозить Евнею, который был и меньше ростом, и младше их годами.

Учился Евней успешно. Великолепно знал русский язык и литературу, математику и физику. Был остроумен и находчив. В то время не хватало учителей, и более спокойные ученики были на "учете". Их посылали работать в начальные и семилетние школы. Так, после 9-го класса Евней уже учительствовал. Это были первые дни войны. По заданию редакции районной газеты мне пришлось быть в Соколовке (колхоз "Красное знамя"). В этой школе работала моя одноклассница Шура Нестерова и Евней Букетов, вели первые уроки. Узнав о моем приезде, первым пришел к Шуре Евней, а затем другие учительницы. Это были трудные дни первой военной осени, когда хлеб убирали солдаты, старики и дети. Нелегко было и учителям. Но Евней не унывал. Он с юмором рассказывал о некоторых ситуациях на уроках, которые возникали у него по неопытности. А я-то знала: несмотря на свою молодость, Евней пользовался уважением в школе, на селе. Он часто подменял заболевших преподавателей, а в ночную смену работал на току, показывая пример сельской молодежи.

Через год, с помощью моей старшей сестры Анны, которая после Ленинградского института работала завучем школы, Евней экстерном сдавал экзамены на аттестат зрелости. И сдал успешно. Уже после войны он поступил в Алма-Атинский институт и тоже учился отлично.

Помню апрель 1949 года. По вызову ЦК Компартии Казахстана я приехала в Алма-Ату на семинар женщин-секретарей райкомов партии. Война оставила свой тяжелый след. Вдовы и осиротевшие дети. Им нужна была поддержка и забота. Этому учили нас на семинаре. Не знаю, каким образом Евней узнал, что в числе прибывших была и я. Уже на второй день вечером он пришел со своей девушкой, тоже студенткой (вскоре она стала его женой) в гостиницу навестить меня. Это уже был высокий и симпатичный молодой человек, большой оптимист и интересный собеседник, настоящий интеллигент. Много он рассказывал о столице, спрашивал о делах в районе, о своих знакомых и сверстниках, предлагал показать достопримечательности Алма-Аты, посетить театр. Но распорядок семинара был очень уплотнен и свободного времени не было.

Бывая на каникулах, Евней всегда навещал знакомых, друзей. И там, где он появлялся, всегда создавался особый микроклимат взаимопонимания и доброго настроения. Дорога его к восхождению в науке была нелегкой. Нужно было помогать и младшим братьям, и доброй, уже немолодой матери, которая с трудом сводила концы с концами, Евней

это считал своим долгом. И позже, когда он успешно поднимался по служебной лестнице, был ректором университета, Букетов был прост с людьми, помнил своих сверстников, братьев, не терял с ними связи и готов был прийти на помощь тем, кто нуждался в этом.

Его земляки - люди бывшего Октябрьского, теперь Сергеевского района всегда гордились им и говорили: "Евней Арстанович стал большим человеком - ученым. Он из наших краев...".

И вот печальная весть. В расцвете творческих сил неожиданно оборвалась жизнь талантливого и замечательного человека, моего сверстника Е.А. Букетова, оставившего добрый след в науке и на своей земле.

Иван БЕЛЕТЧЕНКО

НАЧАЛО ПУТИ

Мне трудно написать словесный портрет Евнея - школьника, потому что прошло почти полвека, многие детали забылись, кое-что не дошло до меня - учился я классом выше.

Наше сближение произошло летом 1939 года. Группу отличников учебы премировали путевками туристического похода по Алтаю. В нее вошли ученики 9-10-х классов - школьные активисты. Евней был единственным "младшим" школьником, он перешел в 8-й класс и путевки удостоился за особые успехи в учебе. Уже тогда стали проявляться его выдающиеся способности в точных науках и литературе.

В этом путешествии преобладали любознательные, но Евней чаще других обращал на себя внимание окружающих разносторонними вопросами по истории и природоведению. А ведь он был самым молодым по возрасту. Не все ответы удовлетворяли его любопытство. Наш руководитель, из учителей, Ф. Е. Косаткин в то время не имел еще законченного среднего образования. Но все мы держались друг друга, в группе царили взаимопонимание, сердечная привязанность.

Туристический лагерь был разбит на реке Катунь. В жаркий день все мы стремились ближе к воде. Течение в реке быстрое, изредка несло спиленные деревья. Они-то и стали нашей приманкой. Большое удовольствие доставляло прокатиться верхом на бревне по шумной реке. Однажды наш взор привлекла проплывавшая недалеко от берега сосна с ветвями и корнями. Оседлали мы эту лесину и не заметили, как понесло ее к водопаду. Это увидели взрослые на берегу. Они начали кричать, махать руками, Евней первым бросился в воду, увлекая за собой

остальных ребят. Трагедии не произошло. Но охотиться за бревнами мы перестали. Это маленькое приключение еще больше сплотило и сдружило нас.

Евней был очень начитанным, он стремился знать больше других и сверх школьной программы. Из-за этого у него порой возникали конфликты с учителями. Ведь некоторые из них слабо владели своим предметом, а иногда не отличались и педагогическим тактом. Вот и приходилось не раз "прорабатывать" умного школьника на учкоме или комсомольском комитете.

Отчетливо помню, как наш преподаватель литературы называл Евнея лучшим учеником. Букетов всегда был участником школьных литературных вечеров, на которых читал наизусть поэмы В. Маяковского "Владимир Ильич Ленин" и "Хорошо!" Поэзию он любил страстно, горячо, увлекался прозой Льва Толстого. Сам любил сочинять. Ни одна стенгазета в школе не выходила без его заметки, рассказов. Мы их высоко ценили, называли "складными".

Любил Евней и так называемую научную, техническую литературу, книги по естествознанию, химии. За их чтением он нередко забывал про домашние задания, но его выручала хорошая память.

Неизменный интерес у него вызывали новые школьные дисциплины. После первого урока он за несколько дней прочитывал учебник и, когда учитель на уроке объяснял какой-то материал, он его уже знал.

Отличали Евнея и дружелюбие, товарищеская верность. До конца своих дней поддерживал он связи со школьными товарищами, живо интересовался их делами. Судьба распорядилась так, что после окончания школы мы учились, работали и жили далеко друг от друга. Встречи были редкими, но очень теплыми и душевными. До глубины души меня взволновала и обрадовала его поздравительная телеграмма, которую я получил на второй день после защиты своей кандидатской диссертации в Ленинградском университете. В эти годы я с ним не встречался и никак не думал, что он живо интересовался моей научной работой историка, далекой от его металлургической химии.

Евней Арстановичу был чужд национальный эгоизм. Среди школьных товарищей преобладали русские. Но у нас никогда даже не возникало мысли делить друзей по национальному признаку. Никакого националистического налета. Таким был и остался в нашей памяти наш дорогой товарищ.

Как-то оказались мы вместе на семинаре вузовских работников в Алма-Ате. Он познакомил меня со своими товарищами из Союза писателей и Академии наук Казахской ССР. Это были незабываемые, очень

интересные встречи и беседы. На одной из таких встреч у поэта Сырбая Мауленова я оказался один, не владеющий казахским языком. Беседы были настолько интересными, а атмосфера настолько теплой, что лишь позже до меня дошло, что и хозяева, и гости говорили только на русском языке, а если говорить по существу, то объяснялись на языке дружбы.

О Евнее Арстановиче как ученом, писателе писали и еще напишут его коллеги по перу и науке. Я же самую малость рассказал о нем и о том времени, когда начинали развиваться творческие способности и задатки Е. А. Букетова.

Василий КУЗНЕЦОВ

ЧТО НАПИСАНО, БЕССМЕРТНО

Мне довелось встречаться с Евнеем Арстановичем во времена нашей юности в Марьевской школе. Это не была тесная дружба, (я был старше его на 3 года), но знать-то мы знали друг друга. И помню несколько необычную встречу на заседании ученического комитета. Мы внушали ему простую, всем известную истину - на уроках надо сидеть спокойно, не мешать другим. Он сидел на уроке беспокойно. И мы тогда уже поняли, каких трудов стоит этому способнейшему подростку высидеть 45 минут на уроках бездарного учителя.

Но зато на занятиях у таких учителей, как Иван Антонович Трофимов, Женя Букетов был предельно внимателен. Больше того - Иван Антонович имел обыкновение давать на дом задания воспроизвести все то, что было им сказано на уроке. И Букетов (цитирую из книги "Шесть писем другу"), "самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепко сбитый... русский человек".

Таков, очевидно, закон сильного интеллекта: он дает о себе знать рано, он беспокоит своего владельца, прося возможности проявиться. Благо, что в Марьевской школе были толковые учителя, о которых, кстати, с благодарностью пишет их ученик Букетов в своей книге. И счастлив этот талантливый человек, потому что родился в эпоху Советской власти, которая сразу ввела всеобуч, а позже помогла юношам и девушкам казахской национальности оканчивать ВУЗы, вводя для них льготные условия приема. ...Следующая встреча с Евнеем Арстановичем состоялась заочно: между нами завязалась переписка. Он пер-

вый и единственный из ученого мира, к кому я обратился за помощью и советом перед формированием экспозиции в районном музее, кто не считал зазорным опуститься с высот большой науки до уровня провинциального музея. Прежде всего он извинился, что задержался с ответом на мое письмо, и далее пишет: "Край наш интересен, много было очень интересных, может быть, недостаточно оцененных людей и дел". Советует: "...первое, не хватайся за все, а имей конкретную тему, например, школа и учителя... Если начнешь заниматься, то окажется столько материала, что начнешь думать, как им овладеть, как преподнести читателю стройно, последовательно и увлекательно разрозненное и многообразное... Это не будет легко. Поэтому выбери по силам тему - это главное".

Желает успехов и настаивает: "Обращайся ко мне запросто, мы заслужили это совместной учебой в средней школе, совместным детством, когда никак не думали о рангах, отличиях и прочих вещах, способных разделить близких, по обывательски мыслящих людей. Мы с тобой, Вася, не обыватели и не поддадимся искушению обращать внимание на наши теперешние ранги".

Я привел столь длинную цитату из его письма, чтобы "разоблачить" у Евнея Арстановича неразрывную связь с его малой Родиной и его глубокий демократизм мышления. Это было в июне 1976 года.

...Продолжая работать над краеведческим материалом, по сбору его, я поддался искушению напечататься в "Просторе". Ответ редакции журнала был тактичен, но со знаком минус. Это меня весьма и весьма огорчило.

И вот что Евней Арстанович пишет мне во втором письме в апреле 1980 года: "Скажу прямо - написанное, в каком бы то виде ни было (напечатанное или не напечатанное) - бессмертно, оно всегда найдет дорогу к ценителю. Смертен человек в его неповторимой индивидуальности, но лучшие, достойные подражанию черты современника, нашедшие место в сердцах людей, знавших его, постепенно и невольно блекнут, теряют со временем первозданную привлекательность и свежесть. Да и сами люди уходят, унося с собой дорогие образы некогда живых и волнующих картин..."

Все это я говорю к тому, что ты затеял большое и нужное дело"...

Для меня письмо Е. А. Букетова стало хорошей поддержкой. К сожалению, это было последнее письмо.

ЕГО КНИГИ ПРОДОЛЖАЮТ СРАЖАТЬСЯ

В Марьевскую школу я прибыл после окончания Щучинского педтехникума. Школа была районного значения, параллельных классов не было. Казахской части учащихся в то время было мало, особенно в старших классах. Поэтому я очень хорошо помню Евнея (Женю) Букетова: небольшого роста, шупленький и с бритой головой, очень скромный.

Однако следует сказать, что он был очень любопытен, с большим желанием малыш проявлял интерес к химии, математике и другим предметам. Он очень много занимался изучением русского языка. Активно принимал участие в школьных олимпиадах, его работа по химии была представлена на районную педагогическую выставку.

Его часто можно было видеть в нашей школьной, хотя и небольшой библиотеке за работой. Часто беседовал с Агрипиной Федоровной Коробкиной, которая вела русский язык и литературу. Она очень ценила интерес Евнея к русской литературе.

Сам я учился заочно на историческом факультете в институте и вел в старших классах историю. Евней выделялся хорошими знаниями по этому предмету.

Следует особо подчеркнуть, что Букетов зачастую на педагогических советах отмечался как разносторонний, способный ученик, его отличали прекрасное прилежание и большая усидчивость, любовь к наукам. В общественной работе он был активен, исполнитель, его избирали членом учкома (ученический комитет).

По семейным обстоятельствам он попросился отчислить его из школы после 9-го класса. Нам жаль было отчислять такого трудолюбивого, способного ученика, но пришлось. В это время педагогических кадров в районе не хватало. Я лично пошел к заведующему РОНО Темирбаеву Х.Т., упросил, чтобы Букетова поставили на педагогическую работу. И он отлично справлялся с работой учителя в начальных классах. Во всяком случае отзывы об этом были только положительные.

Когда Букетов стал известным ученым, то он не забыл отчий край, родную школу, интересовался судьбами своих товарищей, учителей.

Не знаю, где, у кого Букетов узнал мой адрес. Тогда я работал в Кокчетавской области в селе Володарское заведующим РОНО. Расстояние от Алма-Аты было немалое, но он на различном виде транспорта добрался до нас. В 6 часов утра стук в дверь, вышла жена, он спросил:

"Здесь ли живет мой директор, учитель Трофимов Иван Антонович?" Она ответила: "Здесь!" Пригласила войти. Когда меня разбудила и я вышел, в передней стоял представительный, рослый, полный, с сединами на висках мужчина.

Встреча была теплой, сердечной, мы крепко обнялись, расцеловались. Беседа у нас была долгой. Поднимались различные вопросы. Расстались мы тепло и договорились поддерживать тесную связь. И слово свое мы сдержали. Мне запомнилась последняя встреча, когда он работал ректором Карагандинского университета. Евней Арстанович как бы отчитывался передо мной. Весь его путь - от рядового ученого до академика, от застенчивого школьника до человека удивительной внутренней красоты, писателя - был поразительно нагляден. Но уже тогда в его голосе пробивались и нотки печали. В беседе он заметил, что наша наука сейчас топчется на месте, что руководители республики, приближенные Кунаева, больше исходят из корыстных целей, окружают себя подхалимами и проходимцами. Все передовое, честное подавлялось... Неудивительно, что этот человек с большой буквы, который отстаивал светлые идеалы просвещения и науки, оказался жертвой застоя.

Прошли годы. Уже после кончины Евнея Арстановича вышла его книга "Шесть писем другу". В этой книге он с большой любовью и благодарностью написал и обо мне, отмечая мой педагогический дар, глубокие знания истории. "Ученики слушали его внимательно", - написал он.

Милый Евней Арстанович, спасибо тебе за добрые слова, за память сердца. Хотя тебя нет, есть твои умные и светлые книги. И они продолжают сражаться за все лучшее, что есть в обществе, утверждают незримо и благородно это лучшее.

Жумабек ТАШЕНОВ

ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК ВЫСОЧАЙШЕЙ КУЛЬТУРЫ, ЯСНОГО УМА

Об Евнее Арстановиче Букетове уже написано немало хорошего. Но не все еще понимают, какое большое место занимает он в жизни каждого из нас. Для меня в Букетове - весь Казахстан. Как я не могу представить себе республику без гор Алатау, так не могу подумать, что в ней нет Евнея Арстановича. Он принадлежит к плеяде замечательных

людей Казахстана, он достойный сын казахского народа. Образ его запечатлен в моей неизгладимой памяти, и добрую память о нем я всегда буду хранить в своем сердце, ибо от таких людей можно начинать летоисчисление.

Я знал его почти с юных лет, с ним дружил до самой его кончины.. Это был на редкость человек высочайшей культуры, кристальной чистоты и честности, трезвого и ясного ума, неповторимый, обаятельный, неизменный друг и боевой товарищ. Это был человек, определяющий целую эпоху.

Что вело его в жизни по трудным дорогам науки и литературы? Стремление к славе, высоким наградам? Нет, любовь к родине, к земле, на которой родился. Музыка его книг сродни казахстанской степи, песне жаворонка, рассветам над горами.

Это был могучий талант, воплотивший в себе культуру народа. Он был оригинален и неподражаем в науке. Он любил жизнь и людей. Он верил в будущее своей страны. Его короткая жизнь является образцом и примером того, как надо служить и бороться за счастье людей.

Иван ХУДЯКОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

С Евнеем Арстановичем Букетовым я впервые встретился в Казахском политехническом институте, где он тогда работал в должности доцента кафедры металлургии легких и редких металлов. В институт я приехал с профессором Василием Ивановичем Смирновым, который был в то время членом-корреспондентом вновь созданной АН Казахской ССР.

Евней Арстанович подошел к Василию Ивановичу. После традиционного приветствия Смирнов познакомил меня с ним. Я был в то время тоже доцентом. Началась беседа об исследованиях, которыми Букетов в то время занимался. Ему было важно знать мнение Василия Ивановича о его работах, целесообразности их проведения. Научные интересы Евнея Арстановича в то время были сосредоточены в области металлургии редких металлов и в какой-то степени являлись продолжением его кандидатской диссертации. Из беседы, которая продолжалась больше часа, нетрудно было сделать вывод об интересном научном направлении выполняемых работ и возможности их практической реализации прежде всего на предприятиях цветной металлургии Казах-

стана, в частности, на гиганте медной промышленности - Балхашском горно-металлургическом комбинате.

Следует отметить, что Евней Арстанович с большим уважением относился к Василию Ивановичу. Возглавив Химико-металлургический институт в Караганде, он часто приглашал Смирнова посетить этот институт на предмет ознакомления с тематикой научно-исследовательских работ, консультации аспирантов и соискателей ученой степени, оказания помощи в подборе высококвалифицированных кадров. При активной помощи Василия Ивановича работать в Карагандинском институте изъявили желание профессора Уральского политехнического института Грузинов В. К., Михайлов В.В., в последующем ставшие действительными членами АН Республики. Надобность в этих специалистах была вызвана необходимостью развития научно-исследовательских работ в области черной металлургии в связи со сдачей в эксплуатацию Карагандинского металлургического завода в Темиртау.

При посещении кафедры металлургии тяжелых цветных металлов Уральского политехнического института, после беседы с Василием Ивановичем, Евней Арстанович всегда находил время встретиться и побеседовать со мной. В 60-х годах я много занимался изучением автоклавных процессов, применительно к различным видам сырья. Для того времени это был относительно новый процесс в гидрOMETALLURГИИ тяжелых цветных металлов. Евней Арстановича интересовала его перспективность, результаты выполненных исследований, аппаратное оформление. Убедившись в большом будущем автоклавных процессов, Евней Арстанович направляет на кафедру своих учеников с тем, чтобы они поработали на автоклавах кафедры, освоили технику эксперимента, изучили технику безопасности, познакомились с аппаратурой и, вернувшись в Химико-металлургический институт, явились бы не только пропагандистами новой технологии, но и ее авторами.

Так возникла лаборатория автоклавных процессов в Химико-металлургическом институте, которую возглавил энтузиаст ее Уговец М.З., ныне доктор химических наук. Автоклавная технология в институте стала не только базой для кандидатских и докторских диссертаций, но и для разработки новых процессов, обеспечивающих комплексное использование сложного полиметаллического сырья Казахстана. Надо сказать, для Букетова было большим праздником получение нового современного оборудования для лабораторий института, известие о фактическом экономическом эффекте, полученном от внедрения законченных исследований. Лично сам Евней Арстанович

стремился доводить результаты своих исследований до промышленного внедрения. Весьма убедительным подтверждением сказанному является присуждение ему в 1969 г. Государственной премии СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

С Евнеем Арстановичем легко и интересно было разговаривать как на научные, так и на обычные житейские темы. В разговоре всегда чувствовались его глубокие теоретические знания, энциклопедическая эрудиция, большой жизненный опыт. Это и неудивительно. Являясь от природы одаренным человеком, он не спекулировал своей одаренностью, а предельно грамотно распределял ее в течение всей своей короткой, до предела насыщенной жизни. Итогом явилось научное признание его незаурядных знаний - в 45 лет он - член-корреспондент АН Республики, в 50 лет - действительный член Академии.

Много внимания Евней Арстанович уделял воспитанию молодых специалистов. Начав эту деятельность в стенах родного для него Химико-металлургического института, после некоторого перерыва он продолжил ее в Карагандинском университете, ректором которого был в течение девяти лет. Я в то время работал проректором по научной работе Уральского политехнического института. Вскоре после назначения его на новую должность Евней Арстанович приехал в Свердловск и первый визит нанес мне. Я поздравил его, пожелал успехов в работе, высказал свое сочувствие, после чего начался обмен мнениями. У него было много вопросов по организации учебного процесса, студенческой науки, работе с абитуриентами, организации досуга студентов. Я поделился опытом работы на примере Уральского политехнического института, показал ему лабораторию кафедры физики, химии, сопротивления материалов.

Второй вопрос был кадровым. Ему нужны были специалисты по физике, математике и другим общеобразовательным дисциплинам.

Еще одна беседа о работе высшей школы состоялась в Алма-Ате, где встреча носила случайный характер. И снова он "пытал" меня, заканчивая каждый вопрос словами: "Как лучше сделать?" Так обычно поступают люди, которые действительно хотят сделать что-то хорошее, а Евней Арстанович к этому постоянно стремился.

Заслуживает особого внимания его литературная деятельность. Прежде всего издание монографий на базе выполнения исследований. Вместе со своими учениками он их написал 10. Это, как говорят в народе, "сам бог велел". Каждый уважающий себя научный работник должен писать. Но ведь, помимо научных монографий, им издан ряд

художественных произведений. Наряду с научными статьями Букетов написал десятки статей для республиканских и областных газет. Он писал на русском и казахском языках. Его литературные произведения с одинаковым интересом читались русскими и казахами. И в этой области он преуспел. В 1971 году он стал членом Союза писателей СССР. На литературной деятельности Евнея Арстановича я остановился потому, что все свои произведения, изданные на русском языке, с дарственной надписью он адресовал мне. Я их с большим интересом читал, высказывал в письмах свое мнение, критические замечания. С чем-то он соглашался, с чем-то не соглашался. Я в свою очередь считал своим долгом монографии, учебники или учебные пособия, написанные мною с сотрудниками кафедры, направлять Евнею Арстановичу. Его мнение всегда доставляло большое удовольствие авторам вновь изданной книги.

Евней Арстановича кафедра привлекала к оппонированию диссертационных работ. Зная его занятость, я разрешал привлекать его для оппонирования только докторских диссертаций. Он давал согласие в том случае, когда был уверен в соискателе и положительном решении рассматриваемой диссертации на всех стадиях ее прохождения. И у него это получалось. Когда диссертант получал согласие Евнея Арстановича, он был уверен в положительном исходе защиты и утверждении в ученой степени.

Вместе с тем диссертанты его боялись и боялись не как ученого, а как писателя. Иногда он с "глазу на глаз" отчитывал русского по национальности диссертанта за неумелое использование богатейшего русского языка при изложении текста диссертации. Звучало это примерно так: "Как Вам не совестно, мне, казаху, приходится исправлять Ваш русский текст". Это было самое тяжелое обвинение для диссертанта. Он готов был провалиться сквозь землю.

Приезжая в Свердловск, он всегда навещал вдову академика Смирнова Василия Ивановича Ольгу Павловну. За чашкой чая обычно протекала непринужденная беседа. Количество тем было неисчерпаемо. Объяснение этому было то, что Ольга Павловна была обязательным спутником Василия Ивановича в его командировках в Казахстан. Она была знакома со всеми выдающимися учеными Казахстана, наиболее экзотическими уголками республики, базами отдыха. Ее интересовала жизнь и деятельность общих знакомых, она радовалась их успехам и переживала неудачи в научной деятельности и семейной жизни. Евней Арстанович на все интересующие Ольгу Павловну вопросы отвечал с присущим ему юмором, высказывал свое мнение весьма корректно и в

то же время незаметно "вставлял" настолько тонкие шутки, которые не всегда улавливались.

Разговор чаще всего начинался с воспоминаний о президенте АН республики, академике К.И. Сатпаеве, которого Ольга Павловна отлично знала и о котором с большим удовольствием вспоминал Евней Арстанович. Затем начинали вспоминать Василия Ивановича и других ученых. У них были общие знакомые казахские артисты, художники, писатели. Я подробно описываю эти встречи в связи с тем, что был их участником и, слушая собеседников, узнавал для себя много нового и интересного.

Я не ошибусь, если скажу, что Евней Арстанович принадлежал к категории людей, на которых хотелось походить, с которых хотелось брать пример.

Евней Арстанович был большим патриотом Родины и, конечно, своей республики, восхищался успехами ученых и писателей Казахстана, сам стремился приумножить эти успехи. Преждевременный уход из жизни талантливого ученого, писателя следует считать большой потерей для нашей науки и литературы.

Виктор БЕЛОУСОВ

Я ЕГО НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ...

С Евнеем Арстановичем Букетовым я познакомился в 1966 году в Караганде, куда приезжал по заданию президента Академии наук СССР академика М.В. Келдыша. В Президиум АН СССР поступила в то время просьба Казахской Академии наук передать ей (Химико-металлургическому институту) научную базу ИГЕМ АН СССР (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии), находившуюся в Караганде. Для выяснения состояния этой базы на месте и подготовки окончательного предложения по этому вопросу руководству Президиума АН СССР я и посетил город шахтеров.

Встретил меня директор в то время Карагандинского химико-металлургического института, доктор химических наук Евней Арстанович Букетов. С ним мы и знакомились с этой базой, вели переговоры по этому вопросу в Карагандинском обкоме КП Казахстана. Евней Арстанович подробно познакомил меня с работой возглавляемого им института, с достопримечательностями Караганды, с городом Темиртау и

химической лабораторией своего института, которая находилась в этом городе на металлургическом комбинате.

Так мы подружились. Мне понравился Евней Арстанович своей непосредственной доброжелательностью, широкой эрудицией и большой компетентностью. Специальности у нас с Евнеем Арстановичем были разные: он химик-неорганик, я же геолог, специалист в области поиска и разведки рудных месторождений олова и вольфрама. Работая же в то время (т.е. во время нашей встречи с Евнеем Арстановичем) в Совете по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме Академии наук СССР, я курировал Казахскую Академию наук, знал ее достижения, нужды и проблемы научно-организационного характера, некоторые из которых волновали и Евнея Арстановича.

Обсуждение этих проблем явилось общим интересом у нас, и это было главное, что нас сблизило. Евней Арстанович не замыкался только в узких интересах деятельности своего института, а был в курсе важнейших проблем развития всей Академии наук, что для меня было и полезно, и интересно. Кроме того, он много рассказывал мне о Казахстане, быте, укладе жизни казахского народа.

Прямо скажу: Евней Арстанович был первым из ученых-казахов, который помог мне сблизиться с казахскими учеными, привил мне интерес к ним, к национальному быту и жизни казахов. Большое спасибо ему за это и, конечно, я его никогда не забуду, так он вошел в мою жизнь и помог моей работе с Казахской Академией наук!

Мне лично всегда было очень интересно встречаться и беседовать с ним. Я очень радовался и всячески поддерживал выдвижение Евнея Арстановича для избрания членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР, так как считал (и теперь считаю), что он вполне достоин по своим научным достижениям и человеческим качествам этих высоких званий. Прошу только правильно понять меня - от меня и выдвижение для избрания, и избрание Евнея Арстановича в члены-корреспонденты и в академики ни в коей степени не зависело. Относительно выборов его в действительные члены Казахской Академии (академики) Евней Арстанович шуточно писал мне в апреле 1975 года: "Шутил я однажды - не выберут, останусь членом-корреспондентом, как, например, Менделеев; выбрали - это свидетельствует о том, что я совсем не Менделеев."

Евней Арстанович был скромным человеком и никогда не говорил мне и даже не намекал на то, что, наряду с научной деятельностью, он занимается еще и литературным трудом и является членом Союза пи-

сателей СССР. Я узнал об этом в Алма-Ате, где кое-кто из ученых рассказал мне об этом.

При очередной встрече с Евнеем Арстановичем он подтвердил это, и мы стали беседовать (и для меня это было очень полезно) на литературные темы. Как-то Букетов поделился со мной своими замыслами написать книгу о крупном казахском ученом, президенте Казахской Академии наук, академике Каныше Имантаевиче Сатпаеве, которого я хорошо знал, так как именно при нем начал свою работу по курированию Казахской Академии наук. Я же был одним из последних, кто встречался с Канышем Имантаевичем в Москве в больнице перед его кончиной в конце января 1964 года.

Я рассказал Евнею Арстановичу о моих встречах с Канышем Имантаевичем, о работе с ним, о тех научно-организационных задачах, которые нам приходилось с ним вместе решать в интересах Казахской Академии наук и развития академической науки в Казахстане. Букетов это очень заинтересовало, и он попросил написать меня мемуары для его будущей книги. Я сделал это и отправил материал с воспоминаниями о Сатпаеве ему. Я знаю, что Евней Арстанович активно работал над задуманной им книгой. Несколько глав, написанных им, он прислал мне с просьбой, чтобы я ознакомился и сообщил ему свое мнение, что я, конечно, сделал. Касаясь книги о Сатпаеве, Е.А. Букетов 29.10.73 года писал мне, что он имеет желание "написать так, чтобы Каныш Имантаевич выглядел фигурой (такой, какой он был на самом деле), с которой бы училось молодое поколение жизни, смелости, творчеству".

Евней Арстанович всегда был интересным, приятным и внимательным собеседником. Это приводило к тому, что я часто рассказывал ему о любопытных, по-моему, этапах моей жизни, например, о своей дипломатической работе, которую мне приходилось вести с 1952 по 1962 год (в это время я работал в качестве 2-го секретаря МИД СССР, вице-консулом и шефом протокола в Посольстве СССР в Швеции и т.д.),

Евней Арстанович очень интересовался этими моими воспоминаниями, моими встречами за границей с людьми сложной судьбы и воодушевлял меня на то, чтобы я начал писать книгу об этом. Под его благотворным влиянием я начал постепенно заниматься литературной работой.

Получив мои воспоминания о К. И. Сатпаеве, в письме от 14.04.75 года Букетов писал:

"Прочитал я Ваше начало - хорошо, литературно, так можно писать. И вообще, уверяю Вас - у Вас получится многое и кроме Сатпаева, пи-

шите, пишете, не торопясь, даже пока не думая, может быть, об издании. Пишите для себя - это принесет удовлетворение..."

И еще об одном. Я послал Евнею Арстановичу две свои "пробы пера", написанные мною еще в молодости, так, для себя самого и для чтения домашнего, для друзей (самых близких). Первое «произведение» было записано «с натуры», так сказать, взято из жизни во время войны (называлось "Жизнь как она есть"), второе - результат моего наблюдения за канцеляристами и бюрократами (называется "Гони план по валу").!,

Из посторонних (не - домашних) я показал их только Евнею Арстановичу (и до сих пор больше никому). Его мнение ("рецензия") было критическим, но доброжелательным и, как всегда, ободряющим. Позволю себе привести более подробную выписку об этом из его письма ко мне от 17.01.76 года:

"Ваша "Жизнь как она есть" - рассказик ничем не хуже других - подобных. Действительно - жизнь, как она есть! Написано прекрасно. Для напечатания подчеркивать... национальную принадлежность хозяйки, может быть, не следует, хотя я тоже приметил, что то, что написано, именно характеризует определенную вами национальность.

"Гони план по валу"... Я думаю, что нам уже не по возрасту ехидничать по поводу мелочей жизни, ибо, как я, к сожалению, заметил, "Крокодил" вызывает смех и горечь... в основном у умных и честных людей, владеющих чувством юмора, а тупицы, подлецы и негодяи этим чувством (юмора) почти не владеют, и наш смех до них не доходит. Это, я думаю, вовсе не означает, что сатира и смех не нужны в обществе. Они очень нужны".

В заключение мне хочется подчеркнуть еще одну очень важную и ценную черту характера Евнея Арстановича - доброжелательное отношение его к другим нациям, интернационализм. Я приведу один конкретный факт, который говорит сам за себя и дополнительных комментариев не требует.

В 1979 году в Академии наук республики состоялись очередные выборы новых членов Академии, на которых присутствовал Евней Арстанович (как академик) и я (как куратор Казахской Академии). Среди баллотировавшихся кандидатов в члены Академии был один ученый-химик Н.К., представитель одной из проживающих в Казахстане малых национальностей. Мне было известно, что ряд крупных ученых-казахов (академиков) к этому ученому относились в связи с его национальностью несколько предвзято. Пользуясь нашими с Евнеем Арстановичем дружескими отношениями, я подошел к нему и спросил, как

он относится к баллотирующемуся в члены Академии ученому Н.К.? Его ответ поразил меня своей мудростью. Он сказал: "Дорогой В.В., если представитель малой нации в Казахстане преклонил свою голову к плечу казахов, его мы должны обязательно поддержать!".

Вот те впечатления об Евнее Арстановиче, о которых мне хотелось рассказать людям, чтобы память о нем была нетленной.

Лидия ИЛЬИНА

ЖИЗНЬ РАДИ ЖИЗНИ ДРУГИХ

В марте 1972 года мой коллега по работе Алексей Иванович Перевертун сказал мне, что со мной хочет поговорить ректор только что открытого в Караганде университета Евней Арстанович Букетов. Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования республики Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей физики или теоретической (я ведь окончила кафедру теоретической физики). Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди, новая очень ответственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила. Евней Арстанович рассмеялся - громко, раскатисто, от души - как мог смеяться только он, и начал говорить. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что ему нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо, и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем - мой муж и я, были всецело покорены обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно.

В июне я была уже в Караганде. Евней Арстанович прислал в аэропорт свою машину, позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом зеленом уголке Караганды. Мне до сих пор не верят, что так может быть, вот так, вроде бы просто, пообещал и сделал. Таким он был во всем, жизнерадостный, жизнелюбивый, человечный, внимательный, даже в мелочах.

Не позже 1 сентября нам предстояло начать учебный год в корпусе, где ранее располагался весь пединститут, в аудиториях, где ранее находились кафедры и кабинеты истории, марксистско-ленинской философии, политэкономии, который мы должны были за 3-4 месяца превратить в оснащенные физические лаборатории.

Честное слово, если бы сейчас мне сказали, что такое можно сделать, я бы не поверила. Евней Арстанович всегда верил людям, он тогда сказал? - "Все эти перегородки убрать! Зачем нам такие клетушки. Студенты Карагандинского университета будут учиться в просторных, светлых аудиториях". Евней Арстанович понимал, что особенно важно это для кафедры общей физики, которая должна была принять первокурсников первого университетского набора. Пройдите по третьему этажу корпуса физфака по Кирова, 16, и вы увидите, что самые лучшие помещения отданы самым младшим. А оборудование? А его монтаж? Евней Арстанович говорил: "Делайте все, что считаете нужным". И мы делали все, потому что не делать было нельзя, ведь нам так верили, на нас так надеялись. Физический факультет начал занятия в просторных университетских лабораториях. К слову сказать, этим же летом политехнический институт переехал в новый корпус и в течение почти года запускал свои физические лаборатории.

Ректор второго в республике, совсем молодого университета отчетливо понимал, что каким бы трудным ни был путь развития нашего коллектива, как бы ни опережали наши желания, объективные возможности - университет должен иметь свое лицо. Разумеется, научные школы, которыми славятся отечественные университеты, не рождаются по мановению волшебной палочки. Это процесс сложный, длительный, предполагающий наличие квалифицированного профессорско-преподавательского состава с крупными, талантливыми учеными в его ядре. Это - не мои слова. Так всегда говорил Евней Арстанович, к этому призывал нас всех, и преподавателей, и сотрудников, и студентов. А как он говорил! Помнится, в Алма-Ате состоялось совещание председателей Советов и ученых секретарей, которое проводили представители ВАК. И там выступил Евней Арстанович. Как он говорил об университете, его перспективах, о нашем коллективе! Я много лет работала в Алма-Ате, многих знаю, и многие мои коллеги по Алма-Ате подходили ко мне и говорили: "Какое счастье работать с таким руководителем! Какой человек! Он живет для других!"

К нашему физическому факультету Евней Арстанович был явно равнодушен. Это и неудивительно, так как это один из головных факультетов любого университета. Он собирал преподавателей физфака - преимущественно тогда еще молодых людей, кандидатов наук, только что начавших путь, из разных концов страны. Только зав. кафедрой ОМИиА, доцент А. И. Перевертун обладал большим преподавательским и научным опытом. Б. Ф. Минаев приехал из Томского университета, А.И. Перевертун (зав. кафедрой ОМИиА), Т.А. Кукетаев

(зав. кафедрой физики твердого тела), Ж.С. Акылбаев (зав. кафедрой теоретической физики), Л.Ф. Ильина (зав. кафедрой общей физики) - из Алма-Аты, Г.А. Кешле учился в аспирантуре МГУ, К.Т. Ермаганбетов работал в Сибирском отделении АН СССР, закончил аспирантуру в Новосибирске и там же защитился, зав. кафедрой радиоэлектроники Краусс Л.А. работал в Карагандинском политехническом институте, С.Д. Дарибеков - в КазПИИ в Алма-Ате заканчивал аспирантуру, а защитился в Москве, Б.К. Кусаинова - заканчивала аспирантуру в Тарту и т.д. Таким образом, в пределах одного факультета сошлись люди разных школ. Естественно, возникала мысль, что нелегко будет объединить единими творческими интересами молодых физиков, усвоивших методы и взгляды учителей; часто стоящих далеко друг от друга. О, как это понимал Евней Арстанович, и он делал все, чтобы наш факультет развивался в атмосфере общей заинтересованности и дружелюбия.

Единственная в республике гелиевая станция создана благодаря большой настойчивости и личной заинтересованности Евнея Арстановича. Оснащенность кафедр и лабораторий физфака, их высокий современный уровень отмечали многие наши гости, в том числе и из центральных университетов. Факультет работал по трем научным проблемам, которые координировались Академиями наук СССР и КазССР, на факультете насчитывалось 6 кафедр и учебно-научная лаборатория "Строение вещества", 45 преподавателей, в том числе 23 кандидата наук. Более 10 лет тому назад Евней Арстанович говорил о Г.А. Кешле как тонком и вдумчивом экспериментаторе (ныне проректор по НИР КарГУ Г. А. Кешле один из ведущих специалистов в области молекулярной спектроскопии).

Очень высоко отзывался Евней Арстанович о Минаеве Б. Ф. - ныне зав. кафедрой квантовой химии. Б. Ф. Минаев - доктор наук. Евней Арстанович высоко оценивал остроумную идею доцента Перевертуна применить разработанный им метод измерения солнечной радиации к бесконтактному измерению температуры расплавов. Теперь этот метод отработан на БГМК, Карагандинском заводе отопительного оборудования. Таких примеров можно привести множество. Только большой ученый, вдумчивый педагог, подлинный руководитель, настоящий человек, а именно эти качества были в высшей степени присущи Евнею Арстановичу, мог так четко представлять будущее своего детища - нашего университета.

Лаборанты, аспиранты, студенты 1972 и даже более поздних лет - Антипов Ю.Н., Сойников Ю.А., Юров В.М., Кунакбаев Т.Ж., Брюха-

нов В.В., Курманов М. К. и другие - ныне кандидаты наук. Это прямое следствие того, что Евней Арстанович очень бережно относился к молодежи и он постоянно был окружен молодежью. Он всегда верил молодежи, надеялся на молодых, и эта ставка на молодость и одержимость сторицей окупалась. К сожалению, этой откровенностью, стремлением Евнея Арстановича посоветовать, подсказать, помочь в любое время, в любой ситуации частенько злоупотребляли. Вот и не выдержало его большое сердце.

А как любили и уважали студенты своего ректора. Он ведь частенько выступал перед студенческой аудиторией как ученый, как педагог, как писатель, просто как старший, опытный товарищ. Он находил время присутствовать не только на торжественных собраниях, заседаниях, юбилеях, семинарах, конференциях, но и на студенческих вечерах, КВН, просто в студенческой аудитории. Причем, присутствовал - не то слово, он никогда и ни к чему не оставался равнодушным, не терпел невежества, самонадеянности, подхалимства, грубости, неуважения к кому бы то ни было. И ни один человек из тех, кто с ним общался, хотя бы единожды, не мог отнестись к нему равнодушно.

Когда он входил в зал, в аудиторию, поднимался на трибуну, невольно возникала мысль: "Какой человечище!" И никто из нас никогда и не думал, что он уйдет от нас так рано. Да, бывали случаи, что его могучий организм не выдерживал и он попадал в больницу, но даже там он был неистребимо жизнелюбив, при малейшей возможности работал, даже туда к нему шли и шли и зачастую не проведать, а за помощью, и он помогал, никому не отказывал.

Немало лет прошло с тех пор, как не стало Евнея Арстановича, а боль утраты не ослабевает. Я видела его в последний раз всего за несколько дней до кончины, конечно же, он был смертельно болен, и думаю, что сознавал это. Но это был все тот же Евней Арстанович, деятельный, неунывающий. Великий сын своего народа, он отдал всего себя без остатка во имя его процветания, во имя будущего.

Всю свою оставшуюся жизнь (впрочем, я всегда это отчетливо понимала) я буду считать, что мне выпало огромное счастье трудиться под руководством Евнея Арстановича Букетова, общаться с ним, учиться у него жизнелюбию, оптимизму.

САМОРОДОК, МЫСЛИТЕЛЬ, ТРУЖЕНИК

Евней Арстанович относится ко второму поколению советских ученых-металлургов. Тем, кто находится сегодня на руководящих постах, уже 45-50 лет и они представители 3-го поколения. К ним отношусь и я, поэтому мое ощущение личности Евнея Арстановича можно соотнести через градацию "отец-сын".

Я не претендую на объективный портрет этого интереснейшего человека, мои личные контакты с академиком Букетовым непродолжительны. Излагаемые мысли - конгломерат личного ощущения, сложившегося под впечатлением изучения его трудов и кратковременных встреч и мнений о нем моих учителей.

В.И. Смирнов (1899-1972), академик АН республики, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор технических наук, с 1930 по 1970 годы возглавлял кафедру металлургии тяжелых цветных металлов Уральского политехнического института имени С.М. Кирова. Вот его мнение: "Букетов - очень способный казах, самородок. Он талантлив, он - труженик". Позднее В.И. Смирнов с готовностью консультировал его, дал отличный отзыв на его докторскую диссертацию, охотно помогал его помощникам, молодым в то время Малышеву В.П., Угорцу М.З. Судя по теплым воспоминаниям В.И. Смирнова о встречах с Е. А. Букетовым, последний был, по-видимому, скромн, внимателен к старшим - качества, которые В. И. Смирнов ценил у людей особо.

С.И. Кузнецов (1918-1981 г.г.) - заслуженный металлург РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1961-1970 г.г.), 31 год возглавлял кафедру металлургии легких металлов, профессор, доктор технических наук: "Евней Арстанович - очень интеллигентный, тактичный человек, особенно добр к друзьям. Хотя и дипломат, но нажил и врагов. Кстати, вы, молодежь, знаете, что он не только писатель, но и отменный переводчик".

И.Ф. Худяков (1921-1988 г.г.) - заслуженный деятель науки и техники РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1970-1979 г.г.), заведующий кафедрой металлургии тяжелых цветных металлов (1971-88 г.г.), профессор, доктор технических наук: "Евней - отличный друг, хороший организатор, человек дела, за едким словом в карман не полезет".

Я привел высказывания авторитетных людей, известных специалистов, ученых и педагогов в области цветной металлургии, хорошо знавших Евнея Арстановича. У профессоров Смирнова В.И., Кузнецова С.И., Худякова И.Ф. я не только учился, но и пришлось совместно с ними работать многие годы. Это добротные люди. Поэтому их мнения о Евнее Арстановиче я считаю как объективную информацию и оценку.

Впервые, я увидел Евнея Арстановича осенью 1964 года, когда он приезжал на кафедру по апробации своей докторской диссертации. Его сопровождал И. Ф. Худяков в экскурсии по лабораториям. Зайдя в автоклавную лабораторию, Букетов живо интересовался техникой использования вращающегося диска для исследования кинетики растворения в автоклавных условиях.

Будучи аспирантом, и, как всякий молодой человек, я придирчиво рассматривал гостя, вслушивался в его вопросы, анализировал суть его высказываний. Мы, молодежь кафедры, очень уважали И.Ф. Худякова (статный, деловой, динамичный, знающий), и я, естественно, анализировал ощущение от гостя на фоне близкого и понятного для меня Ивана Федоровича.

Евней Арстанович оказался рослым и представительным, немного полноватым (для меня, в то время спортсмена, это считалось недостатком) мужчиной. Чистое округлое лицо, выразительные крупные черные глаза (цвета спелой вишни), густые черные волосы в форме двух упрямых прядей. Он больше слушал, но когда отвечал или спрашивал, то чувствовалось, что он хорошо усваивал информацию, а дополнительные вопросы касались глубинных нюансов обсуждаемой тематики. Во время беседы Иван Федорович рассказал анекдот на злободневную тему. К моему удивлению, от восточной сдержанности гостя ничего не осталось: оба они смеялись естественно и открыто. Евней Арстанович в долгу не остался. Но его рассказ, в отличие от рубящей короткой фразы И.Ф. Худякова, был преподнесен в более живой и литературной форме, повеяло стилем (да и шаловливостью сути) сказок Шехерезады. В завершение рассказа оба эти красавца-мужчины (им было в районе 40 лет) смеялись еще громче, приятельски похлопывая друг друга по плечу. Выступая в роли судьи, я все-таки отдал предпочтение И.Ф. Худякову, но оно было "с небольшим преимуществом". Обсуждая итоги визита и отвечая на мои многочисленные "Кто и почему?", Иван Федорович в конце произнес обобщающе: "Интересный и хороший мужик!" (эта грубоватая форма оценки, по существу, отражала высшее уважение, которое И.Ф. Худяков устно выражал в адрес своих знакомых).

Я окончил аспирантуру, на защиту диссертации поступил и отзыв из Карагандинского химико-металлургического института за подписью д.т.н. Е. А. Букетова и к.т.н. Угорца М.З. Отзыв положительный, интересный, замечания обстоятельные, просто соглашаться не хотелось, понадобились разъяснения.

Затем в период 10-летней работы в Унипромеди я неоднократно контактировал с ближайшими помощниками Е.А. Букетова (Малышевым В.П., Угорцом М.З., Шкодиным В.Г.) в период проведения ими больших и полезных работ по модернизации переработки шламов медь-электролитного производства. Во время бесед (нередко в неофициальной обстановке; мы были молоды и стопка-другая водки или вина не влияла на наше поведение, а беседа шла оживленнее и непринужденнее!) мы обсуждали многие проблемы, перемалывали косточки сторонникам или противникам прогресса. И всегда я слышал уважительную оценку роли Евнея Арстановича в развитии фундаментальной науки и образования в Северном Казахстане.

Мы радовались успешному развитию технологии с использованием печей шахтного типа, внедрению плавки концентратов на Балхашском комбинате, недоумевали и строили догадки, почему Евнея Арстановича только на третий раз избрали членом-корреспондентом АН республики, удивлялись его очередному мужественному шагу возглавить становление Карагандинского университета, от души приветствовали присуждение ему Государственной премии СССР за цикл работ по усовершенствованию технологии на Балхашском комбинате, избрание его действительным членом АН Каз.ССР, беспокоились, что Евней Арстанович стал иногда хандрить и даже болеть.

В этот период под его руководством было завершено немало аспирантских работ, которые отличало надежное физико-химическое обеспечение, актуальность тематики, "букетовские" пытливость и мысль, хороший литературный стиль.

Все это время научные связи между Кар.ХМИ и организациями цветной металлургии Свердловска (в первую очередь Уральским политехническим институтом, Унипромедью) упрочнялись; это выражалось и в обмене информацией, совместных работах, приятных встречах на конференциях, помощи в организации защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора технических наук. Карагандинскую школу физхимиков-металлургов-цветников надежно представлял в 70-е годы академик Е. А. Букетов с докторантами Малышевым В.П., Угорцом М.З., а в Свердловске - профессора Бабаджан А.А., Каковский И.А., Кузнецов С.И., Окунев А.И., Худяков И.Ф.

В 1978 г. я подготовил докторскую диссертацию, посвященную изучению и разработке автоклавных технологий в металлургии меди. И при формировании "команды оппонентов" наш выбор с И.Ф. Худяковым остановился и на Евнее Арстановиче: "Компетентен, авторитетен, динамичен, но перегружен". Поэтому любезное согласие его быть оппонентом моей работы было для меня, а по мнению И. Ф. Худякова, и для нашего докторского Совета, почетным и полезным. Все шло нормально, разослан автореферат, получены отзывы от двух оппонентов и передового предприятия, защита назначена на 7.02.79 г. И вдруг за две недели до защиты Евней Арстанович приглашает меня в Караганду, показывает экземпляр диссертации с правками, дает прослушать диктофон с его замечаниями и обобщает: "Очень хорошая работа, но немало стилистических погрешностей, надо их исправить. Мне, казаху, неудобно делать вам, русским ученым, замечания о стиле русского языка". Вполне понятно, я был огорчен, даже пошел на обострение: "Согласен защищать при любом Вашем отзыве". Евней Арстанович остался непоколебим. Ни разъяснения, ни просьбы председателя докторского Совета и его заместителя не повлияли на его решение. Пришлось защиту перенести на месяц; к моему несчастью, срок полномочий Совета к этому моменту истек. И только через год в феврале 1980 г. состоялась защита. Евней Арстанович дал хороший отзыв, голосование единогласное, через полгода пришло утверждение ВАКа.

Год не прошел для меня даром еще и потому, что я достал опубликованные художественные произведения Букетова Е.А., с удовольствием их прочитал, отмечая про себя живость языка и сочность образов. Признаюсь, я внимательно просмотрел еще раз ряд монографий под авторским редактированием Е.А. Букетова: стилистически они были написаны совершеннее, чем моя докторская диссертация.

Не скрою, было обидно, даже сгоряча непонятно; но, оценивая эти события по временному фактору, сознаю: "Урок я получил сильный. Стараюсь максимально обдумывать построение и изложение фразы, мысли". Конечно, я благодарен за такую встряску. И однозначно так поступить мог не только сильный, но и убежденный в своей правоте человек.

Судьба предоставила возможность еще раз встретиться с этим интереснейшим человеком. Дело было на защите докторской диссертации В. П. Малышева. Евнея Арстановича хорошо знали в Совете и всегда ждали оригинального обобщения; поэтому, когда он попросил слова в дискуссии, восстановилась в зале полная тишина. Его речь отличала строгость и четкость, ясность и образность, мудрость и юмор. Помни

его каламбур, очень удачный и к месту. Сильная работа В. П. Малышева была посвящена теории и практическим приложениям печей шахтного типа. Давая оценку достоверности разработанной методики расчета реакторов шахтного типа, Евней Арстанович привел данные, не отраженные в диссертации, об эффективности использования этих аппаратов и для сушки зерна. При этом эффект состоял не только в большой производительности и глубине сушки, но и в том, что свиньи, которым скармливали это зерно, набирали в массе гораздо быстрее, чем в контрольной партии подопытных животных. Евней Арстанович с видимой горечью заключил: "Действительно, пути науки неисповедимы. Получилось так, что я, мусульманин, способствовал процветанию свиней-животных, мерзких по Корану". Конечно, зал ответил дружным оживлением.

В последующие годы я считал приятным долгом поздравлять Е.А. Букетова с праздником, оперативно реагировать на авторефераты диссертаций его учеников, оказывать посильную помощь в организационных вопросах сотрудникам ХМИ АН Каз.ССР. Словом, добротные отношения между нашими организациями, заложенные нашими учителями, сохраняются.

Известие о трагической кончине Е.А. Букетова очень огорчило И.Ф. Худякова и меня. Мы написали соболезнование. И все-таки было непонятно и обидно: "Как получилось, что такой талантливый человек скончался в расцвете творческих сил". Без сомнения, объективную оценку событий, роли отдельных личностей даст время. Не дело нам, уральцам, со стороны пытаться разбираться во взаимоотношениях, сложившихся между учеными северных и южных научных провинций Казахстана.

Но если бы спросить мнение уральцев, знавших и участвовавших в развитии и становлении научной мысли на казахской земле, без сомнения, имя академика Букетова Е.А. они бы назвали в ряду талантливых сынов Казахстана К. Сатпаева, М. Ауэзова.

Талант Е.А. Букетова сформировался и расцвел в годы Советской власти, в условиях братской взаимопомощи и контактов с великим русским народом, с другими народами нашей страны. Истинный ученый всегда интернационален. Этому является подтверждением и кипучая жизнь Е.А. Букетова, труды которого хорошо известны в нашей стране и за рубежом, благодаря которым он продолжает жить и трудиться вместе с нами.

ПРОСТОР

Балхашская медь, как породистый степной иноходец, имеет "тавро" - четыре девятки. Это ее фирменный аттестат. Он удостоверен высшей пробой - Государственным знаком качества: чистота меди почти идеальная - 99,99 процента.

Достичь этого коллективу Балхашского горно-металлургического комбината помог Химико-металлургический институт в Караганде, которым двенадцать лет руководил Евней Арстанович Букетов.

В списке научных трудов профессора Букетова более 130 названий, несколько десятков авторских свидетельств. Но главными для него долгое время были вопросы химии и технологии селена и теллура - химических аналогов серы, металлоидов, которые ныне нашли широкое применение в электро и радиотехнике, автомобильной промышленности, производстве красителей, ламп с непрерывным спектром - праобразов искусственного солнечного света...

Много лет Букетов работал над тем, чтобы извлечь из ядовитого дыма заводских труб серную кислоту, редкие металлы, в том числе редчайший из них - рений...

Превращать дым в металлы, более драгоценные, чем золото, занятие неординарное. Захотелось мне познакомиться, поговорить с ректором Карагандинского университета об этой проблеме.

В университете Букетова не оказалось: "Взял отпуск и уехал отдыхать в Каркаралинск".

Каркаралинский горно-лесной оазис в степи Сары-Арки - место знаменитое и примечательное. От Караганды до него - четыре часа автопробега по пологим холмам и каменистым гривам. Едешь, едешь нагой и желтой степью, и вдруг ныряешь в зеленое море с оранжевыми маяками-скалами.

Не за отдыхом застал я Евнея Арстановича в Каркаралинске - за работой: он переводил на казахский язык "Русь советскую" Сергея Есенина. Обрадовался: "Послушайте!" Сквозь затейливую вязь казахского языка вдруг проклюнулись чисто есенинская интонация, озорная печаль: "И это я! Я - гражданин села, которое лишь тем и будет знаменито, что здесь когда-то баба родила российского скандального пиита..." Казахские стихи пели есенинским языком!

Не понял я только одного, как поэт перевел слово "баба" "Крестьянка", - ответил Евней Арстанович.

Затем он дал мне почитать несколько первых главок своей только что начатой на русском языке рукописи - биографии Каныша Сатпаева. Пятьдесят страниц я буквально проглотил. Своеобразный поэтический синтаксис, неожиданные инверсии, смелые метафоры... Казалось, что две языковые культуры - казахская и русская - громогласно заявляют о своем родстве. А языки-то совсем разные. Живой материал для серьезных и поучительных исследований, не только литературоведческих.

А ведь Букетов - химик...

- Евней Арстанович, скажите, на каком языке вы думаете?

Букетов долго молчал, вслушивался в себя. Казалось, мой вопрос застал его врасплох.

- Честно сказать, не знаю. Пожалуй, в работе непосредственно, как ученый и педагог - на русском. А вот когда вспоминаю о земле, родном гнезде, размышляю над судьбами людей, о жизни - на казахском, кажется.

И вдруг встрепенулся:

- Нет, нет! Что-то не так. Скорее, это чутье. Утверждать трудно. Ведь вы не просто так спрашиваете. Не хочу вводить в заблуждение. Притчу о бороде аксакала знаете? Вот вам хитрый ответ на ваш вопрос. "Старика спросили дети: "Дедушка, ты, когда ложишься спать, куда свою бороду кладешь - на одеяло или под одеяло?" Аксакал глубоко задумался, ничего не ответил. Решил проверить перед сном. Положил бороду на одеяло - не так, неудобно. Спрятал под одеяло - еще хуже. Снова распустил поверху - совсем худо. Заснул под одеяло - кошмар! Так всю ночь и промучился". Стоит ли и нам ломать голову?

И засмеялся заливисто. Затем предложил:

- Русский язык для всех нас, казахов, стал вторым родным языком. Он вывел нас на простор...

Помолчал и повторил с волнением:

- На простор. Но не тот, который знали наши предки, - бесконечная печаль голой степи. На подлинный простор жизни нас вывел Октябрь... Я родился в семье бедняка Арстана. До меня у родителей было семь детей, все умерли маленькими. Я родился уже в советское время - и выжил. После меня было еще четверо. Когда отец умер, мне, старшему, только что стукнуло шестнадцать лет. Какая судьба ожидала осиротевшую семью бедного казаха до революции? Нищета, погибель. А мои братья все до одного получили высшее образование. Живут и трудятся в радость: Камзабай - инженер-электрик, Жаркен - инженер-гидролог, Шабдан - инженер-геофизик, Еслямбек - горный инженер. Ну, а я, старший - ректор университета. Вот это и есть - советский про-

стор! Отец рассказывал мне, что он стал землепашцем благодаря русскому мужику - переселенцу Лазуткину. Тот дал ему зерна пшеницы, помог вспахать землю и засеять клин. Через несколько лет весь наш небольшой аул Алыпкаш питался "лазуткинским" хлебом. А зерна, посаженные в казахских степях Октябрьской революцией, стали хлебом жизни всего народа.

- Реальность родила художественный образ.

- Да. Согласитесь, нельзя не высказать это песней. Хочется поделиться с людьми сердечной радостью. Может быть, поэтому и занимаюсь литературой.

- Скажите, Евней Арстанович, что же главное для вас - наука или литература?

- Быть может, я покажусь вам однозначным, но я все-таки казах, что поделаешь! - улыбнулся профессор. - И поэтому снова назову любимое слово - простор. Литература мне, ученому, поставляет, если так можно выразиться, чувство беспредельности человеческого разума. Распахиваются такие романтические дали, рождаются такие возвышенные и благородные устремления, что невольно обретаешь крылья и пускаешься в полет. Ну и еще: образованность без воспитанности - лишь грива скакуна, но не сам скакун. Воспитание чувства - от песен, литературы, живописи, от всего того, что составляет великолепное ощущение жизни. Если позволите, я процитирую Луначарского, который писал, что образованный человек "...идет к идеалу всеведения. Но не таким образом, чтобы поверхностно скользить по всему. Он должен иметь специальность, он должен знать свое дело, но вместе с тем интересоваться и уметь войти в другой круг познаний. Такой человек слышит весь концерт, который играет вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же время он сам играет хорошо и делает свой вклад в общее богатство, а это общее богатство в целом отражается в его сознании, в его сердце". Да, в сердце. В свое время затеянный спор о физиках и лириках - зряшное дело. У поэтов и ученых в сущности одна задача - поиски красоты, совершенства. Все самое доброе и полезное на земле создается по законам красоты. К прекрасному во всем стремится человек. Убежден, что ученым скорее сделается тот, кто непрерывно и беспрестанно развивает свою творческую личность во всех направлениях. Как сказал Пушкин: "О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух, и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг",

Так вот получилось: поехал писать о докторе технических наук, а встретил коллегу по перу - публициста, критика, поэта, переводчика... Статьи Букетова о научной интеллигенции Казахстана, рецензии и театральные обзоры, написанные на русском языке, были известны мне, но не знал я, что автор их прежде всего химик. Они привлекали внимание читателей лаконичностью и точностью в анализах и оценках, тонким вкусом и чувством меры. Букетов перевел на казахский язык поэму Есенина "Анна Снегина", стихи и поэму "Хорошо" Маяковского, рассказы Эмиля Золя, роман Ивана Вазова "Под игмом..." Эти переводы обогатили казахскую литературу и поэзию, в частности, открыли для национального стихосложения не только новый размер, но и насвежо осветили доселе малоизвестный уголок беспредельного массива человеческих отношений. Эстетическая ценность этого его литературного труда была замечена и признана сразу: Евней Букетов был принят в Союз писателей СССР.

Химик и поэт. Сплав не столько необычный, сколько поучительный. К тому же Евней Букетов с равной силой творит на двух языках: родном казахском и русском...

И все-таки Евней Арстанович Букетов прежде всего ученый, педагог. Это проглядывает и в его чисто литературных работах: факты, сопоставления их, анализ, суждения, гипотезы... Художественный образ в его произведениях существует и живет не сам по себе, он как бы дополнительно выверяется и обосновывается научно, подвергается исследованию, эксперименту, что ли. Букетов, правда, не перешагивает видимой грани, но, к примеру, при чтении его рукописи о детских годах академика Сатпаева нет-нет да и возникает ощущение, что анализ приведенных в повести фактов жизни кое-где берет верх над "искусством фактов".

Я уже упоминал о заводских дымах над степью - "бунчуках на пиках-трубах". Так вот: этот образ заимствован мною у Букетова. Именно он, этот образ, родившись в стихах, затем стал для Букетова предметом исследования, экспериментов. Потребовалось бы много времени, чтобы дать лишь абрис тем проблемам и работам, которые возникали и прodelывались, чтобы из ядовитого дыма извлечь пользу для человека.

К 1960 году президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев пригласил к себе молодого ученого Букетова и попросил его возглавить только что основанный в Караганде Химико-металлургический институт. Начиналось все "с нуля, с колышков", а ныне этот институт (в полном смысле родное детище Букетова) - крупнейший научный центр, где ведутся исследования по важнейшим проблемам химико-

металлургического производства. Именно научный коллектив этого института, ведомый Букетовым, сумел помочь горнякам-обогащителям, металлургам и химикам Сары-Арки добиться таких успехов в производстве редких металлов, которые были отмечены Государственной премией СССР.

В Жезказгане и Балхаше Букетов для рабочих и инженеров - свой человек, наставник и помощник. У металлургов памятные дни, когда балхашцы вместе с коллективом ученых "букетовского института" совершили резкий скачок в производительности конвертора. В меди крайне нуждалась промышленность страны: чем больше, тем лучше.

Я не стану вдаваться в описание всей сложности этой проблемы и поистине титанического труда, вложенного в нее. Чугунные слова похвалы не вступают в реакцию с чистойшей пробы мужеством,

- Тоже "четыре девятки?" - спросил я у Евнея Арстановича, имея в виду цену научного подвига его сотрудников.

- Нет. "Четыре девятки" в квадрате, - ответил он твердо и, следуя какой-то внутренней ассоциации, добавил: - Каждый из нас обязан работать вдвойне, за себя и за тех, кто своей грудью защитил простор нашей жизни. Чувство долга как и радость - сильнее всех чувств на свете.

Проблема, в решении, которой достигнуты столь замечательные результаты на Балхаше, продолжает волновать и двигать вперед мысль химиков и металлургов страны. "Балхашский эффект" получил огромный резонанс в металлургических цехах и лабораториях многих заводов страны. Доброе дело вышло на широкий простор.

- С каким чувством вы, Евней Арстанович, оставили свой родной институт, обретший под вашим руководством зрелость, силу и славу, и перешли в университет?

- С чувством ответственности и удовлетворения. Да, институт окреп. Почти все свои научные работы я выполнял вместе с учениками и коллегами. А я с самого начала выбирал таких помощников себе, чтобы они в будущем не только достигли того, что я знаю, но и пошли дальше меня. Так и вышло. Я рад этому, хотя, не скрою, это порой нелегко. Трудное и большое это счастье - воспитать учеников, которые способны смотреть и видеть дальше и глубже, чем их наставник. А университет - это как раз такое учебное заведение, которое должно прежде всего науку двигать вперед. Двигать ее вперед - руками, разумом и сердцем молодых.

Люди живут в окружении родни. Не безродны и технические новшества, научные открытия, изобретения. Родня у них обширна. Студенту университета нужно хорошо узнать всю свою "родню", преже-

де чем пускаться в рабочий путь, поиск. Научить его быть умным инженером можно и должно, но открывать и изобретать никто научить не сможет. Открытия рождаются не из схем, а в кипении и горении рабочих будней. Методики научных открытий нет и не может быть. Как нет и не было инструкции, по которой бы создавались пушкинское "Я помню чудное мгновенье...", ахановский "Кулагер", ауэзовский "Абай". Но метод есть! Неожиданностей в открытиях не бывает, любая неожиданность уже предопределена самим материалистически нацеленным, организованным по законам диалектической логики поиском. Оснастить и отправить в этот поиск молодого человека - вот благородная цель университета. Ну и, само собой разумеется, мало быть хорошим инженером, ученым, надо прежде всего стать полноценной личностью - честным гражданином, искренним патриотом.

Евней Арстанович поднялся из кресла и вышел на балкон. Опершись на перила, он, большой, неподвижный, долго смотрел на блестящее озеро-блюдец в оправе золотых сосен и красноватых скал. Неширокий пляж был усыпан отдыхающими. Слышался смех. Где-то играли на баяне и домбре.

Повернувшись ко мне, он сказал, продолжая беседу:

- Только в Караганде сейчас работает 700 кандидатов наук и 30 докторов.

И снова задумался, вошел в комнату, опустился в кресло, глотнул из пиалы кумыса.

- Сила большая, - заметил я.

Букетов охотно подхватил мои слова, опять оживился, плавным движением большой руки поправил густой черный чуб.

- Да, сила значительная. Она способна свернуть горы - в буквальном и переносном смысле. Видели горы отвальных пород у рудников и шахт, курганы отходов на задах металлургических заводов и обогащательных фабрик? Мусор? Балласт? Ну, нет. Мы научились из дыма извлекать драгоценные металлы. В этом направлении пойдем дальше. А балласты? Это же и есть "твердый дым" производства. Не пора ли и его взять в обработку? Но как? Грубо говоря, металлургия за всю свою историю прошла два эпохальных этапа - огневой и водяной. Но по нынешним временам, нынешнему уровню развития техники и науки сжигать, к примеру, в топках карагандинский уголь непростительное расточительство. Это же углерод! Много из него сделать можно. Запасы природных полезных ископаемых не беспредельны. Правда, еще три столетия бояться нечего. Только наши подземные реки руды и угля,

текущие от Урала до Балхаша, чего стоят! Но надо подумать и о наших потомках в седьмом колене.

И вдруг опять неожиданно спросил: - А вы знаете, что строфа "Евгения Онегина" совершенно точно укладывается в мелодию "Кыз-Жибек"?"

- Как?

- А вот так.

И Евней Арстанович напел арию из казахской оперы "Кыз-Жибек" на пушкинские слова: "Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог..."

Букетову пятьдесят лет. Его крупная фигура, плавные, медлительно-грациозные движения, вдумчивая, полная афористичности и тонкой иронии речь под стать седобородому аксакалу. Не обманывает только улыбка: озорная, открытая, заразная.

Евней Арстанович пригласил меня на джайляу - летнее пастбище. "Жигули" прытко побежали по желтым буграм. Машину вел известный в Казахстане ученый-оптик, кандидат физико-математических наук Алексей Иванович Перевертун - давний коллега и испытанный друг Букетова. Массивный, большой, он оседлал малолитражку, как коня. Мы с Букетовым разместились на заднем сиденье, а рядом с Перевертуном примостился семилетний сынок Евнея Арстановича - Рашид.

Остановились у юрты табунщика. Молодой пастух пригласил к дастархану, шустрая черноглазая хозяйка с двухлетним малышом у подола взбила кумыс, налила в стаканы.

Фырканы кобылиц, ржание новорожденных жеребят не мешали неторопливой беседе Букетова с пастухом. Расспрашивая табунщика о жизни, работе, профессор то и дело поглядывал на стенки и купол юрты, хмурился. Огляделся и я: юрта собрана наспех, кое-как, в грязных кошмах зияют дыры, деревянный остов-кереге ничем не прикрыт, не украшен. Неприветливо и сыро. Евней Арстанович поймал мой взгляд и, словно прочитав мысли, с виноватостью сказал:

- Не подумайте, что хозяин этой, с позволения сказать, юрты нищ. Он зарабатывает не меньше кандидата наук. В Каркаралинске у него собственный большой дом, есть скот, личная легковая автомашинка, семья одета и обута, сыта. А вот на пастбище поставил юрту-временку. Не жить, мол, - работать. Ну, пусть - рабочее жилье. Но разве рабочее место должно быть убогим и запущенным? Привыкнет жить серо, и работать станет спустя рукава. Утрата чувства красоты, потребности в ней, мстит человеку равнодушием и казенщиной, потерей ответственности за дело, которое он правит на земле.

И, глянув строго и требовательно на молодого табунщика и его востроглазую жену, добавил с душевной укоризной:

- Что же это вы, а? Есть же возможность ставить на джайляу добротные и красивые юрты. Зачем самим себя унижать? Нет, нам и завтра будут необходимы гордость и красота. Быть может, даже в большей степени, чем сегодня.

Я слушал разговор профессора с пастухом и думал: нет, он не столько ученый, сколько поэт. Именно поэзия жизни дает ему крылья и распахивает простор для научных дерзаний, а вообще-то он просто хороший человек. Сын своей земли, для которого советское родство с людьми труда дороже родства кровного. Это дорогое и благородное чувство братства и интернационализма и делает его жизнь просторной и счастливой.

На обратном пути с джайляу Евней Арстанович сказал мне:

- Наши отцы оставили нам мудрость: "Вместе с народом и черный день - праздник". Всю жизнь держусь этой правды. И детям своим передаю. И ученикам.

Позже, в Балхаше, я взял в библиотеке журнал "Знамя" и перечитал публицистическое эссе о казахской народной интеллигенции. "Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники". Эта литературная работа академика-химика Евнея Арстановича Букетова отмечена поэзией и пронзительной искренностью.

Я не в силах отказать себе в удовольствии привести здесь несколько строк из этого труда: "Мать-казашка (моя мать, бабушка, прабабушка, словом, праматерь) была человеком мужественным, многотерпеливым и смелым. В борьбе с жестокими условиями жизни всегда выходила победительницей, ибо она не только "хорошо рожала", но и умела вырастить нас. Не просто инстинкт продолжения рода владел ею при этом. Она черпала силы и волю для беспримерных подвигов из веры в большое будущее своих сыновей и дочерей, всего своего народа. И поэтому она растила и пестовала такую дочь и такого сына, которые бы не только продолжали ее род, но и в непрерывной борьбе с алчными захватчиками героически и успешно защищали бы бескрайние просторы степей и гор, и сохранили бы их для тех великих дел, которые ныне свершает мой народ, обретший на своей исконной земле истинную дружбу и братство с другими народами моей Родины".

... Мы стоим с Евнеем Арстановичем Букетовым на строительной площадке Университетского городка. Он рассказывает мне о недалеком будущем Карагандинского университета:

- Здесь вырастут учебные и жилые корпуса, здесь стадион, здесь опытные поля...

И вдруг добавляет взволнованно:

- Какое счастье - видеть все это своими глазами, помогать расти новому делу, новым домам! Хорошее дело, как любимое дитя: народить народил, но главное-то впереди - поднять на ноги, воспитать, научить созидать, жить красиво, с пользой для земли, народа...

Павел НОВОКШОНОВ

СЛОВО О ДРУГЕ

Почта принесла свежий номер журнала ("Север" № 12 за 1987 г.) с моим очерком. И по извинительной слабости каждого литератора прежде читать начал свое. Как в кинофильме, ожили, поплыли перед мысленным взором впечатления, размышления, встречи. Вот на том воображаемом экране крупным планом лицо. Всматриваюсь, вспоминаю. И не из забытья выплывает оно, а из глубин памяти, где быть ему суждено, пока не померкнет собственное мое сознание.

Да, вот он рядом, этот человек! И радуюсь встрече и сожалею, что во время наших прошлых бесед, при жизни его, чего-то не договорили, не охватили бегом мысли весь необъятный горизонт.

Так что там, в журнале?

"...С ученым-химиком, академиком Казахской Академии наук, писателем и блестящим переводчиком Шекспира на казахский Евнеем Арстановичем Букетовым бродили мы по небольшому лесочку у Каркаралинска. Упал сосновый сучок. (Дальше здесь было о том, что упал этот сучок потому, что дрогнула земля от дальнего взрыва на испытательном полигоне под Семипалатинском. Но редакция журнала решила эти строки убрать. На всякий случай.) Академик, углубившись в свои мысли, что-то сказал по-казахски и сразу же перевел на русский:

- Это Шекспир. Помните "Быть или не быть..." Потом поднял веточку.

- Изумительное создание природы. Само совершенство! И как нерационально обходимся мы с энергией, в ней заложенной. Самой мирной энергией.

Помолчали. Высоко в небе, высматривая суслика, ходил кругами орел. Академик последил за его полетом и по непонятной ассоциации сказал:

- К новой теме давненько уже приступил. Проблема газификации и сжигения каменного угля. Но и древесину не хочу упустить из поля зрения.

Упустил. Не успел. Инфаркт. И думается мне - точнее, я уверен - по причине полнейшего равнодушия к теме и даже свирепого гонения ее автора со стороны прежнего руководства Казахской Академии наук.

А ведь у республиканской науки под боком не только хрупкие горные леса Тянь-Шаня и молчаливо, бесшумно исчезающие березовые колки северной казахской степи, но и Экибастуз с его ежегодной пятидесятимиллионной программой добычи каменного угля.

Закрываю журнал. И уплывает кинокадр. А размышления остаются.

Работа журналиста - постоянные встречи с новыми людьми. Десятками, сотнями и, наверное, за долгие годы тысячами. Но даже у журналиста настоящих друзей все же наберется не более, чем пальцев на одной руке. И среди моих друзей по праву - Евней Арстанович.

А ведь могли вообще не встретиться, либо ограничиться формальным контактом. Караганда большая. Корреспонденту московской газеты скучать некогда. Как и непозволительной роскошью было бы проводить долгие часы за беседами, для постороннего уха порою непонятными и странными. Я же встречами с Евнеем Арстановичем наслаждался и время на них никогда не жалел. Он был из тех людей, к кому по праву применима мудрость Бруно Ясенского: "Единственная настоящая роскошь - это роскошь человеческого общения". Почему? Ответить затрудняюсь. Как не могу выделить что-то в характере моего друга. Какую - то одну черту, две, три, чем он завораживал и притягивал. Был он цельный и неделимый.

Через него открывался мне внутренний мир казаха, воспитанного степным простором, огромным небом, древними изломами отсанцевых гор Сары-Арки. С ним входил я в дом казаха-интеллигента и юрту чабана, разговаривал с простыми шахтерами и бог знает еще с кем. Переводчиком он был мудрым, точным, тактичным. Через него я приблизился к внутреннему миру уже давно покойного Каньыша Сатпаева, и еще дальше по времени отодвинутого, но живого и по редкости в человеческой породе исключительного Чокана Валиханова. Какой-то новой стороной, он, историк-исследователь, выводил меня на Достоевского времен его пребывания в Степном генерал-губернаторстве.

Мы почти ровесники. Мы одного поколения. И давно, в начале тридцатых, может быть, и встречались в босоногом детстве под Петропавловском. Во всяком случае, вспоминая какие-то детали, находили много общего.

Голос у него был мягкий, негромкий. Звонил телефон, и на другом конце провода возникал Евней Арстанович. И не было звонков пустых, никчемных, так называемой телефонной болтовни. Мне даже думается, телефон он не любил. И разговор, максимально насыщенный информацией, быстро заканчивался.

Вот он зовет на осмотр нового здания университета. И ходим по пустым гулким аудиториям, и ректор Букетов воодушевленно выкладывает планы развития университета в новых стенах. Да только недолго самому Евнею Арстановичу довелось работать в новом комплексе... В далекой и, как мне тогда казалось, недоброй Алма-Ате, уже вынашивалось иное решение...

Опять звонок. "Дорогой друг, приехал интересный гость из Сибири. Загляните вечером." И встреча-застолье с бурятским писателем Африканом Бальбуровым. Отыскание корней степного родства бурят и казахов. И воспоминания об иркутских общих знакомых. А ведь когда-то случайно я обмолвился, что знаком с Бальбуровым. Но Евнею Арстановичу было того достаточно, чтобы вспомнить и много лет спустя свести за одной беседой сибиряков. А сам слушает, улыбается. И помогает разобраться в хитросплетениях этнографии.

Дружба наша не прервалась и когда меня отозвали работать в Россию. Переписывались. Перезванивались. Договаривались о новых встречах. Делились жизненными планами. Да, как в старину говаривали, человек предполагал, бог располагал...

Однажды в моем кабинете в неурочное время застучал телетайп. Подхожу. Вчитываюсь в бегущие строки. И темнеет в глазах. Мой коллега из Караганды коротко сообщает, что Евней Арстановича больше нет...

И остались лишь воспоминания, да несколько его теплых писем. Но в памяти моей он жив. Память не умирает. Могилы близких храним мы в своих сердцах. И уходят они лишь вместе с нами.

НАШ НАСТАВНИК - ЛИДЕР ЭЛЕКТРОХИМИИ

Мне хочется вспомнить о работе Евнея Арстановича с молодыми исследователями, аспирантами и соискателями, а также о его работах в области электрохимии. Евней Арстанович очень любил работать с молодежью. У него было много молодых учеников. Он всегда говорил "Молодежь - это будущее науки". Работая директором института, затем ректором университета, несмотря на свою занятость административными и другими делами, Евней Арстанович всегда находил время для того, что проконсультировать молодых исследователей. Мы всегда восхищались тем, что Евней Арстанович умел находить время для беседы с молодыми научными сотрудниками. Даже будучи ректором университета, он каждую среду (творческий день) посвящал нам, приходил в новый корпус Химико-металлургического института, выслушивал нас, указывал на ошибки, поощрял успехи. Если все же нам не удавалось по какой-нибудь причине встретиться с ним на работе, мы в любой день, в любое время, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Дома встречала нас с доброй улыбкой его супруга, уважаемая Зубайра Дюсеновна, которая хорошо знала всех учеников Евнея Арстановича.

Наши статьи, рукописи никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Стоило ему отдать, он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки и делал ценные замечания. Работал он очень много. Для беседы по научной работе он мог вызывать нас и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье, когда, казалось бы, он должен был отдыхать. Он искренне радовался каждому авторскому свидетельству, полученному нами, каждой опубликованной статье своего ученика, зная, что это результат и признание большого труда, и каждый раз морально поощрял нас, вдохновляя на новые дела.

Евней Арстанович учил нас работать, научно мыслить. Если у нас были какие-либо трудности при проведении эксперимента или даже в жизни, он всегда приходил на помощь. Любая беседа с ним вносила ясность в любое трудное дело и придавала уверенность. После встречи с ним мы всегда чувствовали прилив сил и бодрости.

Со своими учениками Евней Арстанович был строг и добр одновременно. Строго требовал, чтобы мы работали и относились к работе творчески, в то же время по-отечески, с любовью относился к нам. О

сто доброте, человечности говорит и то, что он знал даже имена детей своих сотрудников и часто спрашивал об их здоровье.

Одной из характерных черт Евнея Арстановича была справедливость, я вспоминаю один случай, который произошел в 1972 году. Мы обсуждали с ним результаты моих экспериментальных данных. У нас возник научный спор. По своей молодости и неопытности, но в той же мере увлеченности я долго отстаивал неправильную точку зрения и, конечно, своим упорством обидел его. Только на следующий день я, поняв свою ошибку, попросил у него извинения. Выслушав меня, Евней Арстанович сказал: "Ты молодец, что детально разобрался, более того, не боялся спорить с научным руководителем, чтобы отстаить свою точку зрения. Помни, что в научном споре все равны, только в споре рождается истина, не надо бояться ни титулов, ни регалий". И добавил: не ошибается тот, кто не работает и не думает. Конечно, с руководителем - известным ученым трудно завести научный спор, но наш учитель Евней Арстанович был очень доступным, и мы никогда не чувствовали никаких стеснений при обсуждении научных результатов.

Как нам известно, Евней Арстанович работал в нескольких направлениях. Я хочу немного рассказать об электрохимических исследованиях, так как именно это направление меня тесно связывало с ним. Наша республика является одной из ведущих в мире в области электрохимии. А в республике немаловажное значение имеют работы электрохимиков Караганды, которые были начаты под руководством Евнея Арстановича. Можно отметить следующие работы: впервые проводились систематические исследования о роли одновалентной меди в электродном процессе в многотоннажном производстве электрорафинирования меди. Образование дисперсного медного порошка, попадающего в меделектролитный шлам при электрорафинировании меди, объяснялось в виде различных предположений и гипотез. Решение этого вопроса в течение последних 100 лет оставалось неясным. На основании многочисленных исследований, проведенных карагандинскими исследователями под руководством Букетова, впервые наглядно было показано, что источником попадания медного порошка в донный шлам являются колебания потенциала анода и неравномерное распределение потенциала на поверхности анода, а также частичное механическое осыпание анода. Часть этих результатов докладывалась на II Менделеевском съезде и была одобрена всемирно признанным электрохимиком-академиком А.Н. Фрумкиным. Думается, что в новых изданиях учебников будут излагаться указанные научные результаты.

Одним из ведущих направлений в электрохимических исследованиях Евнея Арстановича являются исследования, посвященные поляризации и растворению порошковых материалов, которые относятся к трудно-поляризуемым. Это направление является одним из новых в области электрохимии. Проводился ряд исследований по поляризации халькогенсодержащих и фосфорсодержащих порошковых материалов. Электрохимическая переработка медеэлектролитных и фосфорных шламов взамен трудоемких и энергоемких термических способов является новым оригинальным решением. Нет сомнений, что электрохимическая переработка указанных шламов является перспективной и является технологией будущего.

Одной из последних, интересных и оригинальных работ является работа по электрохимическому восстановлению трудновосстанавливаемых анионов, таких, как селенат-, арсенат-, теллуриаты. Ранее эти ионы восстанавливались химическим способом, при высоких температурах, давлении и очень агрессивной среде. На основании систематических исследований был разработан новый метод (электрохимический) восстановления вышеуказанных анионов практически со 100%-ным выходом по току при комнатной температуре.

Только за 2-3 года по электрохимическим работам, руководимым Евнеем Арстановичем, Госкомитет по изобретениям выдал около 15 положительных решений и авторских свидетельств СССР. Это свидетельствует о том, что работы имели мировую научную новизну. За оригинальное решение проблемы определения фосфора из сложных фосфорсодержащих систем Госкомизобретений СССР авторскому свидетельству присвоил имя авторов и оно имеет название "Способ Букетова-Баешева". Часть результатов опубликована в докладах АН СССР.

Трудно представить, что нет среди нас нашего большого учителя Евнея Арстановича, очень трудно согласиться с этим. Но его мысли и идеи живут и продолжают. Мы, ученики Евнея Арстановича, гордимся тем, что имели возможность работать с ним, могли учиться у него. Мы постараемся осуществить и довести до конца все замыслы нашего Евнея Арстановича.

В НАУЧНОМ ПОИСКЕ

С Евнеем Арстановичем впервые встретился я через два года после института, осенью 1976 года, когда поступал к нему в аспирантуру. Предварительно руководителем лаборатории Т.Г. Габдуллиным были обговорены тема и объем работы. Работа нам виделась, как технологическая, в основном была направлена на решение проблемы одного месторождения марганцевых руд Казахстана. Но первая же встреча с Букетовым, если честно признаться, полностью разрушила мои представления о предстоящей работе. Теперь, конечно, трудно себе представить, каково было тогда мое состояние. Помню лишь одно, что настроение было никудашным. Во-первых, вроде бы ясный план исследований был забракован, а, во-вторых, та задача, которая была предложена Евнеем Арстановичем (рекомендовал он изучить поведение марганца при высокотемпературной плавке и на их основе подойти к решению проблем руд), представлялась совершенно туманно.

Тем не менее, через месяц пошел к нему с кое-как составленным новым планом, который должен был отразить этапы решения задачи. По всей видимости, и в этот раз у меня вышла осечка. Евней Арстанович молча вернул мой план исследований и говорит: даю тебе полгода, разберись, как ведет себя марганец в условиях электроплавки, и выясни, какие неясности в этом вопросе, когда разберешься, тогда можно будет взяться и за план, и за работу.

Теперь, конечно, понимаю, что так он хотел в первую очередь научить искать и исследовать. Евней Арстанович вникал в каждое уравнение, обоснованность каждого предложения и вывода. В результате более двух лет мы затратили на обобщение полученных данных. Помню, несколько раз он мне говорил: "Ты, Сайлау, наверное, думаешь, почему меня этот старик держит, не выпускает, все дотошно вникает в детали? Но, поверь, все это потом тебе пригодится, спасибо мне скажешь потом".

Работая с Букетовым, я понял, что такое наука и научный поиск, научился преодолевать трудности.

И тут мне хочется коснуться тех идей, направлений исследований, которые разрабатывались под руководством Евнея Арстановича в последние годы его жизни. Речь веду о проблемах получения нефти из углей с привлечением металлургических процессов.

Как мы все знаем, черная металлургия является материалоемким производством, где основным источником энергии является энергия металлургического кокса. При этом в процессе сжигания его выбрасывается в атмосферу ежегодно огромное количество газов, содержащих в большей части монооксид и диоксид углерода. В свое время несколько сотрудников нашего института были вовлечены в работу областной комиссии по проверке состояния использования отходов и вторичных ресурсов на Карагандинском металлургическом комбинате. Работая в составе этой комиссии, мы установили, что только один доменный цех потребляет ежегодно свыше 26 миллионов тонн материалов в виде железорудного сырья, флюсов, кокса, включая и воздух. При этом в атмосферу выбрасывается свыше 7 миллионов тонн отработанного газа с 30-35% диоксида углерода, то есть ежегодно в атмосфере теряется более 2 миллионов тонн диоксида. Кроме того, более 7 миллионов тонн доменного газа с содержанием монооксида углерода попадает в атмосферу, а еще такой же газ в количестве более двух миллионов тонн просто теряется. Это только по доменному цеху. Если учесть, что мы имеем ферросплавные заводы, где отходящие газы, содержащие почти 90% монооксида углерода, просто сжигаются, то можно убедиться, в каком огромном количестве в целом по металлургическому производству мы теряем неиспользованным монооксид углерода. Хотя этот газ можно было бы использовать при получении метанола в химической промышленности. А, как известно, для получения метанола в основном используется синтез газ, получаемый при газификации углей, т.е. используя углеродистое топливо (уголь, кокс) в одной отрасли, мы просто выбрасываем в атмосферу многие миллионы тонн монооксида углерода, тогда как с целью получения этого же газа для нужд химической промышленности мы где-то сжигаем дополнительное количество угля, причем не в меньшем количестве.

Именно учитывая все это, Евней Арстанович усиленно разрабатывал возможность стыковки большой металлургии с большой химией. Работа над этой проблемой начиналась с разработки различных вариантов схем подлинно безотходного производства, в котором, по замыслу Евнея Арстановича, должны быть интегрированы самые крупные отрасли промышленности, такие, как химическая и металлургическая, а также ряд других, в частности, и ферросплавная.

Нами непосредственно разрабатывалась одна из двух металлургических ветвей идей, а именно: получение кремнистых марок ферросплавов, чугунов из отходов производства и некондиционного металлургического сырья с использованием низкосортных углеродистых восста-

новителей. А получение водорода продувкой кремнийсодержащих железистых расплавов, чугунов паром (как это делается, например, при производстве томасовской стали), то есть вторая металлургическая ветвь идей Евнея Арстановича, - все это было объектом другой группы исследователей. Третья ветвь - получение нефти из углей с применением кремний-алюминий содержащих сплавов, синтез углеводородов из водорода и окиси углерода - разрабатывалась группой ожигения углей, которая работала непосредственно под руководством Евнея Арстановича.

Разрабатывая технологию выплавки сплавов из золы углей, мы столкнулись с очень большой трудностью. Вначале у нас ничего не получалось. Где бы ни плавиле золу совместно с восстановителем, как бы этот процесс ни осуществляли, у нас то не получалось ни грамма металла (хотя весь исходный материал израсходовался, т.е. шихта просто испарялась), то шихта спекалась, накапливалась в реакционной зоне. Вот так мы мучились в течение почти 5-ти месяцев и только на шестой месяц у нас как-то случайно получилось. При этом оказалось, что более полное восстановление элементов из сырья и более нормальные условия для формирования сплава создаются только при определенных соотношениях углерода к восстанавливаемым элементам в шихте с одной стороны, и только при определенных отношениях кремния к алюминию в получаемом сплаве с другой.

Тогда Евней Арстанович лежал в больнице. Когда мы к нему пришли и рассказали о результатах (до этого мы никак не решались прийти к нему, т.к. не было у нас ни одного положительного результата, и чтобы не расстраивать его, мы избегали встречи с ним), он очень обрадовался и сказал: "Хорошо, что у вас раньше не получалось ничего. Если бы все было нормально и получилось бы быстро, то у вас отношение к делу сложилось бы легким, поверхностным. Теперь знаете, как трудно осваивать новое, разрабатывать новый процесс, как труден поиск, и теперь у вас отношение к нему будет уже иным, более основательным, серьезным".

Тогда сразу же возник вопрос: почему это так, из-за чего процесс восстановления кремния и алюминия из золы углей успешно протекает только при определенных соотношениях реагирующих элементов. Ответ надо было искать в кинетике и энергетике процесса. Так как у нас тогда не было соответствующего оборудования, установки по изучению кинетики сложных процессов и не было методики расшифровки таких данных, Евней Арстанович направил нас искать ответ на эти вопросы в термодинамике процесса. При этом рекомендовал использовать

термодинамически-диаграммный анализ при изучении процессов как в шлаковых, так и в металлических фазах. Поскольку только при совместном рассмотрении термодинамики шлаков и металлов можно было дать более-менее полное объяснение данному результату. Естественно, такая задача была намного сложнее тех, которыми мы раньше занимались, но мы смело взялись за ее решение.

Сила убеждения Евнея Арстановича была такова, что слушателя он всегда умел ориентировать, найти в любом бесконечно безвыходном деле хоть какой-нибудь просвет, через который можно было выйти к успешной реализации поставленной цели. Именно такая работа, работа, в которой сразу же, в самом начале, ставилась трудноразрешимая задача, работа, в успешном завершении которой у нас было больше уверенности, когда был рядом Евней Арстанович, его советы, всегда была интересной, люди трудились, можно сказать, с горением. Он всегда говорил о правильности, необходимости того пути в физико-химическом анализе многокомпонентных систем, пути, где в качестве мощного средства используется термодинамически-диаграммный метод, хотя мы, исполнители, сами работая непосредственно в этом направлении, тогда еще не полностью осознавали все преимущества избранного пути. С другой стороны, это направление некоторыми учеными, работниками в области физико-химического анализа многокомпонентных расплавов считалось вообще-то тупиковым, малоперспективным.

Вот когда мы начинали разрабатывать данный вопрос под руководством Евнея Арстановича, первое, что мы установили, это было наличие принципа кратких соотношений в диаграммах состояния многокомпонентных систем.

Ознакомившись с данными результатами, Евней Арстанович ориентировал нас на использование этих результатов для математического описания полей кристаллизации соединений, чтобы затем можно было из этих данных путем расшифровки получить термодинамические функции смещения компонентов в многокомпонентных расплавах. Имея только такие данные, можно было объяснить такие явления, которые, например, были установлены в случае получения ферросиликоалюминия.

Сейчас, спустя уже несколько лет, можно с большей уверенностью говорить, что работа в данном направлении удалась. Получены важные результаты. Конечно, даются они нелегко. Но отношение наше к этой работе теперь, действительно, более серьезное и основательное, как говорил Евней Арстанович, обнаружены очень интересные за-

кономерности в диаграммах состояния квазитройных, квазибинарных сечений многокомпонентных металлических и оксидных систем, одновременно открылась определенная перспектива в решении труднейшей на сегодня физико-химической проблемы - математической проблемы диаграмм состояния.

Казалось бы, над сказанной проблемой Евней Арстанович работал и руководил не так-то долго, всего 2-3 года. Но состояние дел за короткий промежуток тогда и дальнейшее развитие его идей в области черной металлургии сейчас, говорит о дальновидности Евнея Арстановича, даже трудно себе представить, добились бы мы таких результатов в таком трудном деле, если бы не его острый ум и умение правильно ориентировать молодых ученых, целые коллективы на перспективный путь в научном поиске.

Алексей ПЕРЕВЕРТУН

Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ЗНАЛ БУКЕТОВА

Мне в жизни везло. Много прекрасных, добрых, честных, талантливых, широко известных людей довелось встретить. Талантливые, гениальные далеко не всегда были добры и честны. Добрые и честные не всегда были гениальны.

В спектральную лабораторию кафедры физики Казахского горно-металлургического института часто заходили аспиранты и научные сотрудники. Схема разговора отработана - несколько анекдотов о приеме Сталиным испанских иллюзионистов, самые последние известия по институту и только после традиционного вступления заходил разговор о деле. Начинали с вопроса:

- Можно сделать спектральный анализ этого образца? Предъявляли минерал, порошок, металл или металлометрическую пробу.

- А что Вам нужно определить?

- Все, что там есть!

- Мы делаем качественный анализ металлометрических проб на двадцать четыре элемента, а у Вас металл. Нужны эталоны!

- А Вы сделайте как-нибудь!

Как-нибудь делали, и самое удивительное, что результаты почти всегда устраивали. Иначе было на этот раз. Вошел юноша, которого я много раз видел, но не был с ним знаком, и на чистейшем русском языке попросил разрешения проконсультироваться по возможностям спектрального ана-

лиза. Состоялся более чем трехчасовой "допрос с пристрастием", который показал его знание методики химических анализов вообще и спектрального в частности. Наши беседы стали систематическими. Так в конце декабря 1951 года возникла дружба с аспирантом-металлургом Евнеем Букетовым.

Многое в анализе пришлось в результате бесед продумать заново. Анализы велись совместно. Нет-нет! Спектры снимались и расшифровывались мной. А методику анализа, подготовку эталонов делали вместе. С первых встреч этот умный и грамотный аспирант пробудил во мне к себе глубокую симпатию. Впоследствии я наблюдал, как часто у совершенно незнакомых людей с первых минут знакомства он вызывал чувство уважения и любви. Он не был ангелом. Требовательный, даже жестокий, в первую очередь к себе, он казался самоуверенным и заносчивым, а на самом деле был легко ранимым человеком, преданным другом, умевшим нежно и глубоко любить. Дети льнули к нему. Детей обмануть невозможно! Он был добрым, умным, прекрасным и талантливым человеком, с удивительно разносторонними дарованиями. Сам себя он не считал талантливым. Он часто говорил, что талант разносторонен. Приводил много примеров: Ч. Валиханов и А. Пушкин прекрасно рисовали. Бородин писал музыку, а Менделеев делал чемоданы. Сам же он не рисовал, не музицировал и не делал чемоданов - где уж тут быть таланту. Окружающие видели в нем талант общения с людьми и талант металлурга и филолога.

Букетов Евней Арстанович - самый талантливый, самый значительный человек, с которым меня свела жизнь. Я счастлив, что знал Букетова, что тридцать два года общался с ним, бывал в обществе его товарищей по работе, друзей по творческому труду, близких и родных. Эти люди были разными и по способностям, и по характеру, но все они искренне уважали и любили Евнея Арстановича.

С друзьями он был мягок, даже нежен, но мог быть и беспощадно ироничным. Любил давать прозвища. Некоторые из прозвищ надолго становились именами. Очень высоко в людях Евней ценил чувство благодарности. Внимательно относился не только к друзьям, но и к их родственникам, и к друзьям друзей. Я удивлялся тому благоговению, той нежности, тому восторгу, с каким он относился к своим талантливым друзьям. Но он был непримирим и даже агрессивен по отношению к тем людям, которых считал недостойными. Я много усилий потратил, чтобы сдружить его с одним очень энергичным и талантливым человеком. Этот человек был ему нужен, но Евней не смог побороть себя. Дружба не состоялась. Он легко сходил на деловой основе.

Легко вступал в творческие контакты. Многие, считающие себя его друзьями, для него таковыми не были. Был щедр. Дом и стол были открытыми! Но копейку бросать не любил - называл это крестьянской прижимистостью. Он легко мог отдать крупную сумму, но расчет по мелочам его раздражал.

Любил степь и воду. С удовольствием ездил в лес - на опушку. Глухого леса не любил.

Свое отношение к жизни, к людям, к проблемам этики и морали он вложил в уста К. Сатпаева, Ч. Валиханова. Исторический фон не мешает видеть его личные взгляды. Если произведения Букетова увидят свет, то молодежь, все люди получат прекрасные образцы этических, нравственных, человеческих норм. "Время светлой судьбы" - искренняя исповедь. В ней нет кокетства, нет самобичевания. Он думал так, как писал. О людях он говорил искренне - он не судил о людях по чужим рассказам - только по личному опыту. Очень ценил юмор как проявление ума. Понимал, что посредственности имеют право на жизнь, но не хотел терпеть их вокруг себя. Женщины тоже льнули к Евнею Арстановичу. Его деликатность, стремление не обидеть создавали ему трудности общения с женщинами. Так возникали жестокие враги. Люди не понимали, что он однолюб. Хорошее отношение, легкость общения принимались за то, чего в нем никогда не было. Продолжались и нежные письма, и устные объяснения. Сколько они ему приносили неприятностей!

Интересные беседы велись наедине. В компании он с удовольствием читал Есенина, Маяковского, Хаяма, беседовал о литературе, истории. Слушал сплетни - если они не были злопыхательскими. Только наедине он говорил о жизни, о религии, о смерти. В последние годы его глупо интересовала психология и физиология смерти.

Мы обвиняли его в пессимизме. Он говорил, что думает использовать идею смерти как литературный прием, когда герой (К.И.Сатпаев) в смертный час видит всю свою жизнь, видит главное, объективно оценивая события и людей. Мне кажется, что интерес Евнея Арстановича к смерти был не только творческий. Он хорошо знал состояние своего здоровья. Но никогда не позволял себе расслабиться. В тяжелейшем состоянии, в больнице он переводил Шекспира, Есенина, писал сам. Он активно боролся! Он не был пессимистом!

ЕВНЕЙ АРСТАНОВИЧ И ХАЛЬКОГЕНЫ

Самым значительным делом жизни Евнея Арстановича Букетова было основанное им научное направление в области химии и технологии халькогенов, в первую очередь, селена и теллура. Академия наук СССР, отмечая вклад Е.А.Букетова и его школы, узаконила проведение в Караганде ныне широко известных Всесоюзных совещаний в этой области.

Все исследователи, с которыми мы в разное время говорили совсем в неофициальной обстановке, совершенно искренне отмечали заслуги Е.А.Букетова в этой области химии.

Как же начиналось и развивалось это, вероятно, самое большое и постоянное научное увлечение Е.А.Букетова?

Интерес к халькогенам возник у него в 1957-1958 гг., когда он, работая в КазГМИ (ныне КазПТИ), со студентами-металлургами бывал на заводах, перерабатывающих медеэлектролитные шламы - самый важный источник селена и теллура. Это были два завода: Пышминский и Кыштымский медеэлектролитные заводы. Они работали по громоздким пирометаллургическим схемам с примитивным оборудованием, с избытком ручного труда и загазованной атмосферой цехов. Повидимому, немаловажное значение сыграло и то, что в это время решался вопрос о строительстве в Казахстане или Средней Азии нового цеха по переработке медеэлектролитных шламов.

И вот в конце 1957 года он привлек к работе в этом направлении нескольких студентов 4-го курса, в том числе и меня. Для нас было большой честью работать под руководством проректора института, доцента, кандидата технических наук Е.А.Букетова. Мы увлеклись работой. Лаборатория находилась в подвальном помещении, работали по 12-14 часов в сутки. Нам, конечно, очень помогали постоянный интерес и увлеченность самого Евнея Арстановича. Потом в 1959 году была наша общая статья с академиком Виктором Дмитриевичем Пономаревым и Евнеем Арстановичем в республиканском журнале. Она была посвящена изучению спекательного обжига медеэлектролитных шламов с содой в аппарате, приближающемся к печи "КС". И для Букетова это была одна из первых статей по селену и теллуру. Мне кажется, что вот там, в КазПТИ, у него и зародилось то направление по халькогенам, которое получило развитие уже в ХМИ АН КазССР, куда Букетов был назначен директором в феврале 1960 года.

Если мне не изменяет память, первой работой в ХМИ в этой области было исследование термического разложения селенита цинка и взаимодействия оксида цинка и диоксида селена. Было это в 1960-1961 гг. Делалось оно нами (вместе с Р.А. Мулдагалиевой) на самодельном пирометре Курнакова под экспериментальной эгидой Хамзы Ахмедовича Исакаова, органика по специальности, с которым у Букетова были очень теплые дружеские отношения.

Но уже в 1961 году Букетов определил здесь два направления работ по химии и технологии селена и теллура и в первую очередь извлечения их из медеелектролитных шламов. Первое - совершенствование применяемых на практике пирометаллургических методов: спекания шламов с содой и обжига шламов с отгонкой диоксида селена. Эти работы были начаты тогда молодым специалистом В.П. Малышевым и получили широкое развитие. Второе направление - разработку новых, гидрометаллургических щелочных методов извлечения селена и теллура из медеелектролитных шламов - Евней Арстанович возложил на меня и приехавших немного позже Х.И. Байкенова и О.Ю. Моисеевич. Вот так и начались гидрохимические работы по селену и теллуру.

И здесь нам вначале помогли химики-органики И.Н.Азербайев и И.В.Кириллос. Отдали нам вращающийся автоклав. По тем временам это уже было богатство. Я помню, как все мы радовались этому приобретению и в первую очередь сам Евней Арстанович. Ведь мы могли работать с растворами щелочей, с подачей любого газа, в том числе кислорода. Начались технологические опыты. Основные усилия мы направили на окислительное щелочное выщелачивание соединений селена и теллура с переводом их в раствор.

Здесь хотелось упомянуть два момента. Во-первых, отметить удивительную научную интуицию Евнея Арстановича. Через 1-2 года из литературы мы узнали, что одновременно с нами подобные работы делались и в Англии, США, Канаде. И второе - его черту учиться и искать, сомневаться и опять учиться. Пример: мы обнаружили, что без подачи кислорода в раствор в окисленной форме переходит подавляющая часть теллура. Это было нам непонятно. И вот, были мы с Евнеем Арстановичем в Джезказгане в 1961 году. Был там и академик Андриан Лукьянович Цефт. Евней Арстанович, видимо, между прочим, заговорил с ним и об этом. И академик-то подсказал, что это может объясняться окислительными свойствами оксида и гидроксида меди. Евней Арстанович пришел к нам в гостиницу и, мне помнится, с радостью и волнением рассказал нам о предложении академика - ведь это было объяснением непонятного.

А исследования окислительных свойств оксида меди по отношению к селену и теллуру стали одной из наших глубоких привязанностей. Действительно, медь оказалась мягким, но кинетически сильным окислителем халькогенов. Особенно привлекало то, что селен и теллур окислялись ею только до халькогенита, но не халькогената. Это было очень важно. Мы так увлеклись поведением оксида и гидроксида меди в водной щелочной среде, что К.М. Ахметов сделал на эту тему диссертацию, а втроем мы опубликовали книжку.

Эти исследования были оригинальны в значительной степени потому, что мы впервые использовали ДТА в автоклавах. Этот, так называемый метод АДТА далее применяли мы и для других объектов, его используют и в других институтах.

Много внимания Евней Арстанович уделял, конечно, окислению соединений селена и теллура кислородом. Это были работы Х.И. Байкенова (диссертация в 1968 г.), О.И. Семинной (диссертация в 1974 г.) и З.Б. Сагиндыковой (1984 г.). Наиболее интересные результаты здесь связаны с возможностью селективного растворения теллура, затем селена, ступенчатым каталитическим их окислением и т.д. Нами было показано, что, к сожалению, нельзя предотвратить образование селена. Это осложняло получение товарного продукта по существующим схемам. Поэтому по инициативе Евнея Арстановича были начаты (1962-1963 гг.) и успешно проведены исследования по восстановлению селена и теллура из высших степеней окисления в автоклавных условиях. Это - диссертации А.А. Кожаковой, А.В. Емельиной и Р.И. Пелюкпашиди. Интересные исследования по взаимодействию халькогенов со щелочными растворами с использованием АДТА были выполнены К.Т. Рустембековым.

В целом, все эти наши исследования были достаточно оригинальны, в Союзе подобных работ не было и, можно сказать, они были признаны, например, попали в учебники по химии и технологии редких и рассеянных элементов. Но реализовать на практике автоклавные методы не удалось. Лишь из литературы уже в 1982 году стало известно, что автоклавное щелочное выщелачивание медьэлектродлитных шламов в конце 70-х годов осуществлено в ГДР, причем со ссылкой на наши работы. Узнав об этом, Евней Арстанович очень был рад...

Интересная ситуация возникла с электрохимическим растворением селенидов и теллуридов металлов и вообще с электровыщелачиванием шламов. Первую попытку анодного электровыщелачивания медьэлектродлитных шламов мы предприняли еще в 1963 году. Но однозначного результата не получили, а окислительные автоклавные методы были в

зните успехов, поэтому электрохимические опыты прекратили. Я сейчас думаю, что дело было, конечно, не только в этом. А и в том, что тогда у Евнея Арстановича не было, по существу, ни опыта электрохимических исследований, ни квалифицированных электрохимиков в его окружении. Электрохимическая группа появилась после 1964-1965 гг., и хотя занималась она больше анодными и катодными процессами на меди под углом зрения электрохимического рафинирования, все-таки приобретался опыт и знания. Были защищены электрохимические диссертации Г.В. Макаровым (1970 г.), Л. Г. Козориным (1975 г.), А. Баешевым (1977 г.), Д.З. Сулейменовой (1981 г.).

В том, что мы в 1973-1974 годах возвратились к электровыщелачиванию медьэлектролитных шламов для извлечения селена и теллура, большая заслуга принадлежит А.И. Костикову. В частности, мы получили 2 авторских свидетельства СССР по анодному и катодному выщелачиванию шламов для извлечения селена. Увлеченность Евнея Арстановича этим направлением была очень велика. Всем нам тогда казалось, что мы совсем близки к реализации самого идеального и рентабельного способа переработки шламов. Очень много усилий Евней Арстанович затратил для организации полупромышленных испытаний на АГМК: сам он, будучи ректором КарГУ, несмотря на огромную занятость, побывал с нами в Алмалыке на АГМК. Такие испытания мы провели в 1975-1976 гг. Они были успешны, но аппарат - электролизер для выщелачивания был далек от совершенства. Лишь позже совместно с СКВ МЦМ СССР мы создали такой аппарат, Евней Арстанович же был свидетелем лишь начала решения этого вопроса.

Работая с медьэлектролитными шламами, мы, конечно, знали о проблемах электролитического рафинирования меди. И вот в 1969-1970 гг. по инициативе Евнея Арстановича мы взялись за проблему вывода примесей, в первую очередь мышьяка, сурьмы и никеля из электролита рафинирования. Определенные успехи и здесь были достигнуты, а в плане реализации - существенно больше, чем с халькогенами. В этом направлении под руководством Евнея Арстановича были защищены диссертации С.Н. Новик (1974 г.), М.Ш. Шариповым (1976 г.), С.Е. Дюсембаевой (1979 г.), А.В. Стряпковым (1981 г.), А. Жарменовым (1982 г.). Это направление в ХМИ продолжает развиваться. В 1978 году академик В.И. Спицын на первом Всесоюзном совещании по халькогенам предложил мышьяк занести в число халькогенов...

Несмотря на то, что в последние годы у Евнея Арстановича появились совершенно новые научные интересы, когда заходил разговор о

халькогенах, он вновь загорался интересом к ним, как и в те, теперь уже далекие 60-70-е годы.

Вот уже несколько лет, как нет с нами Евнея Арстановича, но мы и сейчас постоянно ощущаем, как его нам не хватает: ведь в дни трудностей и сомнений всегда обращались к нему за помощью и мудрым советом, а в дни удач тоже спешили к нему, т.к. знали, как он умеет радоваться нашим успехам. Передо мною постоянно стоит его умный и всепонимающий, с некоторой долей юмора, доброжелательный взгляд.

Думаю, что лучшей памятью ему будет наша работа, новые результаты, новые успехи, в частности и в области любимых им халькогенов.

Владимир БРЕННЕР

ТАКИМ ОН БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ

Я часто задумываюсь, при каких условиях и обстоятельствах возникают дружеские отношения, что цементирует и выковывает друзей. Наши с Евнеем Арстановичем жизненные пути, казалось бы, находились на разных орбитах. Я - уроженец Украины, из семьи служащего - посвятил свою деятельность горной промышленности. Евней Арстанович - уроженец Северного Казахстана, из семьи крестьянина - связал судьбу с цветной металлургией.

Впервые мы познакомились в начале пятидесятых годов в Академии наук Казахской ССР. Оба учились в аспирантуре. Нам был поручен выпуск стенной газеты. Это был период борьбы с космополитизмом, что накладывало на меня как главного редактора газеты, особую ответственность, ибо один мой неверный шаг мог стоить мне пребывания в аспирантуре. Не обладая литературным талантом, я очень беспокоился за качественное выполнение порученной работы. Судьба послала мне Евнея Арстановича, который кроме незаурядных профессиональных знаний, обладал прекрасными литературными способностями. Не знаю, понял ли он мое душевное состояние, но его активная деятельность и бескорыстное отношение обеспечили успех газете и сняли мои опасения. Выходец от "сохи", он прекрасно разбирался в русской и казахской литературе, обладал большой эрудицией и, главное, высокими душевными человеческими качествами, что особенно проявилось в последующий период нашей дружбы.

Эта первая вспышка нашего знакомства продолжалась недолго. После окончания аспирантуры он остался в Алма-Ате в Казахском политехниче-

ском институте, я был направлен в Караганду. Пятидесятые годы были периодом бурного расцвета науки в Казахстане. Во многом это определялось стремительным развитием горнодобывающей промышленности республики, а также тем, что во главе казахской науки стоял выдающийся ученый, блестящий организатор, академик Сатпаев К.И. Его стараниями Караганда, как центр бурно развивающейся горнодобывающей промышленности превратился в крупный научный регион. Наряду с развитием институтов, обслуживающих угольную и горнодобывающую промышленность, в начале шестидесятых годов город обогатился академическим институтом по черной и цветной металлургии. Научным руководителем этого института (в последующем и директором) был назначен Евней Арстанович. В это время он, как сложившийся ученый, руководил наукой в Казахском политехническом институте, имел стабильную базу для дальнейшего творческого роста, хорошо устроенный быт. Я думаю, что мало кто в сложившейся ситуации ушел от достигнутого и начал бы новую жизнь со многими неизвестными: выбор научных направлений, создание научной школы, строительство производственной базы, жилья. Единственно, что было положительным, это приближение его научной деятельности к будущему металлургии Казахстана, а также возможность проявить свои способности в самостоятельном деле. И он выбрал этот путь. И когда им были решены эти сложные задачи, был организован институт, занявший ведущее место в Союзе, и можно было больше уделить время личным интересам, в Караганде организовывается университет. Евней Арстанович становится его первым ректором. И в этом весь Букетов Е.А., который на первый план ставил интересы нашего общества, а затем - личное. В этот период он защитил докторскую диссертацию, ему была присуждена Государственная премия СССР, он был избран членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР. Он систематически публиковал свои литературные произведения. Его литературная деятельность была отмечена избранием в члены Союза писателей.

Возвращение в Караганду Евнея Арстановича послужило дальнейшим развитием наших отношений, переросших в дружбу до последних дней его жизни. Более чем 20-летний период близких отношений оставил у меня самые лучшие воспоминания о Евнее Арстановиче. Его жизнь - пример тех огромных возможностей, которые заложены в нашей стране для развития личности, его способностей независимо от социального происхождения. С другой стороны, в ней отражены все те негативные тенденции культа личности и периода застоя, которые по

мановению "палочки" руководителей республиканской партийной организации свели на нет всю титаническую работу Евнея и, более того, ускорили его уход из жизни. Zenit его славы наступил после успешной организации работы университета. В сравнительно короткий срок была создана база, начато строительство студенческого городка, успешно функционировал коллектив ученых и педагогов. Евней Арстанович после нескольких попыток был допущен в академики, им были изданы несколько литературных произведений, нашедших положительный отклик общественности. Евней Арстанович как ученый, педагог и общественный деятель занимал ведущее место не только в области, но и в республике и Союзе. В это время руководство Академией наук КазССР осуществлял брат Д. Кунаева Аскар - безынициативный, не имевший своего лица ученый, практически уничтоживший Академию наук как научный центр. Вероятно, он почувствовал в Евнее конкурента. Он начал разнузданную кампанию, используя имя брата и органы печати, включая даже молодежную. Не хочется вспоминать его грязные методы, которые не достойны имени просто порядочного человека. Зато внешне все выглядело достойно! Евнея Арстановича освободили по собственному желанию, создали ему нормальные материальные условия, переведя ст. научным сотрудником института, который он создал: выделили машину, особняк и полностью отключили от дела. Пятидесятилетний, творчески активный специалист, полный сил и энергии, не мыслящий свою жизнь без дела в обществе остается вне общества! Результат - смерть! Позволю себе остановиться на отдельных вехах его жизни, представляющих, на мой взгляд, интерес для общественности.

Прежде всего его огромная работоспособность и умение сочетать различные виды деятельности. Так случилось, что в начале 1960 года мы параллельно занимались становлением новых институтов. В это время я был назначен научным руководителем вновь организованного института "Гипроуглегормаш" по созданию горной техники и поэтому могу объективно оценить ту огромную работу, которую необходимо было затратить на становление института. Но если моя задача была несколько упрощена, ибо в Караганде уже были специалисты требуемого профиля деятельности, то в металлургии все начиналось с нуля. Его личное обаяние, умение найти подход к людям, объективность помогали ему в решении сложных организационных задач. Я всегда поражался его умению планировать свое рабочее время, как будто сутки у него были вдвое длиннее, и вместе с тем я не помню случая, чтобы он не откликнулся на просьбу о встрече. И самое поразительное, что его

творческая активность от этого не снижалась. Бесконечные идеи, научные труды, повести, рассказы, стихи и полное знание новинок литературы, техники, умение вникнуть в проблемы смежных отраслей. В личных беседах он неоднократно поднимал вопросы, которые сегодня являются базой перестройки. Сколько энергии и сил отдавал он вопросам экологии на предприятиях цветной и черной металлургии, перестройки Академии наук КазССР. Он считал, что до тех пор, пока будет существовать рента для академиков и членов-корреспондентов, ждать притока творческих сил невозможно. Интересная мысль, достойная сегодняшнего дня.

Евней Арстанович, являясь ярким представителем казахского народа, много давший для его просвещения, любивший его традиции и неуклонно их исполнявший, был интернационалистом в полном смысле этого слова. Мы неоднократно вели беседы о судьбах молодежи, о направлениях совершенства подготовки кадров. В период застоя в вузах республики процветал националистический подход, отражающий создание особых условий для лиц местной национальности. С первого взгляда он позволял привлечь менее подготовленных к учебе лиц и увеличить прослойку казахов среди интеллигенции. Если в первые годы советской власти такой подход был необходим, то в дальнейшем начали проявляться отрицательные тенденции, и в первую очередь низкий уровень профессиональной подготовки. Он считал, что равноправие в получении знаний - основа нашего развития. Этой аксиомы он четко придерживался в своей деятельности на посту ректора. Мне приходилось неоднократно присутствовать при решении судьбы отдельных преподавателей и студентов, не отвечавших по своим данным требованиям ВУЗа. Звонки авторитетных лиц, национальный вопрос, запугивание, шантаж и др. воздействия не влияли на выработанную им линию на создание высококвалифицированного коллектива. Сколько такта и мужества проявлял при этом Евней Арстанович, но редко когда отходил от принципиальных позиций.

Насколько мне известно, в 60-70-х годах не было случая присуждения Ленинской стипендии студентам еврейской национальности. Это мог сделать только Евней Арстанович.

И вместе с тем Евней Арстанович является достойным сыном своего народа, носителем и почитателем его традиций. Как он любил рассказывать легенды казахского народа, очень много знал о жизни его великих сынов, много приложил сил и знаний для подготовки национальных кадров в науке и литературе. Я помню наше посещение казахской свадьбы в одном из аулов Каркаралинского района. Для меня были

новыми те обряды, которые сопровождают свадьбу, и были моменты, когда я не знал, как себя вести. С таким, достойным друга, он какими-то безусловными движениями вел меня по правильному пути. Но больше всего меня поразило поведение самого Евнея. Этот уже признанный лидер при общении с аксакалами напоминал послушного ученика, готового выполнить любые указания старших. Да, прекрасны традиции, заслуживающие подражания! Самые теплые воспоминания остались у меня от совместного посещения Целиноградского казахско-драматического театра, где ставилась "Леди Макбет" В.Шекспира в переводе Евнея Арстановича. В этот день разыгралась сильная метель, что ставило под сомнение нашу поездку. Все попытки отменить поездку в Целиноград на машине Евнеем Арстановичем были пресечены. Переход был действительно тяжелым, несколько раз нас выручал встречный транспорт, но к началу спектакля мы прибыли в театр. Я, конечно, не могу судить о достоинствах перевода. Могу лишь констатировать, что я, при плохом знании языка, ощутил всю глубину данной трагедии. Да и реакция зала, кстати, несмотря на плохую погоду, заполненного до отказа, была неоднозначно положительна. Радости Евнея Арстановича не было предела. Мне же было приятно видеть, каким почетом и уважением он пользовался в театральном мире, среди зрителей.

Воспоминания об Евнее Арстановиче всколыхнули во мне то сложное, но счастливое время пребывания на казахской земле, которая взрастила меня как ученого и человека, на всю жизнь сохранила во мне чувства любви и благодарности к казахскому народу. И частицей этого явилось мое общение и дружба с великим сыном казахского народа, академиком, доктором технических наук, лауреатом Государственной премии, профессором Букетовым Евнеем Арстановичем.

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

ЧУТКОЕ ПОНИМАНИЕ СТИХОВ...

На моей памяти Евней Арстанович Букетов появился в редакции журнала "Простор" во второй половине шестидесятых годов (я тогда работала заместителем главного редактора). В то время на "Простор" и его главного редактора И.П. Шухова начались гонения, связанные с независимым курсом журнала, с публикацией произведений авторов, репрессированных во времена сталинского культа. Вспоминаю, как переживал Евней Арстанович, но ничем не мог помочь журналу,

хотя была запрещена публикация подборки стихов большого казахского поэта Магжана Жумабаева, а журнал и его редактор были обвинены в "пособничестве казахскому национализму". Евней Арстанович, как мог, старался поддержать журнал. Его статьи о Пушкине, о Маяковском были проникнуты духом подлинного интернационализма.

Мне не приходилось много разговаривать с Евнеем Арстановичем, особенно близок он был с Алексеем Семеновичем Беляниновым, Юрием Михайловичем Гертом, который бывал у него в Караганде и переписывался с ним. Но даже от нескольких встреч с Евнеем Арстановичем у меня осталось впечатление о нем как об очень душевном, глубоко культурном человеке. Интересна такая деталь: свои симпатии к "Простору", к его работникам Евней Арстанович сохранил надолго. Впоследствии, когда мой муж Бобылев Геннадий Александрович, собственный корреспондент "Учительской газеты", поехал в командировку в Караганду, я передала с ним привет Евнею Арстановичу, в то время ректору Карагандинского университета. Евней Арстанович, хотя и не был до того знаком с Бобылевым, встретил его как давнего друга, с такой теплотой и гостеприимством, на которые трудно было рассчитывать: пригласил его домой, помог в подготовке материала. Результатом их встреч были две статьи Е.А. Букетова о проблемах воспитания подрастающего поколения, опубликованные в "Учительской газете". Когда мой муж вернулся из Караганды, я, естественно, спросила его, о чем же они беседовали с Евнеем Арстановичем, когда он был у него в гостях. "О многом, - ответил он, - но самое главное - о поэзии. Такое чуткое понимание стихов - а Евней Арстанович мог читать их без конца - редко встретишь".

О том, горьком, что было на душе у Евнея Арстановича - о тогдaшнем положении в казахстанской науке у них тоже шел разговор, но муж не стал его мне пересказывать. Впрочем, все ясно было и без слов - такой замечательный ученый, по сути, был сослан в Караганду, и впоследствии даже публикация его повести о юности Чокана Валиханова в "Просторе" вызвала "высочайшее" неудовольствие. Травля, которую вел В. Владимиров под псевдонимом Ю. Рощина, несомненно, ускорила кончину замечательного ученого.

И ВСЕ-ТАКИ ОН ПОБЕДИЛ

В тот последний свой день он с неизменным своим четвероногим другом овчаркой вышел из дому подышать свежим декабрьским воздухом. Никто не знает, долго ли он гулял. Когда рухнул на землю, собака подбегала к проходящим людям и негромко завывала. Люди испуганно шарахались в сторону, не предполагая, естественно, что она просит о помощи своему хозяину. Когда же наконец к лежащему Евнею Арстановичу подошли, было уже поздно.

Букетов не дожил до шестидесяти лет года и трех месяцев...

Спору нет, богатырским здоровьем он не отличался. Но ничто не предвещало скорого конца этому рослому человеку, переполненному энергией. Я видел, как он стремительно и легко взбегал по мосткам строительных лесов будущего главного корпуса Карагандинского университета, как с наслаждением погружался в прохладную воду озера в Каркаралах, как азартно спорил в ночь-полночь. Я знал, скорее, догадывался, с какой яростью он работал в области научных исследований и в области литературы. Он нисколько не щадил себя и как директор Химико-металлургического института Казахской Академии наук, и как ректор Карагандинского университета, на что ушло в общей сложности двадцать лет жизни.

Еще потребуется немало времени, чтобы определить место Евнея Букетова в истории казахской культуры. Но можно утверждать и сейчас, что он шел путями Чокана и Каныша, учился у них, что именно Сатпаев поверил в способности молодого ученого, дав тогда ему, еще кандидату технических наук, путевку в Караганду, доверив пост организатора науки в этом экономическом регионе. Это было в шестидесятом, и меньше чем через десять лет Евней Арстанович получил Государственную премию СССР за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

Он не был кабинетным исследователем.

- Я - производственник, металлург, - по праву он говорил о себе, уже давно будучи академиком республиканской академии. Понятно, заботы ректора университета удаляли его от производства, но и в эти годы он сохранял связи с цветниками-металлургами Урала и Казахстана. Нелегко, да и не очень нужно измерять цифрами его вклад в производство. А разве "Способ Букетова-Баешева" (так и сказано в авторском

свидетельстве, выданном союзной экспертизой) определения фосфора в сложных системах - это не вклад? А около 70 авторских свидетельств СССР и зарубежных патентов - это не вклад?

Он и практик, он и теоретик, он и - да позволено будет так сказать, - романтик химической металлургии.

Евней Арстанович достиг значительных высот, но мог бы подняться еще выше, сумей сполна реализовать свои возможности, свой талант, свои надежды. Но путь ему преградили непреодолимые барьеры.

У него был широкий шаг и широкие замыслы. Широчайшие горизонты открывались перед ним, человеком широкой души.

Один из его друзей сказал:

- Если он что-нибудь и любил в лесу, то широкие поляны. Лесные чащи его стесняли. Перелески, колки Северного Казахстана еще притягивали его, потому что там был аул Баганаты, где он родился, где прошли его детство и отрочество. Но зрелому Евнею Букетову больше всего по душе был степной простор.

Широкая натура, общительная натура! Представить Евнея Арстановича в одиночестве можно только за письменным столом или в лаборатории.

Жизнелюб, он прежде всего любит людей. Когда приезжал из Караганды в Алма-Ату, то и в Союзе писателей, и в квартирах товарищей редко появлялся один. И говорил при этом:

- Я не хочу, чтобы вас мучила стенокардия, жалуйтесь только ему. Знакомьтесь, вылечит. Клянусь аллахом! И человек чудесный.

- Я привел к вам поэта, замечательное стихотворение написал. Поверьте вместе со мной в его поэтическую звезду.

- Неужели вы раньше не были знакомы с ним, так это же удивительный архитектор.

Обнаружив интересного человека - будь это ученый, преподаватель, литератор, - Евней Арстанович просто загорался, стремился сразу же, не откладывая в долгий ящик, помочь ему проявить свой дар. Так, будучи ректором Карагандинского университета, с любовью, именно с любовью, отнесся он к пожилому доценту Николаю Георгиевичу Скопину, о котором не без холодка равнодушия отзывались некоторые его коллеги-зоологи. Мол, подумаешь, насекомыми занимается, все свое время отдает каким-то жесткокрылым жукам. Но как раз эта сосредоточенность и пленила Евнея Арстановича. Он разговорился с Николаем Георгиевичем, понял, как широко смотрит он на свои занятия, умело связывая существование своих жуков с общими экологическими условиями Центрального Казахстана, убедился, что эти жучки, как и мухи

дрозофилы, над которыми так жестоко издевался Лысенко, нужны науке, в том числе науке о земледелии. В скромном интеллигентном человеке Букетов разглядел бескорыстного рыцаря науки, возвысил его авторитет на факультете, помог Скопину на склоне его лет защитить докторскую диссертацию.

Литературные портреты деятелей науки и культуры, как бы оставленные Евнеем Арстановичем в наследство молодым поколениям, написаны мастерски и с теплотой.

И опять: какая ширь интересов! От эссе, посвященного Дмитрию Ивановичу Менделееву, от поэзии периодической системы элементов до Мухтара Ауэзова, целой галереи выразительных рассказов о современниках. Перечитайте хотя бы очерк "Человек, родившийся на верблюде". Тут и главное действующее лицо очерка - доктор медицинских наук, профессор Ишанбай Каракулов Каракулов, тут и академик Каныш Имантаевич Сатпаев - пока это только эскиз, только набросок, потом Каныш станет его болью и радостью, как писал Евней Арстанович в одном из писем ко мне, а эскиз развернется в большое, к нашей горечи, незавершенное повествование, автор нас познакомит и с академиком республиканской академии Михаилом Ильичом Усановичем, выдающимся ученым химиком, блестящим экспериментатором, беспрдельно любящим химию, но не замыкающимся только в ней, на этих же страницах мы встретимся и с членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР Георгием Цораевичем Медоевым, неутомимым геологом; да разве всех перечислишь! Но вот что характерно: литературные портреты, созданные Букетовым, посвящены не только выдающимся деятелям-казахам. Здесь есть и русские люди, и татарин, и осетин, и еврей. Евней Арстанович друзей-то выбирал не по национальному и тем более не по земляческому, родоплеменному признаку.

Он был интернационалистом в большом и малом.

По-сыновьему любил свой народ, знал и уважал многие обычаи. Подетски радовался, когда я его называл Евнеем Арстанулы, старших почтительно величал аксакалами, знал толк в национальной кухне, отлично ориентировался в звездном небе согласно народной космогонии. Однако это все детали и притом не такие уж обязательные!

Преданность родной культуре в сочетании с высочайшим интернационализмом - вот что составляло сущность Букетова как человека, как ученого, как писателя. Да, писателя. И притом писателя двуязычного. Он переводил на родной язык и Шекспира, и Есенина, а русским языком владел в совершенстве: многие страницы его прозы читаются с наслаждением.

В его литературном наследии выделяется эссе "Святое дело Чокана", опубликованное в 18-м сборнике "Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке" (Москва, изд. "Советский писатель", 1985 г.). Не будет лишним напомнить, что он был и членом редакционной коллегии этого авторитетного союзного издания. Эссе Букетова нисколько не теряется в относительно обилии научно-популярных работ о Чокане (Аликеей Маргулан, Сабит Муканов, Сергей Марков, Ирина Стрелкова и др.). Вроде бы и факты известные, а воспринимал эссе как новое слово о Валиханове. Даже о его дружбе с Достоевским, дружбе, ставшей "ярчайшей страницей в истории братства русского и казахского народа", рассказано по-своему, по-букетовски. Высвечивается новое в своеобразной и очень точной оценке того, как объективно, с достоинством, но и без иронии относился Чокан к своей родословной, уходящей в далекий век Чингисхана. По-новому осмысливается и бесстрашное путешествие в Кашгарию. Букетов объяснил подвиг Чокана простой, чрезвычайно простой и одновременно насыщенной мыслями формулировкой: "Только фанатично преданный науке Чокан Валиханов мог на виду пирамиды человеческих голов пренебрегать опасностями и заниматься делами ученого. И в этом смысле его подвиг ничем не отличался от подвига Архимеда. Плавные рассуждения автора эссе перемежаются лирическими отступлениями и даже корректной острой полемикой с современниками Валиханова. Букетов приводит слова Потанина: "Чокан был большой лентяй". И разрушает этот невинный миф. Остроумно распознаны в эссе "артистическая одаренность Чокана" и "его неподражаемая способность к розыгрышам", кроющаяся отчасти в его национальном характере.

Как товарищ Букетова по литературному цеху я рассказал о нем - писателе больше, чем об ученом. Хотя мне и пришлось быть свидетелем его триумфа как ученого и как организатора науки на Всесоюзном совещании химиков в Караганде.

Нечастое сочетание подлинного ученого (он и экспериментатор, и аналитик, и мастер больших обобщений), общественника (и умелого административного деятеля) с бесспорной литературной одаренностью и дает право говорить, что он уверенно шел дорогой Чокана Валиханова и Каныша Сатпаева.

И, конечно же, он был не лишен недостатков. Да кто их не лишен.

Был склонен порой к внешним эффектам, перегибал в честолюбии: в общем правильно оценивал людей, не всегда мог подавлять свои эмоции, - впрочем, так ли уж плохо это?

Он был человеком не только широкой, но и распахнутой души.

И эта распахнутость, эта откровенность едва ли не яснее всего выразились в его "Шести письмах другу, или Записках научного работника", опубликованных в 1978 году в "Просторе" под заголовком "Время светлой судьбы".

Публикация этого произведения сыграла трагическую роль в жизни Евнея Арстановича Букетова.

19 мая 1979 года в молодежной республиканской газете появился фельетон "В соавторстве с... Хлестаковым", подписанный кандидатом исторических наук Ю. Роциным. В те времена это имя наводило страх на писателей, научных работников. Ю. Роцин появлялся на страницах многих алматинских газет. И если ему начисто было отказано судьбой стать властителем дум, то многие чужие судьбы ему удалось поломать. Кто из нас, поживаясь, не думал: а вдруг моя повесть (рассказы, стихи, критические строки) не поглянется всесильному Роцину и он вынесет свой безапелляционный приговор. Когда-то сотрудничавший под другой фамилией в республиканской газете и не создавший ни одного шедевра, Роцин перебрался в Москву и спустя много лет неожиданно всплыл на газетных страницах знатоком казахской литературной жизни. Он увидел в "Записках..." "скособоченную общественно-политическую картину", произвел Букетова в "прямые родственники" горьковскому Климу Самгину и леоновскому Грацианскому (а ведь это не просто сравнение, а политическое обвинение!), заявил, что "мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом", обвинил Евнея Арстановича во всех смертных грехах, в том числе во лжи, зазнайстве, хвастливости, фальсификации.

В фельетоне обдуманно подчеркнута и должность Букетова - ректора Карагандинского государственного университета.

Словом, сигнальная ракета взвилась: начинайте травлю!

И начали.

С болью и гневом значительная часть литературной и научной общественности восприняла фельетон Ю.Роцина, в котором явственно прослушивалось: "Ату его! Возьми его!". Но те, кто и мог бы защитить, молчали, ибо догадывались - сигнал к травле исходил из "Большого дома", как тогда принято было говорить. Молчали, ибо знали, что такая неординарная личность, как Букетов, невыгодно оттеняет тогдашнего бесцветного президента Академии наук республики и должна быть во что бы то ни стало расвенчана.

С университетом его вынудили расстаться.

Директор уважаемого издательства, в котором должны были выйти в свет "Записки...", не без грусти сказал мне, рецензенту рукописи:

- Я и сам за ее издание. Но вы же понимаете...

Молчал он. Молчал я. Молчали мы.

Молчал и Букетов, понимая, что силы неравные. "...Перешел на рядовую научную работу к своим ученикам и теперь чувствую, как я много потерял за годы своего ректорства, - писал он мне и дальше, иронизируя над самим собой: - Вообще для утешения поводов много... Годы руководства вузом тоже, наверное, не пропали даром - познана жизнь с таких сторон, которые не всем доступны".

И замыслы, замыслы. Литературные и научные. Лучшие его страницы о Чокане и Сатпаеве написаны именно в это горькое для него время. Заново погружался в таблицу Менделеева. И вот еще строки из письма: "Оказывается, я ее очень плохо знал, и поскольку плохо знал, сделал несколько "открытий". Ходил сам не свой. Когда же обнаружил, что эти "открытия" сделаны давно, все же восторг мой не прошел. Самовлюбленному и самолюбующемуся человеку всегда можно найти повод поублажать тщеславную душу". Так посмеивается над собой "Нарцисс", посмеивается над собой в трудное время своей жизни. Понимаете ли вы это, Рошин? Осознаете ли, кому укоротили жизнь?

А рана была нанесена... Инфаркт. Долгое, мучительное выздоровление. Обдумывание жизни. И снова работа: письменный стол и лаборатория в Химико-технологическом институте, который он возглавлял и развивал в течение долгих лет.

Он упорно занят разработкой метода получения искусственной нефти из высокозольного угля и воды с применением ферросплавов. За три дня до смерти он писал начальнику Карагандаглавснаба: "...воспомоществуй Христа ради насосами высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна".

Разработка осталась незавершенной, как не дописана и книга о Сатпаеве. Хронологически это его последние дела. Но разве у таких людей, как Евней Арстанович, бывают последние дела? Ведь за содеянным непременно бы возникли и новые замыслы, и их свершение...

УЧИТЕЛЬ ИСКРЕННЕЙ ДОБРОТЫ

Когда я устраивалась на работу, то в директорском кабинете Евнея Арстановича Букетова получила урок высочайшей гражданственности, невольно присутствуя при следующей сцене. Вызвав проректора по науке, он сказал, что необходимо трудоустроить жену аспиранта, дочь киргизского народа, пришедшую к нему на прием. Точно помню его слова: "Эта молодая женщина - сноха нашего народа, и мы не вправе, чтобы на казахской земле она чувствовала "сиротство", тем более, что муж ее в данное время в аспирантуре, далеко".

С тех пор я много раз поражалась способности Букетова, своего Учителя вмещать в своем сердце столько широты, столько искренней доброты, что диву даешься. Умел он видеть в любом труде зерно и убедить, что оно прорастет. Он верил в хорошее будущее каждого молодого человека, помогал каждому стать творческой личностью. Его отличало человеколюбие.

В день кончины Букетова мною написано небольшое стихотворение, эти строки "вылились" сами собой из моего сердца. Есть в них слова о том, что Букетов всех нас "озарил Добротой своей и верой в жизнь". И это так!

Помню день, когда он уходил из университета, так как уволился "по собственному желанию". Казалось, Евней Арстанович был весь нацелен на то, что наконец он сможет еще полнее себя отдавать науке, говорил о том, что теперь сможет работать со своими учениками, не отвлекаясь, и было ощущение даже радостного предчувствия, так как он улыбался, шутил. И действительно - мы стали чаще встречаться, он уделял своим ученикам все больше времени, и не было, казалось, конца нашим беседам о науке, творческом поиске. Он давал нам возможность почувствовать себя выше, чище.

Помню, как в день его рождения на открытке написала отрывок из стихотворения М.Шаханова "Теоремы взаимоотношения" и оставила на письменном столе своего Учителя. Чуть позже увидела его, тяжело поднимающегося по лестнице на третий этаж, Евней Арстанович сказал, что специально шел, чтобы поблагодарить меня за поздравление. Глаза его были очень лучисты, но, казалось, в них уже проглядывала глубоко скрытая грусть.

Однажды после очередной консультации речь зашла о месторождении "Майкубень", это было как раз после того, как на факультете была

прочитана им лекция, посвященная проблемам возможной переработки в нефть углей, подобных майкубенским. И когда он в разговоре от меня узнал, что комбинат Майкаин, находящийся в непосредственной близости от месторождения, собирается отпраздновать 50-летний юбилей, то тут же написал своей рукой текст поздравительной телеграммы, который хранится мною до сих пор. Телеграмма была отправлена, ее зачитали на торжественном заседании перед тружениками-обогатителями небольшого рабочего поселка.

В незавершенном романе Букетова об академике Каныше Имантаевиче Сатпаеве в устах одного из героев звучат такие слова: "Много ли надо человеку. Совсем немного. Стоит это понять, как человек перестанет врать и обманывать, главное - честность к самому себе, друзьям, людям. Честность и бескорыстие". Мне кажется, этими словами он многое сказал и о себе, таким он хотел быть сам, да таким он и был. Его жизнь была на редкость гармонична и содержательна, ибо он ценил каждый день и каждый час.

После инфаркта уже в больнице в палате после недельного пребывания без движения он с охотой читал и писал. Мы застали его за чтением уймы газет, они лежали на его широкой груди. Мы все смеялись и шутили, так повеселел Евней Арстанович.

Еще в первые годы работы в университете я на улице или у входа в вуз могла просто и тепло пожать протянутую мне руку этого Большого человека. Он был скромн, но очень внимателен, отзывчив, приветлив. Для него не существовало "маленьких людей", ничтожных студентов. Так, видимо, и создавалось ощущение единства учеников и учителя, которого мы будем любить до тех пор, пока сами живы.

Андрей ПАШИНКИН

АКАДЕМИК И ПИСАТЕЛЬ

Наша первая встреча с Евнеем Арстановичем Букетовым состоялась весной 1962 г. В то время я работал в лаборатории Александры Васильевны Новоселовой и занимался исследованием халькогенидов. Встреча эта произошла совершенно неожиданно: открылась дверь лаборатории, и ее проем почти полностью заняла крупная фигура человека, который пропускал впереди себя своего спутника с европейскими чертами лица. Это были Евней Арстанович Букетов и Марк Залманович Угорец. Евней Арстанович с большим интересом осмотрел наши

установки по сублимации теллура и халькогенов, установки по методу Кнудсена и изучению окисления халькогенидов. Он сказал, что пришел к нам по рекомендации сотрудницы ГИНЦВЕТМЕТА Л.А. Сошниковой. То, что он директор ХМИ, выяснилось как-то случайно.

Он сказал, что все, что он увидел, его очень интересует и нам полезно поддерживать контакты. Поскольку в Казахстане мне никогда ранее бывать не приходилось, то возникли естественные затруднения при написании на слух имени и отчества. Он протянул академическое удостоверение, и я удивился, прочитавши там, что имею дело с директором ХМИ: так весь облик его, живость общения и понимание конкретного дела не ассоциировались с обликом "начальника".

Не помню, представился ли он тогда, уже после нашей встречи, Александре Васильевне или это было в другой приезд, последовавший вскоре за нашим первым знакомством.

Наши более тесные научные контакты, перешедшие в настоящую дружбу, возникли уже после моего первого приезда в Караганду в мае или июне 1962 года.

Евней Арстанович быстро ввел меня в курс его работ в области химии и технологии селена и теллура. Пожалуй, стоит рассказать только о двух работах, в суть которых мне пришлось вникать. В одной из них исследовались безводные пироселениты цинка методами рентгенофазового анализа и термографии. Пирометр Курнакова был установлен в небольшой комнате административного корпуса старого здания ХМИ. Стены толстые, помех никаких - получились прекрасные термограммы, но поскольку не принимались меры защиты образцов от влаги, то на кривых регистрировались эффекты, характеризующие потерю кристаллизационной воды при нагревании, что очень легко было установить, так как процесс дегидратации водных пироселенитов был уже изучен. Мы обсудили эту ситуацию совместно. И много лет спустя, рассказывая об этом случае, Евней Арстанович всегда смеялся и говорил, что я приехал и нашел, что все работы делаются неправильно.

Вторая работа касалась измерения давления диссоциации селенита цинка методом потока. Метод очень капризный и дает хорошие результаты далеко не с любыми объектами и требует специальных конструкций реакционного сосуда. На этой установке работала тогда С.С. Бакеева. Мы работали вместе дня три, провели 5-6 опытов, но воспроизводимого результата не получили. Все были единодушны в том, что метод измерений надо менять. И вот в следующий приезд измерения проводились уже методом "точки росы", и весьма успешно. Эта работа закончилась через несколько лет, были исследованы термодинамика

диссоциации многих селенитов, представляющих интерес как для пирохимического процесса извлечения селена из медьэлектролитных шламов, так и для процессов окисления халькогенидов, обладающих полупроводниковыми свойствами. В 1971 году С.С. Бакеева успешно защитила кандидатскую диссертацию на химическом факультете МГУ.

Следует отметить, что Евней Арстанович всегда хорошо понимал, что диссертации и диссертанты бывают разные, и наиболее способных, получивших интересные результаты, работавших наиболее тщательно и прилежно, стремился направить на защиту в Москву, Ленинград или Свердловск. Эта полезная традиция сохранилась в ХМИ и в настоящее время.

Наши встречи как в Караганде, так и в Москве, преимущественно на химическом факультете МГУ, еще более сблизили нас. Некоторые факты из этих встреч представляют интерес для характеристики личности Евнея Арстановича как ученого-энциклопедиста, то есть такого разностороннего ученого и человека, что в целом не свойственно для современного научного работника.

О своих интересах к литературе и истории Евней Арстанович говорил всегда, но о его переводах на казахский язык "Евгения Онегина" или поэмы Есенина "Анна Снегина" приходилось узнавать как-то случайно. Впервые, я услышал об этом от него во время пребывания в Караганде, наверное, в 1965 г. Я провожал его в Алма-Ату на аэродроме в Караганде. Самолет задерживался, мы долго ходили около аэровокзала, и тут Евней Арстанович стал читать поэму Есенина на казахском языке. Не помню, сказал ли он тогда, что это его перевод. Много позднее он об этом рассказывал уже в Москве, тогда же мы узнали, что он член Союза писателей.

Самое удачное, с моей точки зрения, художественное произведение Евнея Арстановича - это "Записки научного работника", опубликованные в журнале "Простор". Многого, о чем он пишет, я слышал ранее от него и его сотрудников и учеников, кое-что видел сам, так как в какой-то мере был свидетелем становления ХМИ. "Записки" читаются очень живо. Многие действующие лица "Записок" даны под псевдонимами и, самое любопытное, что они легко расшифровываются, узнаются реальные события и люди, их оценка автором. Может быть, это не так интересно, кто не знает те научные организации и их коллективы, о которых идет речь, но для тех, кто в курсе дела, "Записки" читаются с двойным интересом, и с этим согласны многие, кто знает описываемые научные коллективы Алма-Аты, Москвы, Химико-металлургического института.

Всегда поражали библиотеки Евнея Арстановича на работе и дома. Думаю, что хорошие домашние библиотеки его сотрудников и учеников в Караганде создавались не без его влияния.

Большая заслуга Е.А. Букетова - это организация традиционных конференций по химии и технологии халькогенов и халькогенидов; две из них прошли при его жизни. Здесь мы снова можем убедиться в широте замыслов Евнея Арстановича. Эти конференции стали, а их прошло уже три, наиболее авторитетным местом общения химиков и технологов, занимающихся исследованиями этих элементов и их соединений. Если на других конференциях, посвященных халькогенидам, рассматриваются преимущественно их электрофизические свойства, что стало уже привычным, то в Караганде химики, физико-химики и технологи всегда могут найти интересную аудиторию и понимание чисто химических, физико-химических и технологических проблем, без активного обсуждения которых не только невозможен прогресс именно в химии и технологии халькогенов, халькогенидов и мышьяка, но и технологии направленного синтеза материалов с заданными электрофизическими свойствами.

После перехода Евнея Арстановича на основную работу в Карагандинский университет наши встречи стали более редкими, но он позаботился о том, чтобы научные связи с ХМИ оставались столь же продуктивными.

В то время я работал профессором кафедры физической химии МИ-ЭТ, и в январе 1975 года приехал в Караганду уже как сотрудник кафедры. Наша встреча состоялась в день моего отъезда. У меня было явно уже настроение оказаться поскорее дома, в тот же день я должен был быть уже на работе. Евней Арстанович очень увлеченно говорил о важности переработки пиритных отвалов, обращал мое внимание на работы Ж.Н. Абишева и его сотрудников, и настаивал на тесном сотрудничестве между нами. Такая постановка вопроса показалась мне не слишком реальной, так как это была для меня совершенно новая задача, да и надо было уже ехать на аэродром. Евней Арстанович заметил мое недоумение и нетерпение и несколько меня упрекнул. Я обещал подумать. Не уверен, представлял ли ясно наше будущее взаимодействие присутствовавший при разговоре Ж.Н. Абишев, но через несколько лет мы подготовили совместно небольшую монографию "Магнитные сульфиды железа", предисловие к которой написал Евней Арстанович, таким образом, наше взаимодействие с ХМИ продолжало осуществляться, очевидно, по путям, намеченным в той, с первого взгляда, казалось, не очень продуктивной беседе.

Вспоминать о последних годах жизни Евнея Арстановича тяжело. Совершенно очевидно, что в застойное время такие талантливые и разносторонние люди были просто не нужны. После явно инспирированного "сверху" "фельетона" Евней Арстанович вскоре фактически оказался не у дел. Это не могло не сказаться на его здоровье, тем более на боли в сердце он жаловался впервые сразу после защиты докторской диссертации в 1966 году.

Все, с кем я ни разговаривал по поводу этого безобразного пасквиля, были единодушны в оценке мотивов его появления, с гневом осуждали клевету в адрес Букетова.

Наиболее ценными для Евнея Арстановича в последующие годы были работы по автоклавной восстановительной переработке каменного угля в жидкое топливо. Он был очень увлечен этой работой и дорожил поддержкой академика Виктора Ивановича Спицына. Вообще встречи и переписка с Виктором Ивановичем были для Евнея Арстановича в эти нелегкие годы очень важны.

Последняя наша встреча состоялась на конференции, посвященной 25-летию ХМИ и открытию Центрально-Казахстанского отделения Академии наук Казахстана. Мы решили некоторые текущие дела. Я не мог представить себе, что вижу Евнея Арстановича в последний раз.

Сейчас справедливость восстановлена, но этого талантливого человека, академика и писателя, нет среди нас, а ведь он мог еще много сделать в тех областях химии, металлургии, литературы, истории, которые так интересовали его.

Раиса КЛЕЩЕВА

ТАЛАНТ – ЕДИНСТВЕННАЯ НОВОСТЬ, КОГДА ОН ТАК ВЕЛИК, КАК ВАШ!

С Евнеем Арстановичем Букетовым я работала в качестве первого его заместителя, проректора по учебной работе, сразу после образования университета.

Преобразование любого вуза в университет не может не затрагивать его глубинных оснований и это, прежде всего, научно-педагогические кадры, их интеллектуальный, научный и культурный потенциал, определяющий концепцию образования.

На всех этих этапах жизни Карагандинского университета эта сложнейшая задача оставалась ключевой.

К началу 1972-1973 учебного года в университете работало 280 преподавателей, из них 82 имели ученую степень кандидата наук. К 1980 г. количество преподавателей с учеными степенями и званиями составило 36,2 процента. Создание университета на базе педагогического института имело и свои негативные стороны.

Е.А. Букетов убежденно доказывал необходимость научного роста преподавателей, подготовки университетом кадров для науки. Рисуя перспективы КарГУ, он мечтал о НИИ при факультетах, об отраслевых и проблемных лабораториях, по праву считая, что только постоянное погружение в научную проблематику держит преподавателя в соответствующей форме и дает заряд в общении со студентами.

Евней Арстанович любил повторять слова Осипа Мандельштама о том, что еще не написана повесть о трагедии полуобразования. Мне кажется, говорил он, что биография сельского учителя может стать в наши дни настольной книгой, как некогда «Вертер».

Он направлял усилия коллектива на внедрение новых прогрессивных методов обучения, обновление объема и содержания знаний, передаваемых студентам, всемерное развитие творческого овладения знаниями, на полноту соответствия концептуальной идее универсальности образования.

Многое поражало меня в личности Е.А. Букетова. И прежде всего это энциклопедические знания не только в области естественных наук. Он был крупным ученым, организатором научных исследований и высшего образования. В то же время он был писателем и переводчиком и прекрасным рассказчиком. Сила его таланта удивляла не только тех, кто встречался с ним впервые, он поражал и нас, работающих с ним бок о бок много лет.

Для него было характерно неприятие формализма в работе, стремление проникнуть в суть каждого вопроса, умение ставить и решать масштабные задачи.

У английского историка и философа А. Тойнби есть размышление, суть которого в том, что глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели.

Для Евнея Арстановича формой существования была постоянная работа. Довольно часто бывали такие ситуации. Евней Арстанович имел обыкновение приходить в университет после короткого утреннего променажа. Я поджидала у входа в его кабинет с тем, чтобы решить срочный вопрос.

Евней Арстанович, рассеянно глядя на мои бумаги, говорил: «Мне сейчас пришло в голову интересное решение, нужно быстро записать его, чтобы не забыть...» Его всегда окружали книги... самые разные. Даже в больничной палате Московской клиники академика Чазова на прикроватной тумбочке Евнея Арстановича была стопка книг и записи его размышлений. Его затягивал и увлекал процесс работы... Может быть, поэтому он довольно легко относился к тому, когда не все получалось.

Когда в 1973 г. Евней Арстанович избирался в действительные члены Академии Наук республики и не был избран, мы, его заместители, в волнении ожидали его в университете, предвидя невеселую встречу. Каково же было наше удивление, когда Евней Арстанович показался бодрым, уверенным, спокойным, бросив на ходу, что ничего чрезвычайного не произошло, что жизненная дорога не может быть гладкой, должны быть и неудачи. Помолчав, философски добавил: «Ведь очень хорошо – это тоже плохо».

Он обладал мощным потенциалом для выживания... с ним всегда было его творчество.

Излюбленное выражение Евнея Арстановича «Побеждает всегда работа». Этими словами он часто завершал свои выступления перед студентами, вселяя в них уверенность в том, что из стен университета выйдут свои Ломоносовы, Валихановы, Сатпаевы.

В обстановке господства единой государственной идеологии Евней Арстанович по-своему истолковывал смысл знаменитого изречения М. Лютера: «Требовать от человека, чтобы он верил не так, как он верит, это все равно, что повелевать луне, чтобы она не светила». Вера, убеждение, установка или что-то желаемое – сознание в значении моего осознанного бытия, - это непринуждаемая реальность.

Ему было присуще чувство внутренних, ненавязанных извне иерархий. Среди них острота быстротечности времени. Он очень дорожил временем, как бы подспудно осознавая, что отпущено не так уж много. Он не мог отказать себе в самой большой роскоши на свете – роскоши человеческого общения, он постоянно ограничивал себя, не позволяя засиживаться за гостевым столом более двух часов.

Помню, как я, отстаивая необходимость направления на научную стажировку одного из преподавателей, добавила, что он перспективен, что ему всего 30 лет, на что Евней Арстанович ответил: «Уже 30 лет... в науку должны идти молодые люди». Е.А. Букетову было присуще признание значимости других. Своим величием он не подавлял коллег, а наоборот возвышал их, будучи щедрым на похвалы и комплименты.

Тайна индивидуальности связана с искусством быть самим собой. Это значит быть ответственным за себя, делать свою собственную историю жизни.

Индивидуальность – это настолько же творчество и свобода, насколько бесконечное самоопределение, борьба с самим собой.

Когда человек у власти он должен выдерживать такой напор власти, подобострастия, откровенного вранья, иначе очень быстро сломается и потеряет себя. Евней Арстанович это прекрасно понимал. Припоминается такой эпизод. Один из преподавателей университета настроил пасквиль на ректора, обвинив его в несусветных грехах. Это анонимное послание было направлено в обком партии. Несколько позже удалось установить, кто автор этой клеветы. Я захожу в кабинет ректора и сталкиваюсь в дверях с этим человеком. Евней Арстанович, показывая на захлопнувшуюся дверь сказал: «Сидел тут битых полчаса, кукарекал, какой я хороший, а я вынужден был слушать...»

Евней Арстанович был необыкновенно своеобразным и неожиданным человеком. Никогда нельзя было предугадать, как он поступит в той или иной ситуации.

С большой теплотой относился к нему учебно-вспомогательный и технический персонал. И он платил им... заботой. Один из водителей Евнея Арстановича рассказывал, как он пришел к ним в гараж и попросил отметить событие в его жизни. Это ли не проявление отсутствия каких-либо сословных предрассудков.

Сколько бы мы не говорили о Е.А. Букетове он больше и значительнее всех суждений о нем. И сегодня, когда Евнею Арстановичу исполнилось бы 75 лет его голосом говорят его многочисленные ученики.

Воплощением его мечты стал сегодняшний Карагандинский государственный университет, один из ведущих флагманов образования в Казахстане, гордо носящий имя своего первого ректора – Евнея Арстановича Букетова.

Галым КАДРАЛИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗЕМЛЯКЕ

Как же здесь не вспомнить добрым словом Бальтай-апа, воспитавшую пятерых детей, старшим среди которых был Евней. Сколько она им отдала любви, неустанных хлопот, забот и труда, чтобы оградить малышей от козней жизни, обеспечить им нормальные условия суще-

ствования. Достаточно сказать, что все они, повзрослев, получили образование и стали достойными гражданами нашего общества.

Из ее рассказов я узнал о том, что семья пережила великие трудности: переезд в Курганскую область во времена великого джута в Казахстане (начало 30-х годов), возвращение на родину, суровые годы войны. В сложнейшие послевоенные годы женщина, в одиночку воспитавшая 5 детей, отправила старшего сына для поступления в Казахский горно-металлургический институт. Об этом периоде их жизни лучше не расскажешь, чем Камзабай Букетов (брат Евнея Арстановича), выпустивший автобиографическую повесть «Друг мой, брат мой».

Сам Евней Арстанович часто вспоминал: «Я начал все-таки с учителя, перед тем как поступить в институт. Пришлось работать в школах Сергеевского района. Необходима была помощь семье, которая крайне нуждалась». Таким образом, он сам себе пробивал дорогу в столицу, к образованию. Он не ставил перед собой особых целей, но прекрасно осознавал, что все хорошее, ценное достигается огромным трудом. А способностями природа его не обделила.

Вот основные результаты его деятельности. Две диссертации – кандидатская и докторская, звание лауреата Государственной премии, крупный ученый с мировым именем, академик АН Республики Казахстан, известный писатель.

Часто задают вопрос: кто же он, Е.А. Букетов, прежде всего ученый или писатель? Вызывает удивление, что его знают ученые России и в странах дальнего зарубежья, но к сожалению, он малоизвестным остался для своих земляков-североказахстанцев.

У Е. Букетова имеется около семидесяти авторских свидетельств и зарубежных патентов. В России новому способу электрохимического окисления фосфора присвоено имя авторов: «Способ Букетова – Баешова» (уведомление, к сожалению, пришло после его смерти). Он рационализатор, изобретатель. Государственную премию СССР получил за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

В то же время Евней Арстанович был известным писателем. Одни его переводы с казахского языка на русский и с русского на казахский (пьесы, очерки, стихи, критические статьи, произведения Шекспира, И. Вазова, Эмиля Золя, И. Василенко, Маяковского, Есенина и многое другое) могут составить целые тома.

Кроме того, он написал свою документально-художественную прозу. Книга «Грани творчества» вышла при жизни, а уникальное издание «Шесть писем другу» вышло 5 лет спустя после его смерти. В этой

книге правдиво отражены личность самого автора, традиции народов, славные люди и дружественные связи народов в научном мире, культуры и искусства. Писал он о Чокане Валиханове, ученом этнографе, о Каныше Сатпаеве, первом ученом – геологе и организаторе Академии наук Казахстана. Переводы, научные статьи, литературные произведения печатались на страницах республиканских и союзных газет, научных и литературных журналов. Огромный творческий труд остался после него и в виде рукописей.

- Я родился под счастливой звездой, - говорил он, вспоминая К. Сатпаева, первого президента АН Казахстана. Действительно, Сатпаев был его учителем, наставником и другом. По его рекомендации Е. Букетов стал директором научно-исследовательского Химико-металлургического института АН Казахстана. Этот институт стал одним из научных центров в Казахстане, обеспечивающим нужды крупных промышленных городов – Балхаша, Жезказгана, Темиртау, Карагандинского угольного бассейна и других.

Первая встреча с Евнеем Арстановичем у меня произошла в 1960 году. Раньше я ни разу не встречался с ним, хотя был знаком с ним заочно. С остальными Букетовыми общались раньше, в Караганде. Я учился в пединституте, и после окончания его остался работать в одной из школ шахтерского города. Родители, брат и сестра жили со мной.

Услышав, что приехал из Алматы Е.А. Букетов в связи с назначением директором Карагандинского научно-исследовательского института, я зашел в его кабинет. Поздоровался. Он встал с кресла. Человек крупного телосложения, высокий, широкоплечий. Когда пожал мне руку, я почувствовал себя даже каким-то слабым. Густые волнистые черные волосы, светло-карие глаза, теплая улыбка вызывали расположение к нему. Евней Арстанович был в самом расцвете сил и красоты, всего 35 лет (а мне тогда было 24 года).

- Слушаю вас, – сказал он.

- Я родом из Октябрьского района. Вы тоже? – начал я.

- Как же иначе, браток, это мои родные места, я их люблю, – сказал мягким и приятным голосом Букетов.

- Евней Арстанович, мы вас знаем, с вашими родственниками в добрых отношениях.

У казахов, надо сказать, издавна существует обычай приглашать на «ерулик» (на обед) нового соседа в знак уважения.

- Вы не только сосед, но и земляк, – пригласил я его.

- Большое спасибо за приглашение. С вами живут аксакалы – старики. Из чувства уважения и признательности я должен сперва поздороваться с ними, – ответил он.

После встречи с этим человеком у меня осталось приятное впечатление. Я понял, что он человек большого сердца. Хочу еще сказать об одном качестве Евнея Арстановича. В Караганде во Дворце шахтеров торжественно отмечалось 70-летие писателя и государственного деятеля Сакена Сейфуллина. Это было в первой половине шестидесятых годов. Здесь собрались ученые и писатели республики, родственники С. Сейфуллина, представители общественности, интеллигенция города. С докладом выступил Е.А. Букетов. Родиной Сейфуллина в те годы считалась Карагандинская область, т.к. Жезказганской тогда не было.

Свое выступление Букетов начал неторопливо, своим мягким, чистым голосом, постепенно разгорячившись, преобразился так, что весь театр заслушался. Со своими убедительными, завораживающими словами говорил о родине С. Сейфуллина, о Центральном Казахстане – Сары-Арке, таившей в своих недрах все элементы Менделеева, неиссякаемом источнике богатства всего Казахстана, о ее развитии и перспективах. Беда в том, что мало воды...

Словом, Евней Арстанович показал себя компетентным в суждениях и мыслях, выразил оригинальность суждений и энциклопедичность, завоевал уважение не только жителей Караганды, но и всего населения Центрального Казахстана – Сары-Арки.

Он обладал высокой культурой общения, превосходил многих своих сверстников простотой, душевностью, добротой и открытостью. Хочу привести один пример, связанный с нашей семьей. На моей свадьбе Евней Арстанович был тамадой. А что значит торжество в традиционном духе? Здесь не только важен ход самой свадьбы, сколько строгое следование обычаям и традициям. В частности, прием сватов-старших с другой стороны. А это – уважаемые люди аксакалы, где не обойтись без душевных разговоров, споров, состязаний обеих сторон. Евней Арстанович любил поднимать настроение, веселиться. И все время блистал остроумием и юмором. Гости пили кумыс, ели бешбармак и самое главное – получили большое удовлетворение от беседы, встречи с приятными, умными людьми. В итоге обе стороны остались довольными.

Евней Арстанович Букетов 12 лет проработал директором научно-исследовательского института, а в начале семидесятых годов ему поручили еще одно важное дело: создавать региональный Карагандинский университет (на базе бывшего пединститута), где он проработал ректором до восьмидесятого года. С характерной для него энергией он

включился в это серьезное дело: подбирал профессорско-преподавательский состав, укреплял учебно-материальную базу нового учебного заведения. Ныне этот университет носит имя Е.А. Букетова.

В последние годы жизни Евней Арстанович работал старшим научным сотрудником Химико-металлургического НИИ. Кому-то он пришелся не ко двору. В народе говорят: «Две бараньи головы в один котел не лезут». Букетова вынудили отступить. В конце концов, он покинул свое детище – университет. Такое не проходит бесследно. И сердце не выдержало. Тяжкие мысли о несправедливости выведут любого человека из равновесия. На опального ученого обрушилось самое большое несчастье: бывшие друзья не узнавали, обходили стороной. Будь он хоть чуточку виновен в чем-нибудь, пришел бы с повинной головой. Однако он придерживался мысли: «Жертвуй ухом, сохраняешь голову».

Я видел Евнея Арстановича в последний раз в его лаборатории за месяц до смерти. Обрадовался. Спрашивал:

- Когда приехал, браток, как дома дети?

Мне показалось, что он сильно сдал. Он аргументировал это тем, что интенсивно занимается спортом. Но нельзя сказать, что счастье покинуло его. Он рассказал мне о новых открытиях в получении искусственного бензина из карагандинского угля. Я несколько не удивился, был уверен в его талантности. И вдруг он спросил:

- Скажи, браток, сколько было лет твоему отцу, когда он жил в Караганде?

Я ответил:

- Лет 60.

Он сказал:

- Мне казалось, что старый, а на самом деле это возраст пожилого человека.

Видимо, Евней Арстанович мучительно болел от незаслуженного унижения и места себе не находил от переживаний. Эти жестокие удары судьбы намного сократили его жизнь. Он умер в расцвете сил, в 58 лет. Между аспирантурой и незавершенной работой по получению искусственного топлива – всего 30 лет. За этот небольшой промежуток времени он внес огромный вклад в науку, литературу. Его научные труды и поныне имеют практическое значение для промышленности. К сожалению, только сегодня они получили должную оценку. Имя казахского ученого носят Карагандинский государственный университет, одна из улиц города. В НИИ установлена мемориальная доска, создан

музей. В г. Сергеевке одна улица и средняя школа №2 названы именем академика Букетова.

Болат БАЙТАНАЕВ

ПАМЯТЬ О НЕМ ЖИВА

Крупный ученый, публицист, критик, поэт, прозаик, переводчик - и это все в одном лице.

Литература для Евнея Арстановича Букетова была столь же серьезным занятием, как наука, педагогическая работа, которым он посвятил всю жизнь.

Тяга к художественному творчеству обнаружилась еще в школьные годы, но, видимо, она была еще неосознанной, и химия не потеряла в лице Букетова крупного ученого. Еще аспирантом Евней Арстанович начал сотрудничать в республиканских литературных и общественно-политических журналах. В 50-е годы он написал около тридцати критических статей на театрально-художественные темы. Его рецензии, обзоры отличались глубоким проникновением в замысел автора, в характеры героев. К нему стали прислушиваться, обращать внимание на его мнение, убеждаясь в правоте и зоркости молодого критика.

В эти же годы он выступает и в качестве талантливой переводчика в самых различных литературных жанрах. Им переведены на казахский язык сатирическая пьеса В. Маяковского "Клоп", роман Ивана Вазова "Под игом", комедия "Испанский священник" Флетчера, повесть Василенко "Артемка". Он перевел поэму С. Есенина "Анна Снегина", стихи В. Маяковского и его поэму "Хорошо!", рассказы Эмиля Золя, трагедию В. Шекспира "Макбет". Специалисты высоко оценили эти переводы. Они не только обогатили казахскую литературу, определили новый горизонт для казахского читателя, но и расширили систему национального стихосложения.

В 1975 году в издательстве "Жазушы" на казахском языке вышла книга очерков Е. А. Букетова "Человек, родившийся на верблюде". В ней речь идет о первом поколении казахской национальной научной интеллигенции, выращенной Советской властью, рассматриваются проблемы преемственности в литературе, особенности поэтического мастерства. Спустя год Е. А. Букетов порадовал читателей новой книгой "Грани творчества". Она невелика по объему, но несет в себе огромный нравственный заряд. Достоинства и ценности этой книги, как

отмечала критика, в нравственном содержании ее. Человечность, скромность, чувство товарищеского локтя, трудолюбие и честность - вот что воспевают умные, эмоционально богатые строки раздумий человека - ученого, поэта и педагога. Обращаясь к жизни и деятельности прославленных ученых казахской земли К. И. Сатпаева, М. О. Ауэзова и тех, кто шел с ними вместе и продолжает теперь свой путь ученого, а также к таким корифеям науки прошлого века, как Д.И. Менделеев, он "всегда и во всем ищет и находит истоки их человечности, высокой духовности, с любовью всматривается в то, что сделано ими полезного и доброго для народа, для укрепления могущества Отечества", отмечалось в "Литературном обозрении". В книгу вошел и очерк "Второй в республике", посвященный открытию Карагандинского университета. Читатель журнала "Простор" В. Шерстюков из Талды-Курганской области в своем письме в редакцию журнала так оценивает очерк: "Хорошо написан, масштабно, живо, увлекательно, доказательно и проблематично, светло и молодо. Видимо, Евней Арстанович человек и ученый поиска, способный глубоко проникать в психологию человеческого характера, блестяще знающий русскую историю, историю Казахстана и литературу..."

Журнал, на мой взгляд, может гордиться этой статьей. Спасибо. Прошу передать читательскую благодарность Букетову".

Одним из последних произведений Е. А. Букетова является опубликованная в разделе "Документальная проза" журнала "Простор", № 8, 9 за 1978 год, повесть "Время светлой судьбы" (записи научного работника). Как известно, талант не однозначен. Здесь Е. А. Букетов обращается к необычному для его творчества жанру. Создав широкий исторический фон, писатель показывает, как обыкновенный юноша, судьба которого в известной степени перекликается с судьбой автора, выросший в далеком ауле, гонимый страстью познать жизнь и мир, получить образование, формируется в известного ученого. Критика настойчиво утверждала, что это сугубо документальное произведение, в которое входит лишь незначительное количество вымышленных имен. Однако история литературы знает огромное количество примеров, когда автор, излагая свои чувства и мысли, достигает достоверности путем включения в свое полотно событий и людей, с ними связанных, наблюдаемых в жизни. "Время светлой судьбы" не является исключением из этого ряда и представляет собой художественное произведение со всеми признаками, склоняющими чашу весов к жанру "повесть". Но если условно допустить правоту критики, нельзя не согласиться с мнением одного из рецензентов, писателя Сергея Никитина: "Ты - прирожден-

ный литератор... В целом, прочитав произведение ("Время светлой судьбы" - Б. Б.), чувствуешь силу и чистоту большого человека эпохи и страны именно потому, что он убежденно считает себя самым обычным, добросовестным, простым тружеником, даже как-то стесняясь того заслуженного положения, которого достиг".

Е. А. Букетов - писатель, в котором удачно сочетаются две языковые стихии - казахская и русская, и от этого его произведения только выигрывают, представляя собой своеобразный синтез двух языковых систем.

Сейчас ему было бы шестьдесят... Память о нем жива и будет жить долго.

Владлен КАРЛИНСКИЙ

ТАКИХ ЛЮДЕЙ НАДО БЕРЕЧЬ

Я много лет лечил Евнея Арстановича, и это позволило мне понять и оценить некоторые стороны его личности.

Евней Арстанович был сильным и смелым человеком. Будучи серьезно больным, он не терял присутствия духа, не поддавался болезни, относился к ней как к досадному обстоятельству, отвлекающему его от любимого дела. Даже в период лечения в больнице его палата быстро превращалась в рабочий кабинет, он был полон замыслов и планов и увлеченно работал как ученый и писатель. К врачебным советам относился уважительно, не считал возможным вмешиваться в назначения, как это нередко позволяют себе люди, занимающие "посты" и считающие, что они знают все и могут всех "учить".

Когда самочувствие позволяло, Евней Арстанович любил много ходить, во время прогулок искал общения, ему нужен был собеседник. Нередко таким собеседником становился я.

Мы часто гуляли вдвоем, обсуждая то, что нас в ту пору занимало и волновало: политические события, произведения литературы, поведение и деятельность отдельных людей.

Существовал заранее не обусловленный, но принятый между нами молчаливый договор, что наши беседы носят конфиденциальный характер; мы были откровенны и искренни. Больше говорил Евней Арстанович, мнения наши часто совпадали, но иногда я позволял себе не соглашаться. И нужно отметить, что Евней Арстанович с уважением

относился к другому мнению, пытаясь убедить, но не навязать свою точку зрения, всегда очень продуманную и аргументированную.

Человек независимого ума, несомненно, очень мудрый, Евней Арстанович всегда умел понять суть проблемы, все догматическое было ему чуждо. К человеческим страстям относился снисходительно, прощал глупость, но был непримирим к подлости, пошлости, предательству.

Дом Евнея Арстановича был открытым для людей, причем людей разных и по образованию, и по общественному положению. Многие искали возможности общаться с ним, некоторые, как мне казалось, приобщиться к личности большого человека. Правда, после публикации 19.VII.79 г. статьи в "Ленинской смене", в которой Е.А. Букетова пытались представить в весьма неприглядном виде, и последовавших после этого изменений в служебном положении ученого, посетителей в доме Евнея Арстановича заметно поубавилось. Приходили настоящие друзья, которые его действительно уважали, были ему преданны. Когда я прочел эту подлую и гнусную статью, стало очень тревожно за Евнея Арстановича, я боялся нервного срыва, что могло иметь роковые последствия, и сразу же навестил его.

Внешне он держался невозмутимо, не показался мне подавленным. Очень осторожно я коснулся этой злополучной темы. У меня создалось впечатление, что в какой-то степени Евней Арстанович относится к публикации философски, что она его не сломит, но мне кажется, что проявленная несправедливость все же угнетала его, хотя и позже он никогда этого не показывал.

Евней Арстанович любил свой народ, стремился развивать его образование, науку и культуру, был очень внимателен к своим ученикам, всячески способствовал их росту и продвижению. Ему было чуждо национальное чванство, он был интернационалистом, любил и хорошо знал русскую литературу, очень ценил Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Бунина, Маяковского. Часто перечитывал произведения Л. Н. Толстого.

В последние годы Евней Арстанович много работал над книгой, посвященной жизни и деятельности выдающегося ученого Каныша Имантаевича Сатпаева. Книга, работу над которой оборвала смерть, была задумана как большое произведение. Отдельные главы этой книги Евней Арстанович читал сам в узком кругу друзей и давал читать на дом. Впечатление было очень сильным.

Много работал Евней Арстанович и как ученый. В последние годы был увлечен проблемой получения нефти из каменного угля. Много

думал над этим, составил четкую программу исследований, добивался создания проблемной лаборатории. С этими планами выступал на заседании Президиума АН СССР. После поездки в Москву рассказывал мне, что его планы были внимательно выслушаны академиком А.П. Александровым и другими членами Президиума, был полон замыслов, крылен.

Накануне рокового дня вечером мы говорили по телефону, Евней Арстанович считал, что чувствует себя хорошо, приглашал меня на следующий день погулять.

13.XII.83 г. утром, будучи на работе, я узнал горестную весть о внезапной кончине Евнея Арстановича. Причиной ее явилась, наверное, фибрилляция желудочков сердца, так как у него было такое нарушение ритма сердца, которое в любую минуту могло к этому привести. Как врач я понимал возможность внезапной смерти, но был потрясен ею, было бесконечно жаль такого большого и хорошего человека, последние годы жизни которого были омрачены несправедливостью.

Таких людей, каким был Евней Арстанович, нужно беречь, заботливо ограждать от всего, что может ранить их душу и сердце, тем более - больное сердце.

Бахыт БИЛЯЛОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Услышать фамилию Е.А.Букетов мне довелось в студенческие годы в конце 50 годов в Алматы. Он был проректором по учебной работе в Казахском политехническом институте, где в то время я учился на геологоразведочном факультете.

Окончив институт и распределившись в лабораторию геологии угля в Химико-металлургический институт (ХМИ АН КазССР), я приехал в 1962 г. в Караганду. Организованный в 1956 году Химико-металлургический институт, можно сказать, только набирал кадры будущего одного из ведущих, академических институтов Центрального Казахстана. Это был в то время единственный научно-исследовательский институт Академии Наук Казахстана, на базе которого президент Академии Каныш Имантаевич Сатпаев, как позже стало известно, планировал создать Центрально-Казахстанское отделение с несколькими институтами по различным отраслям науки, организа-

ция и руководство которым было поручено Евнею Арстановичу Букетову.

С каждым молодым специалистом, направленным на работу в этот институт, Евней Арстанович беседовал лично сам, просматривал внимательно вкладыш диплома, обращая внимание на вписанные оценки по дисциплинам, полученные во время обучения в вузе, интересовался семейным положением, советовал обратить внимание на те или иные вопросы, которые молодому специалисту необходимо знать особенно хорошо, чтобы быть достойным научным работником института и рекомендовал не тратить время и сразу записаться в одну из групп по подготовке к сдаче экзамена кандидатского минимума.

В конце 1963 г. Евней Арстанович, зайдя к нам домой с И.В. Кирилюсом, с которым передал, находящемуся тогда в Кремлевской больнице Канышу Имантаевичу Сатпаеву кумыс, познакомился с моими родителями.

Через год лабораторию геологии угля и горного дела передали в распоряжение Комитета топливной промышленности, а затем в Карагандинский научно-исследовательский угольный институт и я вынужден был уйти из ХМИ, в связи с чем наступил небольшой перерыв в общении с Евнеем Арстановичем.

Начав собирать материалы о жизни и деятельности Каныша Имантаевича Сатпаева, Евней Арстанович обратился к моим родителям, чтобы они поделились воспоминаниями о семье Сатпаевых, т.к. зимовка Имантая Сатпаева, располагалась в 3 километрах от зимовки моих предков и они имели тесное общение. Как правило, Евней Арстанович приходил после работы вместе с Рахметом Момыновым и они подолгу беседовали с моими родителями. Так возобновилось мое с Евнеем Арстановичем общение и продолжалось, можно сказать, до последних дней его. Мне довелось много раз встречаться с Евнеем Арстановичем, о многом и не расскажешь, но я остановлюсь на отдельных из них.

Когда был преобразован Карагандинский педагогический институт в университет и Евней Арстанович был назначен его ректором, я работал в деканате горного факультета Карагандинского политехнического института. В обеденное время мне на работу звонит моя дочь Инкара и говорит: "Приходи скорей домой, к нам пришел дядя Евней Арстанович". Сразу после телефонного звонка освободиться мне не удалось, но когда я пришел домой, Евнея Арстановича уже не было, он ушел. На следующий день я зашел на работу к Евнею Арстановичу и сказал, что были мероприятия из-за которых я не смог быть дома во время посещения им моих родителей, на что он ответил: "Ты сотрудник вуза, ко-

торый имеет несколько начальников, а я все-таки ректор и имею возможность вовремя обедать. Тебе нечего извиняться. Зато я обнаружил, что у вас в доме есть очень удобная тахта, а у твоего отца очень теплый чепан, накрывшись которым после вкусного чая мне удалось минут пятнадцать вздремнуть".

В 1973 году, в конце учебного года мне позвонил домой Евней Арстанович и говорит "Что-то я не пойму какой ты национальности. Мне казалось, что у казахов младший должен к старшему по возрасту человеку время от времени показываться, чтобы поприветствовать его, а ты что-то долго "глаз не кажешь", куда-то пропал". После этого, естественно, я должен был на следующий же день явиться к нему. Он спросил, где я собираюсь провести отпуск и сможет ли он при необходимости найти меня. И когда я записал ему номер телефона в Экибастузе, по которому меня можно найти, он вручил мне 120 страниц машинописного текста и сказал: "Это первая глава будущей книги о К.И. Сатпаеве. Внимательно прочти и, если что-то найдешь необходимым, сделай правку". На что я ответил: «Как же я буду исправлять, что написал академик?» Тогда он мне сказал: "Академик такой же человек, как и ты. Мы с тобой из пишущей братии и, если ты что-то исправишь в написанном, я буду тебе премного благодарен». Врученный мне раздел будущей книги был озаглавлен "В орбите кочевков" и посвящен детским годам Каныша Имантаевича.

Через какое-то время, ко мне в дом отдыха на Жасыбай, что возле Баян аула, вечером приехал мой коллега из Экибастуза и передал просьбу Евнея Арстановича приехать на следующий день в отделение Тендык совхоза имени Сатпаева к 11 часам. В назначенное время мы были на месте и остановились возле речки. Было где-то без 2 или 3 минут 11 часов. Мой попутчик, хозяин автомашины решил воспользоваться, протекавшей в речке водой, и помыть машину. Только он собрался сделать это, появились три легковые машины. В первой, рядом с шофером сидел Евней Арстанович, взяв к себе в машину моего отца Дынмухамеда Белялова, друга детства Каныша Имантаевича, Жумаша Шадетова и Кабылбека-аксакала, фамилии которого я, к сожалению, не знаю. За машиной Евнея Арстановича следовали еще две машины, в которых не было ни одного свободного посадочного места. Среди сопровождавших Евнея Арстановича лиц, помнится были директор ХМИ Абишев Ж.Н.; зав.кафедрами университета Перевертун, Жуасов; ученый секретарь Центрально-Казахстанского отделения АН КазССР, Щербаков А.А.; Рахмет Момынов и др. Евней Арстанович сделал нам знак следуйте за нами. Переехав речку сделали остановку у кладбища,

где похоронен старший султан Баян аульского округа, царский полковник Муса Шорманов. Затем поехали к месту зимовки последнего. Там составили схему плана дома, на которой были отмечены комнаты: детская спальня, гостиная, комната-класс и комната, где проживал учитель. Мне Евней Арстанович сказал: "Наступит время, когда добрым словом будут вспоминать твоих предков и первый толчок к этому дам я, приведя в книге о Каныше Имантаевиче Сатпаеве эту схему и упомянув о твоих предках, как о просветителях". После посещения места зимовки Имантая Сатпаева, я попросил разрешения вернуться на Жасыбай, на что Евней Арстанович сказал: "Так как ты, проявив уважение ко мне, оставив отдых, присоединился к нам и поклонился вместе с нами праху предков, не могу же я тебя отпустить голодным. Когда ты вместе с нами отведаешь приготовленный в совхозе им. К. Бабаева обед, можешь быть свободен и продолжать отдых на Жасыбае". По пути туда, остановились на берегу озера, расположенного в широкой долине, вдали от населенного пункта. Евней Арстанович усадил меня рядом с собой, любуясь открывшейся панорамой: широкой долиной поросшей разнотравьем, грядой сопок, расположенной параллельно дороге, чистейшим степным воздухом, напоенным ароматом трав. Вдруг он сказал мне: "Ты обратил внимание, что цвет вашей и двух других машин (его сопровождавших) одинаков." Я ответил: "А Вы думали, почему мы остановились у речки? Когда мы узнали о цвете машин следовавших за вашей, мы ее перекрасили, чтобы не выделяться". Он сказал: "Ах, вот оно что." и довольный шуткой расхохотался.

Как-то, встретив меня, Евней Арстанович заметил: "Тебе ведь скоро исполнится 40 лет, не кажется ли тебе, что засиделся в кандидатах наук, наверное, пора и за докторскую приниматься.

Пятидесятилетие Евнея Арстановича предшествовало общему собранию Академии Наук КазССР, где он баллотировался в академики. Помнится, некоторые высказывали мнение, что проведение чествования в день юбилея может негативно отразиться на результатах выбора его в академики, но опасения эти, к счастью, оказались напрасными и Евней Арстанович был избран действительным членом Национальной Академии Наук. На указанное выше мнение Евней Арстанович заметил: "Я не мог конъюктурные соображения ставить выше желания людей выразить свое отношение ко мне в связи с юбилеем". Как проходило собрание, посвященное 50-летию Евнея Арстановича известно многим и я не буду останавливаться на этом, тем более, что я там не присутствовал. Также известно, что поздравить Евнея Арстановича прие-

хали не только представители практически всех областей Казахстана, но и других республик Союза.

Поздравить Евнея Арстановича со знаменательной датой я пришел к нему домой вместе с супругой Дарико Айтпаевной и дочерью Шамсией и преподнес, мной составленный из различных горных пород чернильный прибор. Взяв его в руки, Евней Арстанович отодвинув немного в сторону, серийно изготовленный аналогичный прибор, и сказал: "Хотя это и дорогое по цене изделие, но твой прибор ценнее, потому что изготовлен своими руками". Затем переложил ручку из другого прибора в мой, заметил: "Я буду здесь держать эту ручку и всякий раз, когда я буду пользоваться ей, вспоминать, что это подарок Вашей семьи". Пробыв некоторое время мы намеревались распрощаться, но Евней Арстанович попросил нас подождать, пока он найдет книгу о сорока английских семьях, которые правят Англией. Для этого он, как бы перебирал книги в книжных полках кабинета, потом вышел в другую комнату, затем вернулся опять просмотрел книги на какой-то полке, опять вышел в другую комнату, а зайдя опять к нам он сказал: "Пока я искал книгу, Зубайра Дюйсеновна приготовила чай. Давайте попьем чай, а книгу я тебе найду потом". Книгу эту я так и не видел и не знаю ее названия. Поиски ее были предлогом нас задержать и усадить за стол. Во время мнимых поисков книги, Евней Арстанович принес дощери сушеную дыню, присланную из Туркестана и говорил ей: "Эта такая вкусная вещь, я ее очень люблю кушать и думаю, тебе она тоже очень понравится".

После избрания Евнея Арстановича академиком многие, особенно те кто не смог приехать на юбилей, из других городов приезжали лично засвидетельствовать свое почтение и поздравить с избранием в действительные члены Академии Наук Казахстана. Среди них были трое гостей из Алматы: директор института силикатов, бывший (более двадцати лет) ректором Шымкентского технологического института академик АН КазССР, доктор наук, профессор Султан Сулейменов, директор Казахского института минерального сырья, доктор наук Гинаят Бекжанов и поэт Абдильда Тажибаев. Вышеназванные гости и Евней Арстанович нанесли визит моим родителям. Потом их пригласили в гости и они были у директора Химико-металлургического института Жанторе Нурлановича Абишева и одногруппника академика С. Сулейменова бывшего старосты группы, как его называли в студенческие годы Аркадия Ивановича Садвокасова. Ко всем отвозила автомашина Евнея Арстановича и он меня все время просил гостей сопровождать. Наконец должны были быть гостями Евнея Арстановича. Он позвонил

мне и сказал в какое время у него должны быть гости и попросил меня с супругой быть вместе с ними. Сославшись на то, что супруга находится на работе (хотя она была дома) и может ко времени сбора гостей не подойти, я хотел попытаться отговориться. Через некоторое время Евней Арстанович позвонил снова и сказал: "Моя машина уже поехала к тебе, если супруга еще не подошла, то заедьте за ней и вместе приезжайте ко мне. В нашей организовавшейся (имея в виду Алматинских гостей) компании ты самый молодой и должность виночерпия за тобой". Но когда я хотел приступить к обязанностям виночерпия уже будучи в гостях, Евней Арстанович сказал мне: "Ты же мой гость. Я должен как хозяин ухаживать за гостями. Ведь ты мне не позволил заниматься этим, когда я был твоим гостем".

Как-то возвратясь из командировки, я узнал, что Евней Арстанович находится в больнице. То ли он прихворнул, то ли это был профилактический осмотр, но, помнится, ничего серьезного не было. Когда я сидел у него в палате, зашел профессор Дюсетай Аймагамбетович Шаймуханов. Он решил проинформировать Евнея Арстановича о результатах собеседования в ЦК Компартии Казахстана перед назначением его ректором Пединститута физвоспитания, на которую его рекомендовал Евней Арстанович. Евней Арстанович был искренне рад утверждению кандидатуры Д.С.Шаймуханова на должность ректора института и выразил уверенность в том, что проф. Шаймуханов Д. будет достойным руководителем вуза и пожелал ему успехов, в чем он, конечно, не ошибся.

Как-то летом, почему-то, я заехал к Евнею Арстановичу домой утром. В гостях у него бы скульптор Х.Е. Наурызбаев, создавший памятники Абая, Чокана Валиханова и другие произведения искусства. В это время его беспокоил сахарный диабет. Евней Арстанович тогда мне сказал, что поскольку ему в то время нельзя было есть мучное, мясное и другие продукты повышающие содержание сахара в крови, он перешел на творог и заметил: "Я никогда не думал, что эта такая сытная и легкая пища". На память об этой встрече остались несколько слайдов, зафиксировавших его одного, с Х.Е. Наурызбаевым, со мной возле его особняка рядом со зданием Химико-металлургического института.

После известных гонений и освобождения Евнея Арстановича от должности ректора, я не сразу решился зайти к нему домой, но когда я пришел, то застал его в кабинете, что на первом этаже особняка. Он сидел за письменным столом, перед ним были раскрыты две книги из трехтомного учебника Соболева по физике. "Сейчас появилось время заняться проблемой, до которой у меня все руки не доходили из-за де-

фицита времени, и оказывается я уже кое-что забыл, поэтому я как прилежный студент штудирую эти учебники"- сказал он мне. Потом он высказал свои соображения по организации Центрально-Казахстанского отделения Академии Наук и опять вернулся к разговору о том, чтобы я подумал о степени доктора наук, "организуются новые институты, а нерешенных проблем в Центральном Казахстане с несметными богатствами недр очень много, мы с тобой Бахыт еще работаем".

Как-то летом, после перенесенного первого инфаркта, Евней Арстанович позвонил мне и спросил, не смог бы я свозить его на Федоровское водохранилище. Я заехал к нему с дочерью Шамсией, ученицей младших классов, и мы поехали на восточный берег водохранилища, где на пляже было довольно много людей. Евней Арстанович зашел в воду, постоял немного, смочил руки и грудь, а затем немного проплыв вышел на берег. В это время двое мальчишек ходили вдоль берега и ловили, оказывается, раков. Дочь увидела рака в руках мальчиков и стала просить меня поймать ей тоже рака. Я стал объяснять ей, что у меня нет ни приспособлений для ловли раков, ни опыта. В это время к нам подошел Евней Арстанович и, узнав в чем дело, уговорил мальчиков подарить девочке пойманного рака. В машине нашлась банка, в которую набрав воду поместили рака. Евней Арстанович больше не стал купаться и мы стали собираться домой. Евней Арстанович сел на заднее сиденье, дочь расположилась на переднем с банкой в руке и не отрывала глаз от рака, и рассказывала, что он там делает. Евней Арстанович сказал дочери: "Здесь раков мало, поэтому мальчики поймали только одного, а в озере около Темиртау их так много, что как только человек заходит в воду, они начинают щекотать ноги. Вот, если папа сможет водить "Волгу" мы как-нибудь поедем туда на моей машине и наловим тебе целое ведро раков". Дочь, повернувшись к Евнею Арстановичу, спросила: "Честно?" На что Евней Арстанович отвечал: "Честно, балам!" Ты уговори папу свозить нас с тобой в Темиртау".

По приезду из Москвы, где я был месяц на курсах повышения квалификации, я узнал, что Евней Арстанович находится в больнице после перенесенного второго инфаркта. Когда я зашел в палату, там находилась и Зубайра Дюйсеновна. Я поставил в известность Евнея Арстановича, что был в длительной командировке и не смог раньше его проведать. Расспросив о родителях, супруге, он спросил: "Как дела у Шамсии?". Зубайра Дюйсеновна спросила: "Кто такая Шамсия?" Тогда Евней Арстанович ей ответил: "Это наш с Бахытом небольшой секрет..., это его маленькая дочь". Затем Евней Арстанович вышел, попро-

сив меня подождать. Через некоторое время он пришел, приведя с собой двух человек, находившихся в соседней палате, один из которых оказался моим земляком из Баян аула, с которым он меня тут же познакомил. Потом он усадил и меня за стол и заставил попробовать бешбармак, который принесла Зубайра Дюйсеновна.

Как-то перед Новым годом Евней Арстанович пришел к нам домой и, узнав, что Инкара заканчивает десятилетку, поинтересовался куда она думает поступать после окончания школы. Я ответил, что она с детства, одев белый халат, сшитый бабушкой, прослушивает нас своим нерабочим фонендоскопом и лечит всех нас и поэтому, наверное, изберет специальность врача. Тогда Евней Арстанович сказал: "Я теперь не ректор. Пусть она поступит в Политехнический институт на специальность литейное производство, а после окончания я её возьму к себе для дальнейшей учебы". После ухода Евнея Арстановича я рассказал о нашем разговоре дочери. Она поступила на указанную специальность, но ее специальность через два года перевели Темиртау во ВТУЗ. В это время ушел из жизни Евней Арстанович. Я предложил дочери перевестись на другую специальность, жить дома и учиться в Караганде, а не жить общежитии в другом городе. Она наотрез отказалась, ссылаясь на то, хочет получить ту специальность, которую советовал приобрести дядя Евней Арстанович.

В декабре 1983 г. мне позвонил Евней Арстанович и попросил привезти к нему в гости моего отца Дынмухамеда Билялова и сказал: "Я решил пригласить в гости аксакалов, чтобы они первыми попробовали согым нынешнего года". В пятницу в назначенное время я привел моего отца. В доме уже сидели Нурлан Абишев с супругой (отец Ж.Н.Абишева, ученика Евнея Арстановича, в то время академика-секретаря Центрально-Казахстанского отделения Академии Наук Республики). Хозяина дома не было. Зубайра Дюсеневна мне сказала: "Твой ага, наверное, забыл, что пригласил гостей и, по всей вероятности, играет в бильярд в институте. Пригласи его". Я пошел в институт. Он на самом деле в фойе второго этажа играл в бильярд. Я сказал ему: "Интересно, гости собрались дома, а Вы тут играете в бильярд и заставляете гостей приглашать Вас к гостям". Он ответил: "Я и в правду забыл, пошли домой" Я сказал, что поручение я его выполнил и мне молодому, может быть будет неудобно быть среди аксакалов. Тогда он спросил нет ли у меня вечерних занятий и, получив отрицательный ответ, сказал: "А с кем же я буду пить коньяк? Составь мне компанию". Мне пришлось остаться.

В перерыве между бешбармаком и чаем аксакалы, оставшись за столом, увлеклись своими разговорами. Евней Арстанович пригласил меня сесть вместе с ним на диван, находившийся поодаль в той же комнате. По ходу разговора я спросил Евнея Арстановича: "Что Вы будете делать с большим собранным материалом о Каныше Имантаевиче Сатпаеве? Ведь, недавно, в серии ЖЗЛ вышла книга Медеу Сарсекеева о Каныше Имантаевиче". На это он ответил, что он переработает имеющийся материал и выпустит его в виде романа. По окончании встречи я увез отца домой.

Через два дня, в понедельник, в 7 часов утра я должен был вылететь в командировку в Джамбул (теперь Тараз). По нашему рейсу объявили задержку до 9 часов, затем еще на два часа. После второго объявления задержки у меня появилось какое-то необъяснимое беспокойство. Появилось желание позвонить домой или на работу. Я успокоил себя тем, что, многократно выезжая в командировки, я сталкивался с такой же ситуацией не единожды, однако никогда не звонил никуда, чтобы не беспокоить домашних. И в этот раз я тоже улетел дождавшись времени вылета. Оказывается в это время Евней Арстанович ушел из жизни.

Собираясь возвратиться домой я позвонил из Джамбула домой. Телефонную трубку подняла дочь Шамсия и сразу же с дрожью в голосе стала мне говорить: "Папа, ты только не волнуйся...". Я сразу спросил: "Что-то случилось с бабушкой или дедушкой?". Она опять повторила, дав на мои вопросы отрицательный ответ: "Ты только не волнуйся. Дядя Евней Арстанович скончался".

Вот такие незабываемые встречи, общения были у меня с Евнеем Арстановичем обаятельным человеком, крупнейшим ученым, писателем, заботящемся обо всех кто окружал его. Часто встречаясь, общаясь с ним нам было невдомек, что нам судьба подарила возможность жить и работать, всесторонне одаренной личностью, звездой первой величины своего времени.

Мансур ТРИГУЛОВ

ДОБРОТА

С Евнеем Арстановичем я познакомился летом 1972 года на берегу небольшого водоема в Каркаралинских горах. Я был молод, нахален, позади аспирантура, все впереди, а пока за душой только честолюбие и наполеоновские замыслы. Евней Арстанович уже известный ученый, ректор уни-

верситета, популярный, уважаемый человек. Тем не менее, он держался просто и в течение нескольких часов нашего общения не показывал своего превосходства над молодым дерзким человеком. Лишь гораздо позже я оценил его поведение и всю свою жизнь старался подражать ему. Уникальный случай свел меня с великим человеком, и я всегда был рад этому.

Меня Букетов также запомнил и через несколько месяцев пригласил к себе и предложил работу в университете заведующим кафедрой физического воспитания. Я в то время работал в педагогическом институте физического воспитания деканом факультета ФВ. Ректором института был Мусин Болат Садыкович, с которым я был очень дружен и не мог бросить его.

Евней Арстанович оценил мою преданность и, тем не менее, состоялся продолжительный разговор. Он интересовался взглядом со стороны на работу кафедры ФВ университета и спрашивал мое мнение о шагах по улучшению ее работы. Тогда я понял, насколько он разносторонний человек и что у него нет того налета снисходительности к спорту и физическому воспитанию, что было присуще большинству ректоров того времени. Мы условились, что я буду активно помогать университету по всем аспектам работы кафедры ФВ. В том числе направлять на работу в университет лучших выпускников института. Что я и делал.

В конце 1974 года неожиданно умер наш ректор Мусин, а вновь назначенным Шаймухановым Д.А. общего языка я не нашел. Летом 1975 года я позвонил Евнею Арстановичу и сказал, что если я не опоздал, то готов принять его предложение.

Правда и тут сказался мой максимализм. При встрече я не скрыл от него, что меня приглашают в Казахский институт физической культуры заведующим кафедрой спортивных игр. На что Евней Арстанович усмехнулся и спросил «Где вам больше нравится?» Я ответил честно: «Там, где будут лучше условия». Когда он меня спросил, что это за условия, я ответил: «Чтобы меня ценили, а за это я буду работать за троих». Букетов долго доброжелательно смеялся, и я понял, что мы найдем общий язык.

Так я перешел в университет и всегда вспоминаю годы, проведенные там, как свои лучшие годы жизни. Мне на кафедре работалось легко, больше половины преподавателей были мои бывшие студенты, и мне не нужно было кому-то приказывать дважды. Тем более, что все чувствовали отношение ректора к кафедре и ко мне лично. На кафедру возлагали все более и более несвойственные ей функции (руководство субботниками и воскресниками, парады и всевозможные шествия, репетиции к ним, третий трудовой семестр и т.д.) И мы все это добросовестно отработывали, не забывая о главном: четкое проведение занятий по физическому воспита-

нию и развертыванию спортивной работы, по созданию сильных команд университета по различным видам спорта.

Евней Арстанович хорошо понимал, что для того, чтобы в университете учились сильные спортсмены, нужно набирать их из числа перспективных абитуриентов, тех, кто уже в школе по несколько лет занимался спортом. Перед каждым деканом факультета лежал список абитуриентов, которых они не имели право «потерять» на вступительных экзаменах. Я персонально отвечал за каждого, что это не брат, не сват, не родственник. Каждый год мы принимали около 30 человек. В числе их наша гордость - двукратный Олимпийский чемпион Володя Муравьев. Хотя надо отметить, что за него хлопотать не надо было. Он везде учился на отлично. Сейчас он профессор, живет и работает в Санкт-Петербурге.

Буквально за пару лет университет стал превращаться в мощный спортивный центр. С просьбой принять на работу к нам стали обращаться ведущие тренеры города, тем более что благодаря ректорату и лично Евнею Арстановичу преподаватели кафедры ФВ начали получать квартиры (за три года было получено 6 квартир), что в то время было очень проблематично в других вузах. Также мы добились ставок для тренеров секций, оплачиваемых университетом, а также из ОблСовПрофа.

Все это было учтено при подведении университетских итогов на звание лучшей кафедры. В 1978 - 1979 годах кафедра ФВ была признана лучшей кафедрой университета. Чего никогда не было в других вузах города, да и, пожалуй, страны в целом.

Я уже не говорю о том, что не было недостатка средств в финансировании спортивных команд на выезды на соревнования, на спортивный инвентарь, на форму и т. д. Всерьез рассматривался вопрос о финансировании команды мастеров, в случае, если она появится. А все к этому шло.

Букетов не был ярым поклонником спорта. Но он умел отличать людей работающих профессионально и с полной отдачей, поэтому я попал в число его ближайшего окружения. Как он неоднократно говорил, что ему нужны такие нукеры, как я. Раньше я не знал значения этого слова, но понимал его верно. И я никогда не стыдился признать его за хозяина, старшего друга, и преданно ему служил. Иногда по вечерам он звонил мне и спрашивал, что я делаю. Я знал, что за этим последует приглашение поиграть в бильярд, и всегда был готов. Общение с Евнеем Арстановичем в непринужденной обстановке давало очень много. Я пересмотрел некоторые свои взгляды на жизнь только благодаря ему и, возможно, только этим обязан, что не сломался после тяжелой травмы.

Летом 1978 года я, по просьбе Букетова, командовал третьим трудовым семестром у студентов университета. Основной задачей Евнея Арстано-

вич поставил строительство главного корпуса университета на Юго-Востоке. Тот злополучный июльский день я провел на стройке. После жары и пыли я поехал искупаться на Федоровское водохранилище, где и нырялся до перелома шейных позвонков. В бессознательном состоянии меня отвезли в спинальный центр. Уже на следующий день меня посетил Евней Арстанович и приезжал он туда довольно часто, несмотря на огромную занятость.

В 1980 году под надуманным предлогом его отстранили от должности ректора университета и перевели на должность научного сотрудника в ХМИ (химико-металлургический институт). Почему это произошло, знают многие, и то, что это была жуткая несправедливость, понимали все. Но никто не смел даже пикнуть, таковы были нравы общества. Его не просто задвинули в никуда, но и унизили абсолютным безразличием. Ученого с мировым именем окружала пустота. Как-то он проведal меня дома (а проведывал он меня часто) и пожаловался, чего он не делал никогда, даже когда его отстранили от ректорства. Однажды, рассказывал он мне, он не был на работе неделю. В таких случаях требуется сдать бюллетень или другой оправдательный документ. Но у него не спросили ничего. Евней Арстанович просто поразился, сказал, что его не так бы огорчил выговор или что то в этом роде, чем абсолютное безразличие. Как он выразился его считают за пустое место. И что самое страшное наказание, какое смогли придумать для него. Больше я никогда не слышал от него жалоб.

Я был разломан физически, а Евней Арстанович – морально. Причем, тогда я не понимал, что нравственные муки гораздо страшнее физических мук и, тем не менее, он подбадривал меня. Я тогда не понимал в силу того, что был парализован почти полностью, что Евней Арстанович нуждался в поддержке даже больше, чем я. И очень обидно, что некоторые люди, для которых Букетов сделал так много, просто отвернулись от него. Все это ранило его еще больше, чем несправедливость. Такие переживания, несомненно, сказались, и он рано, очень рано ушел из жизни.

Но какой яркий свет оставил Евней Арстанович в вашей жизни и нашей памяти! Я до сих пор горжусь годами, проведенными рядом с ним. Жалко, что их было немного. Большой портрет Букетова Евнея Арстановича стоит у меня в кабинете и, кажется, он внимательно смотрит на меня, оценивает: все ли я правильно делаю. Я стараюсь, Евней Арстанович!

20 июня 2002 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВНЕЯ АРСТАНОВИЧА БУКЕТОВА

1925 г. 23 марта - родился в ауле Баганаты Октябрьского (ныне Сергеевского) района Северо-Казахстанской области.

1932-1941 г. г. Сначала учился в школах деревень Малый Кизак, Макушино Мокроусовского и Макушинского районов Курганской области РФ, затем в школе с. Марьевка Октябрьского района Северо-Казахстанской области, где окончил девять классов.

1941-1945 г. г. Учитель начальных и неполных средних школ аулов Жалтыр, Социал, сел.: Афанасьевка, Ольгинка, Двойники и Городец Октябрьского района СКО, временами завуч этих школ.

1939-1947 г. г. Член ВЛКСМ.

1944 г. Работа в первичной комсомольской организации в качестве секретаря колхоза "Красная планета" (с. Двойники).

1945 г. Сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости в Марьевской средней школе.

1945-1950 г. г. Студент Казахского горно-металлургического (ныне политехнического) института в г. Алма-Ате.

1947 г. Принят кандидатом в члены ВКП(б).

1949 г. Принят в ряды ВКП(б).

1951-1953 г. г. Аспирант Казахского горно-металлургического института.

1954 г. июнь. Защитил диссертацию на соискании ученой степени кандидата технических наук по проблемам извлечения молибдена и его химического анализа в объединенном Ученом Совете Института металлургии и обогащения АН Казахской ССР.

1954-1956 г. г. Ассистент кафедры металлургии легких и редких металлов Казахского горно-металлургического института

1956-1958 г. г. Доцент кафедры металлургии легких и редких металлов КазГМИ.

1958-1960 г. г. Заместитель директора по учебной работе Каз.ГМИ

1960-1972 г. г. Директор Химико-металлургического института АН Казахской ССР в г. Караганде.

1961 г. Награжден Грамотой Верховного Совета Казахской ССР

1962 г. Присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности "Металлургия цветных металлов".

1966 г. 10 октября защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук на тему "Извлечение селена и теллура из

медьэлектролитных шламов" в объединенном Ученом Совете Московского ордена Трудового Красного знамени института стали и сплавов.

1967 г. Присуждены ученая степень доктора технических наук и ученое звание профессора.

1967 г. Участвовал во Всемирной выставке в Монреале (Канада).

1968-1969 г. г. Заведующий кафедрой, профессор кафедры общей химии Карагандинского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института (по совместительству).

1968-1970 г. г. Кандидат в члены Карагандинского областного комитета Компартии Казахстана.

1969 г. Избран депутатом Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся XI созыва. Удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники за разработки и внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

1969-1971 г. г. Член редколлегии журнала "Известия" Академии наук Каз. ССР, серия химическая.

1969-1980 г. г. Член редколлегии журнала "Білім және еңбек".

1970 г. Избран членом-корреспондентом АН Каз. ССР. Награжден юбилейной медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина".

1971 г. Принят в члены Союза писателей СССР.

1971-1981 г. г. Член Карагандинского областного комитета Компартии Казахстана.

1972-1980 г. г. Первый ректор Карагандинского государственного университета.

1972 г. Член научного совета "Гидрометаллургия" Государственного Комитета по науке и технике при Совете Министров СССР, г. Москва.

1973-1980 г. г. Депутат Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся XIV-XVI - созыва.

1975 г. Избран действительным членом (академиком) Академии наук Казахской ССР. Награжден Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

1976 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Первый заведующий кафедрой физической химии КарГУ, открывшейся по его инициативе (по совместительству).

1978-1982 г. г. Организатор и председатель 1 и 2 Всесоюзных совещаний - "Химия и технология халькогенов и халькогенидов", проведенных в г. Караганде.

1978 г. Организатор создания первой проблемной лаборатории в КарГУ по химии и технологии халькогенов и халькогенидов.

1978-1983 г. г. Член редколлегии журнала "Комплексное использование минерального сырья". Член редколлегии сборника "Пути в неизвестное" издательства "Советский писатель" г. Москва.

1980-1983 г. г. Старший научный сотрудник, руководитель лаборатории ХМИ АН КазССР, г. Караганда.

1980-1983 г.г. Профессор кафедры неорганической химии Карагандинского государственного университета (по совместительству).

1983 г. Член бюро Центрально-Казахстанского отделения АН Казахской ССР, г. Караганда.

13 декабря 1983 г. Е.А.Букетов скончался. Похоронен на Карагандинском городском кладбище. Установлен надгробный памятник-бюст из красного гранита работы заслуженного деятеля искусств Казахской ССР скульптора Гуммеля Ю.В.

КРАТКО ОБ АВТОРАХ

1. **Камзабай Букетов** – брат академика, инженер-электрик, заслуженный работник службы быта Казахской ССР.
2. **Даляпраз Букетов** – младшая дочь Евнея Арстановича Букетова, инженер – архитектор. Живет в Алматы.
3. **Какимбек Салыков** – поэт, заслуженный деятель РК.
4. **Виталий Малышев** – доктор технических наук, профессор. Живет в Караганде.
5. **Елизавета Корнич** – журналист, бывший партийный работник.
6. **Иван Белетченко** – кандидат исторических наук, доцент. Живет в Петропавловске.
7. **Василий Кузнецов** – директор Сергеевского районного историко-краеведческого музея. Живет в Сергеевке Северо-Казахстанской области.
8. **Жумабек Ташенов** – кандидат экономических наук, бывший председатель Совета Министров республики. Жил в Чимкенте.
9. **Иван Трофимов** - пенсионер, бывший первый директор Марьевской школы, впоследствии – заведующий роно. Живет в Кокчетаве.
10. **Иван Худяков** – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники России. Жил в Свердловске.
11. **Виктор Белоусов** – бывший главный инспектор Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме АН СССР, куратор АН Казахстана.
12. **Лидия Ильина** – кандидат физико-математических наук, доцент. Живет в Караганде.
13. **Станислав Набойченко** – доктор технических наук, профессор, ректор Уральского политехнического института. Живет в Екатеринбурге.
14. **Сергей Никитин** – журналист, писатель. Автор книги «Сарыарка – золотая планета». Жил в Москве.

15. **Павел Новокшенов** – журналист, собственный корреспондент все-союзной газеты «Известия».
16. **Абдуали Баешев** – доктор химических наук, профессор.
17. **Сайлаубек Байсанов** – доктор технических наук, заведующий лабораторией Химико-металлургического института. Живет в Караганде.
18. **Алексей Перевертун** – кандидат физико-математических наук, доцент. Жил в Алматы.
19. **Марк Угорец** – доктор химических наук, профессор. Живет в Израиле.
20. **Владимир Бреннер** – доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Живет в Туле.
21. **Галина Черноголовина** – писательница. Живет в Алматы.
22. **Алексей Брагин** – журналист, писатель.
23. **Шамшия Амерханова** - кандидат химических наук, преподаватель Карагандинского университета. Живет в Караганде.
24. **Андрей Пашинкин** – доктор химических наук, профессор. Живет в Москве.
25. **Раиса Клещева** – доктор философских наук, профессор.
26. **Галым Кадралин** – ветеран труда, отличник народного образования РК.
27. **Владлен Карлинский** – доктор медицинских наук. Живет в Израиле.
28. **Болат Байтанаев** – доктор филологических наук, профессор.
29. **Бахыт Билялов** – кандидат геолого-минералогических наук.
30. **Мансур Тригулов** – кандидат биологических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Предисловие	5
2. К. БУКЕТОВ Старший брат.....	7
В ауле.....	7
На Урале.....	11
В колхозе.....	28
В военное лихолетье.....	33
В поиске знаний.....	36
Увлечение.....	40
Доверие.....	47
В науке.....	50
В университете.....	53
Популярность и пасквиль.....	76
Тернии.....	79
Творческая кухня.....	82
Возвращение.....	87
Школа и наследие.....	91
В кругу семьи и друзей.....	93
Память.....	98
3. Д. БУКЕТОВА Про премьеру.....	109
Про калоши.....	111
4. К. САЛЫКОВ Реквием Евнею Букетову.....	113
5. В. МАЛЫШЕВ Поступью командора и пророка.....	123
"Вверх по лестнице, ведущей..."	123
Кое-что из Лассаля.....	125
Единица измерения - директор.....	130
PPP и fff	133
"Несть праведен пророк в отечестве своем..."	135
Ученый. Художник. Гражданин.....	140
"Аз и Я" - глазами естествознания.....	151
Шаги по тысячам и тысячам науки.....	160
6. Е. КОРПИЧ Сын маленького аула.....	168
7. И. БЕЛЕТЧЕНКО Начало пути.....	170
8. В. КУЗНЕЦОВ Что написано бессмертно.....	172
9. И. ТРОФИМОВ Его книги продолжают сражаться.....	174
10. Ж. ТАШЕНОВ Это был человек высочайшей культуры, ясного ума.....	175
11. И. ХУДЯКОВ Незабываемые встречи.....	176

12. В. БЕЛОУСОВ	Я его никогда не забуду.....	180
13. Л. ИЛЬИНА	Жизнь ради жизни других.....	184
14. С. НАБОЙЧЕНКО	Самородок, мыслитель, труженик.....	188
15. С. НИКИТИН	Простор.....	193
16. П. НОВОКШОНОВ	Слово о друге.....	201
17. А. БАЕШЕВ	Наш наставник – лидер электрохимии..	204
18. С. БАЙСАНОВ	В научном поиске.....	207
19. А. ПЕРЕВЕРТУН	Я счастлив, что знал БУКЕТОВА.....	211
20. М. УГОРЕЦ	Евней Арстанович и халькогены.....	214
21. В. БРЕННЕР	Таким он был, таким остался в сердцах людей.....	218
22. Г. ЧЕРНОГОЛОВИНА	Чуткое понимание стихов.....	222
23. А. БРАГИН	И все-таки он победил.....	224
24. Ш. АМЕРХАНОВА	Учитель искренней доброты.....	230
25. А. ПАШИНКИН	Академик и писатель.....	231
26. Р. КЛЕЩЕВА	Талант – единственная новость, когда он так велик, как Ваш!	235
27. Г. КАДРАЛИН	Воспоминания о земляке.....	238
28. Б. БАЙТАНАЕВ	Память о нем жива.....	243
29. В. КАРЛИНСКИЙ	Таких людей надо беречь.....	245
30. Б. БИЛЯЛОВ	Незабываемые встречи.....	247
31. М. ТРИГУЛОВ	Доброта.....	255
32. Основные даты жизни и деятельности Е.А. Букетова.....		259
33. Кратко об авторах.....		262

Подписано в печать 21.04.2004 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 17,75 п.л.
Тираж 400. Заказ № 517.
Отпечатано в типографии ТОО «Арко»,
г. Караганда, ул. Ленина, 2.